

серия романов
BELUA FERUS

«Дикий зверь»

ТАЙНАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ

ЭЛЬВИРА
ДЕЛЬ'ИСКАНДЕР

18+

Эльвира Дель'Искандер

Тайная одержимость

«Автор»

2012

Дель'Искандер Э.

Тайная одержимость / Э. Дель'Искандер — «Автор», 2012

Нелли становится свидетелем сверхъестественного убийства и, желая спасти свою жизнь, бежит из города. Она еще не знает, что подобно мотыльку приближается в самое пекло — в город Радлес, где ей предназначено стать официанткой и встретиться с недружелюбным Александром: таинственным мужчиной, который обращает на нее свой пристальный взор. Теперь и для него она — проблема, которую он должен срочно устранить. Но что же делать, если новый враг есть единственный путь к спасению? Если только он способен все объяснить и, ведомый скрытыми мотивами, защитить ее? ...вот только захочет ли она такой защиты...

© Дель'Искандер Э., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	70
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эльвира Дель'Искандер

Тайная одержимость

Belua Ferus [бэлюа фэрус] – дикий зверь (лат.)

Ferus [фэрус] – дикий (лат.)

Глава 1

«Думай, думай, думай. Ты справишься, да, конечно же, ты справишься. В твоей жизни случались события и пострашнее, чем преследования ненормальных типов. Ведь так?»

Нет, не так!»

Нелли повалилась на грязный пол от очередной болезненной встряски. Словно призыв не мыслить о мыслях, посещавших в который раз за последние несколько недель.

Три месяца... Боже, казалось, прошло не менее трех лет, а не каких-то двенадцать недель, с тех пор как жизнь пошла наперекосяк, и это было мягко сказано. Жизнь была разрушена: разбита, заколота, изнасилована и брошена в сточную канаву. Да, именно так.

Нелли почувствовала облегчение, признав этот страшный факт. Признав, что вряд ли удастся вернуть себя в былые светлые времена, наполненные тихим повседневным счастьем, к тому же оставшись тем же самым человеком, которым некогда была.

Всего лишь неделю назад она пыталась верить, что все происходящее – временный мрак. Что рано или поздно (а скорее рано) ее устроенное, вполне обеспеченное, уютное и комфортное существование восстановится, а все несчастья, внезапно настигшие, окажутся страшным сном.

Впору было посмеяться над своей наивностью.

Ничего и никогда не изменится! Пора избавляться от жестоких иллюзий и продолжать движение вперед; пора отпустить пустые надежды и погрузиться в насущное настоящее: забыть, что было «до», подумать, наконец, о «после» и начинать рисовать свою жизнь с абсолютно чистого холста. Иначе воспоминания сведут с ума. Своими экскурсами в незапятнанное прошлое Нелли делает хуже только себе. Этим ничего не изменить, разве что продолжать расшатывать психику. А Нелли не железная, она не стальная. Возможно, немного рисковая, потому могла бы терпеть и дальше, изображая сильную из себя и храбрую. Нелли даже могла бы начать бороться. Да, наверняка бы могла. Но только с кем? С кем ей бороться?

Ответы на данный вопрос пугали больше всего.

Сейчас, трясаясь в фургоне немывтого годами грузовика – не первого для нее и не последнего, – Нелли пыталась определить момент, когда же начался кошмар. Когда же именно она превратилась в побирушку, бездомную и безработную, мчащуюся в неизвестном ей направлении. Случилось ли это в баре, когда, будучи глупой и совершенно безрассудной, решила доказать себе и остальным, что она достойна получить повышение. А потому пошла за этим проклятым типом, благополучно проигнорировав спутницу-интуицию, буквально кричавшую бежать назад.

Либо произошло то значительно раньше, когда под силой желаний и тупых амбиций повздорила со своим начальником: он не видел ее репортером. Репортером криминальной хроники.

Воспоминания на время притупились, но не стали менее болезненными. Репортер... Журналистика... Когда-то она действительно работала журналистом в популярном городском издании. Когда это было? Ах, да – в прошлой жизни.

Нелли числилась в штатных сотрудниках и, как полагала, многого добилась: функций секретарши не выполняла, чай и кофе никому не подавала – она писала. Писала статьи в своей прекрасной, недолюбленной колонке. И чего же ей не хватало? Она колумнист, у нее своя рубрика, многие о том только мечтают. И вела она ее хорошо: ей приходило столько замечательных отзывов!

Вот только писала в ней не о том, о чем в действительности хотела написать. «Семья и дом» это, конечно, хорошо, однако душа стремилась к иным вершинам. Вершинам серьезным и экстремальным – вершинам криминальным. А в вопросах про то «Как правильно выгуливать

собаку?» или про то «Как решиться на зачатие ребенка?» криминал лишь в том, что ты не там закопал экскременты. В обоих случаях сразу. Ну, сколько можно терпеть?

Последней каплей стало письмо, пришедшее в редакцию от неизвестной особы. Женщина давала совет написать о сериалах. О сериалах! О том «Какие сериалы мы смотрим?».

«Мы» сериалы не смотрим. «Мы» работаем и достаточно плотно. А когда не работаем, то делаем вид, что выполняем важную задачу, тогда как в действительности обдумываем план «Как выпросить у начальника повышение». А для нее смена поля деятельности была равнозначна повышению в должности.

Примерно такую эмоциональную речь она и высказала своему начальнику. Поправка: бывшему начальнику. Сказала, что писать про глупые сериалы, собачий корм и цветы в горшочках больше не станет. Заявила, что достойна хотя бы небольшого шанса на написание серьезной статьи. И услышала не очень-то лестное...

– Нелли, – усмехнулись в ответ, – какая связь есть между тобой и криминалом, скажи на милость? – Облик Влада искрился весельем. – По мне, так ты и криминальная журналистика – это два противоположных полюса.

Для своих сорока пяти живот он отрастил солидный. Хотя шевелюру имел прекрасную: темные густые волосы и абсолютно никакой седины.

– Я заслужила хотя бы попытку. – Тем более Нелли понимала, что эта попытка окажется удачной: чертова интуиция. – Я работаю здесь пятый год, я доказала свою компетентность, тебе известно – я хороша. Моя колонка пользуется популярностью, число читателей ежедневно растет...

«Вот и не рыпайся, делай, что делаешь». – Твердый взгляд был красноречив.

– Дай мне шанс!

– Я подумаю...

– Ты думаешь уже два года.

– Надо будет, буду думать три. Твоя работа, Нелли, заключается в том, чтобы давать людям дельные советы, а не в том, чтобы спорить со мной. Советы о сериалах, собачьих кормах и цветочках в кадках и горшках. Так что будь добра, займись делом. – Ей указали на дверь. Возможно, Влад и выглядел как «свойский парень» и, возможно, даже был забавен, однако для подчиненных он оставался начальником и спуску никому не давал. Как только понимал, что подвергается давлению, Влад моментально обрывал беседу: напускная фамильярность исчезала, шутки-прибаутки из лексикона изымались, и ты оказывался не перед Владом-приятелем – знакомы тысячу лет, а перед Владом-строгим начальником.

И Нелли его понимала: чтобы дослужиться до руководящей должности, нужно было уметь непослушных подчиненных ставить на свои, подчиненные места. Однако Нелли с тем мериться не желала. Она предвидела нечто подобное, благо годы труда и кропотливой деятельности даром для нее не прошли, так что замашки Влада изучить успела. Поэтому решила идти до конца. Сама не понимая, блефует она или нет, не понимая, что будет делать, ответ ей Влад отказом, Нелли сделала то единственное, что, собственно, могла.

– Я уйду, – сказала Нелли.

– Иди, – ответил Влад.

– Навсегда, – добавила ровно.

– Конечно, – согласился начальник.

– И это не шутка. – Образовалась тишина.

Спокойный, уверенный тон подействовал эффективнее громких слов и криков – Влад оторвал глаза от бумаг и изучающе взглянул на нее. И когда он успел рассредоточиться и снова углубиться в дела? С кем она сейчас говорила?

В том и заключалась основная проблема – он не воспринимал Нелли всерьез. Вообще-то никого не воспринимал, но ее в особенности: он не видел в ней человека, способного на воле-

вые, решительные действия. Да и какой волевой человек, заточенный на конкретные действия, будет терпеть постоянные отнекивания, постоянные обещания посмотреть/подумать? Столько не думают! – думала Нелли. Существовало два конкретных ответа: да или нет. Когда же возникает подобная неопределенная ситуация, которая тянется, тянется и тянется... в общем, это знак того, что тебя водят за нос.

– Как я сказала, – заговорила Нелли, – я работаю здесь пятый год, и за это время многого добилась. Моя рубрика процветает, советы пользуются успехом. Но я не могу изо дня в день обсуждать пустяковые проблемы – ситуации, высосанные из пальца. Это не мое. Совсем не мое. И даже странно, что для понимания этого мне потребовалось так много времени. Я хочу писать совершенно о другом: не об интересах, не об отношениях. Если ты не можешь предоставить мне такой возможности, я найду того, кто сможет. Но мне хотелось бы, чтобы этим человеком стал ты, Влад. Ты знаешь. – Она продолжала смотреть на начальника, не спускавшего с нее сосредоточенного взгляда. – Пожалуйста, – добавила следом.

И стала ждать.

То, что только что произошло, стало неожиданностью даже для нее. Ультиматум начальству – это не про Нелли. Ей несвойственно было нахальство. Не то, чтоб не могла за себя постоять и показать в нужный момент характер. Вполне-таки могла. Однако требовать, да в категоричной форме... Такое для Нелли в новинку. Но если Влад не проявлял к ней уважения, то и Нелли не считала себя должной к чему-то подобному по отношению к нему. Она желала лучшей доли, и рассчитывать могла только на себя. А значит, не должна гнущаться любых запрещенных приемов, в том числе прессинга и напора.

– Ты обнаглела, – заметил Влад. Лицо эмоций не выражало.

– Возможно, – насторожилась Нелли, готовясь к расплате за проявленную дерзость.

– Значит, криминал, говоришь.

– Да. – Ей словно дали зеленый свет, и Нелли продолжила: – Я хочу освещать реальные проблемы людей. Хочу писать о беспризорных подростках, о коррупции, о том, что увеличивается процент домашнего насилия, однако ни дети, ни обиженные матери не знают куда обращаться. Я хочу писать о жизненно-важном.

– Угу, – промычал Влад. – Замечательно, – добавил следом, начиная постукивать авторучкой по столу. – И кого?

– Кого?

– Кого мне прикажешь уволить, чтобы ты могла освещать «реальные проблемы людей»? – Он с интересом воззрился на Нелли. – На чье место ты претендуешь?

Нелли опешила. Кого уволить? На чье место она претендует?

– Ну, смотри, – оживился Влад. – Ты прекращаешь писать о цветах, значит, я буду вынужден взять кого-то на твое место. В то же время ты начинаешь писать о подростках, расширяя вовсе не резиновый штат другого отдела. Вот я и спрашиваю: кого мне прикажешь уволить, чтобы ты, наконец, осуществила свою мечту и стала освещать новости?

Столько мыслей крутилось в голове, но ни одну из них не получалось выразить во внятной форме. Неужели она действительно обнаглела?

Влад «упал» на спинку кресла.

– Я подумаю, – сказал начальник и предупредил ее возражения, уже готовые слететь с губ, движением руки. – Дай мне день или два. Речь идет не только о тебе. Мы все здесь взаимосвязаны. Но не волнуйся, я дам тебе знать. Скоро, – добавил весомо.

Нелли почувствовала себя... дрянной, словно она топила замечательного человека, пускай пока ей неизвестного, но топила и собственными руками. Не самое приятное ощущение. Однако виду старалась не подавать, поэтому, не опуская сочувливых глаз, продолжала оценивающе смотреть на мужчину.

– Или уволю прямо сейчас.

Странно ли, но Нелли улыбнулась. Вполне возможно, неоправданное чувство, но после этих слов ей стало легче. Влад действительно ее услышал. Нелли понимала: теперь это были не пустые, ничего не значащие обещания. Теперь он был готов обдумать ее просьбу, и с большой долей вероятности, пойти на встречу. В противном случае так бы и сделал – уволил Нелли прямо сейчас.

Скрыв мимолетную улыбку, Нелли кивнула и вышла из кабинета.

А на следующий вечер получила криминал, о котором так мечтала...

Грузовик резко затормозил. Не держись она за коробки, которыми был набит, казалось, разваливающийся фургон, то сделала бы тройной тулуп.

Руки саднили, колени тоже, но Нелли быстро поднялась с четверенок и подбежала к железной двери. «Только бы не заглянул, только бы не заглянул...».

Не заглянул – Нелли услышала удаляющиеся шаги.

Нелли тут же полезла в рюкзак и достала перочинный нож. Осторожно просунув его в щелку, откуда просачивался белый свет, она дотронулась до внешней задвижки, закрывающей двери снаружи, и стала сдвигать ее в левую сторону. Каким по счету был этот грузовик? Нелли уже не помнила. Друг от друга те мало чем отличались: все одинаково грязные и дурно-пахнущие. О комфорте речи не шло. Да, человек ко всему привыкает, вот и Нелли привыкла. Пришлось.

Промучившись с задвижкой с четверть часа, поранив пальцы и наставив себе дополнительных синяков, Нелли все же сдвинула ржавую рукоять.

Одна из дверей со скрипом приоткрылась. Нелли толкнула ее ногой. Послышался еще более душераздирающий скрежет, заставивший Нелли болезненно поморщиться.

Нелли осторожно выбралась наружу – в глаза ударил солнечный свет, вызвав моментальный приступ боли. Хотя резь в глазах – не самое страшное: после темени, в которой просидела, неудивительно было и ослепнуть.

Потихоньку восстанавливая зрение, Нелли огляделась. Местность, похожая на пригород: много деревьев и мало домов. Вообще-то последних и вовсе нет, как и торговых сооружений. Только кафе, обосновавшееся неподалеку, куда, по-видимому, и отправился проголодавшийся водитель. Нелли сама была не прочь поесть, однако ни время, ни финансовое положение к этому не располагали. А значит, прохладиться Нелли не следовало. Нужно скорее отсюда убираться, пока ей не устроили новую погоню: за проникновение в чужую собственность по головке не погладят, а она не в том состоянии, чтобы решать очередную проблему. Пересобрав ослабший хвост на голове, и закинув рюкзак на плечо, она перешла дорогу в сторону леса. Нужно попасть в ближайший город. А если точнее – в новую жизнь.

Бродяжничая, Нелли никогда не вдавалась в подробности, куда именно движется транспортное средство, в которое ей посчастливилось попасть, будь то грузовик или автобус. Нелли придерживалась мысли, что непродуманное хаотичное движение всегда сложнее отследить, чем упорядоченное, поэтому полагала, что если будет передвигаться, доверившись воле случая, и сама не будет знать, где она находится, то и преследователи не будут знать, где ее искать. По меньшей мере, им придется помучиться. По большей – потерять много сил. И терпения. И времени. А в случае Нелли выигранное время равносильно спасенной жизни.

Вот и сейчас шла по наитию. Она понятия не имела, куда попала, и каково название города, в который предположительно направлялась. Редкие дорожные знаки в обрамлении молодого невысокого леса – вот и весь ориентир.

О пройденном расстоянии Нелли также представления не имела: из душного грузовика выбралась в полдень, сейчас было около шести (на руках продолжали плавиться часы) – расстояние определенно немалое. А если учесть, что передохнула только единожды...

Однако сложный путь бездарно не прошел. Часы, проведенные в дороге, под лучами летнего палящего солнца, позволили Нелли о многом подумать и прийти к определенным выводам.

Во-первых, ей следовало где-либо обосноваться. Быть может, на короткое время, но ей необходимо безопасное место, где она могла бы хорошенько спрятаться и восстановить утраченные силы. Она не могла безостановочно бегать и пересаживаться с фуры на фуры; она больше не могла выносить неизвестность, когда не знаешь, где окажешься в следующий заезд. Ей просто необходимо было отдохнуть и, наконец-то подумать, как быть дальше: куда идти, чего ждать; что делать завтра, послезавтра, через месяц.

Во-вторых, ей требовались деньги, а значит, нужно найти работу. Любую, даже самую маркую. Она истратила все сбережения: в карманах – жалкие копейки, на банковском счету – и копеек не было, поскольку Нелли все сняла, когда убежала в спешке из города. Но даже если в банке что-то и осталось, снять эти деньги Нелли не могла – они бы сразу ее нашли! Возможно, Нелли и была морально истощена, но из ума пока что не выжила. Потому понимала, что для получения работы нужны документы: своими пользоваться не могла. И вот как ей следовало быть?

Ей следовало найти *полезного* человека.

Несмотря на то, что сама Нелли писала про уют и комфорт в семье, друзей среди коллег выбирала специфических. Она хотела стать репортером криминальной хроники, а потому не общаться с «криминалистами» просто не могла. Хотя бы потому, что знания, ими добытые, должны были пригодиться ей самой (тогда Нелли искренне на то надеялась). Поэтому Нелли была осведомлена, в какого рода местах предположительно должны обитать подозрительные личности. Подозрительные – значит, полезные, готовые подделать ей документы.

Ей не раз и не два намекали, да открытым текстом говорили, как проводятся подобные сделки. Нелли внимала, жадно и остро, складывая информацию на полках сознания. Однако сейчас проблема заключалась в том, что Нелли находилась в чужеродной среде: в непривычных для себя условиях и абсолютно незнакомом окружении. Нелли даже не знала, что это за область, не говоря обо всем остальном. Это в Салехарде она изучила каждый закоулок и каждую улицу, однако здесь... С чего начинать?

Правда, одно Нелли знала наверняка – ей нужно помыться. Срочно. Смыть с себя недельную грязь и вернуться в человеческий облик. Теплая ванна стала бы подарком, но и душ прохладный сойдет. Главное, снять с себя липкие джинсы и отвратительно-несвежую рубашку.

В город попала под вечер – голова болела, спина не сгибалась, – но была благодарна уже тому, что дошла – она дошла! А ведь ненароком начала сомневаться в правильности выбранного пути.

Немного свыкнувшись с панорамой города, на первый взгляд ничем не примечательной, Нелли поймала такси. Денег лишних не было, однако идти Нелли больше не могла: ноги отказывались слушаться. На глаза попался автобус, однако пользы в нем Нелли не видела: автобус, да и в целом общественный транспорт двигался в конкретно-заданном направлении, тогда как направления этого Нелли не знала. Она не представляла, куда идти.

Тогда как с таксистом можно поговорить и попросить отвезти в гостиницу: что-что, а город он знал лучше Нелли.

Вот только таксист ей попался брезгливый.

Ее оглядели недоверчивым взглядом, словно Нелли выбралась из зеленого болота, казалось, нехотя обозначили сумму, и определенно приготовились уезжать, сомневаясь в ее платежеспособности. И это злило. Более чем.

– Не волнуйтесь, деньги имеются, – с прохладцей заметила Нелли, в ответ буравя таксиста глазами.

Видимо, некий тест на доверие она прошла либо просто надавила на совесть, поскольку ей кивнули, приглашая садиться, и заметно расслабились в лице.

– Мне нужно в гостиницу, но только дешевую, – не успев усесться, проговорила Нелли, давно не смущаясь своего положения. Времена стеснений и вежливости прошли. Будет проявлять их только при необходимости.

Комментариев никаких не последовало, такси бесшумно тронулось с места.

Нелли прислонилась к боковому стеклу и стала вглядываться в придорожное окружение. Изначально Нелли не понимала, что так сильно ее тревожит: улицы как улицы, дома, магазины, даже торговый центр проехали, чего не ожидала, много людей. И лишь немного погодя поняла...

Много людей. Торговый центр. Какую по счету улицу они проезжали?

Не может быть... Не может быть! Нет, нет, нет, ну как же так? Она должна была оказаться в городке, в тихом малолюдном городке!

Нелли понятия не имела, куда держит путь, однако знала, куда путь не держит. А не держала она его в полноценный город с торговым центром и кучей народа. Конечно, ей никто не давал гарантий, что она окажется в сельской местности, но и большого города никто не обещал.

Водитель, приютившего ее фургона, ехал на юг, это Нелли знала точно, так как подслушала его разговор с таким же волосатым пузатым дальнобойщиком. Иначе ни за что бы к нему не села! Место прибытия звучало как «дыра», а «дыра» – это дыра, которая в представлении никак не вязалась с тем, за чем Нелли сейчас наблюдала.

Боже, должно быть, Нелли покинула чертов грузовик раньше положенного времени. Этот голодный вредный водила сбил ее своей остановкой с толку. И куда же она попала? Вдруг они сделали извилистый круг и вернулись к месту отправки? Либо приехали к ней домой?

Нелли глубоко вздохнула, ощущая, как сжимается ладонь на ручке дверцы. Нет, не волноваться. Нельзя поддаваться панике. Нужно срочно брать себя в руки. Это все нервы, шальные нервы. А еще она голодна и смертельно устала. Не могли они расстояние, которое Нелли преодолевала в течение месяцев, осилить за несколько дней.

Нелли прокашлялась. Она только собралась спросить название города, в котором так внезапно оказалась, когда осознала опасность ситуации. Вопрос наверняка покажется подозрительным: девушка, в плачевном состоянии, не представляющая, где находится. Если даже не примут Нелли за чокнутую, то определенно запомнят. А запоминать Нелли не стоило.

Она решила действовать иначе.

– Я смотрю, сегодня оживленно? – На тротуарах и вправду было многолюдно. – Может, увеличивается поток туристов?

Нелли наградили невнятным взглядом.

– Туристы? Туристы в Радлесе? Вы, должно быть, шутите. – Таксист усмехнулся – первая человеческая эмоция на неприветливом смуглом лице.

Однако Нелли узнала главное: город – не дыра, но и не мегаполис. Это Радлес. Она попала в Радлес.

Нелли никогда не слышала о Радлесе, но по тону таксиста поняла, что город небольшой: она сама была из такого. Судя по всему, он находился на юге и являлся одной из провинций страны. А провинция – вовсе не «дыра». Это полноценно функционирующий город, в большей или меньшей степени обращенный к цивилизации, где, если постараться, измотанную Нелли можно достаточно легко отыскать. Или где можно легко затеряться...

– Вообще-то сегодня праздник. День города, – пояснил таксист, удивив тем самым Нелли. – Потому такое оживление. Завтра все утрясется. – Таксист притормозил на красный свет, посмотрел на Нелли. – Так-то у нас смотреть особо не на что. Разве что на окружающую город природу. Вот это действительно наша гордость.

Да, природа красивая. Нелли обратила на нее внимание, даже без сил бредя вдоль дороги. На несколько секунд образовалась тишина, в продолжение которой мужчина тронулся с места, а затем...

– Почему вы думаете, город называется Радлес? От слова «лес». – Кажется, Нелли сорвала защитный клапан, перекрывавший речевой канал, и превратила неразговорчивого таксиста в разговорчивого – истинного представителя своей профессии. – Правда, откуда приставка «рад» не знаю. Не помню. Однако природа у нас замечательная – пышная, зеленая, густая; не тронутая варварским вмешательством технократии.

Видимо, природа действительно считалась местной достопримечательностью, раз вдохновила этого сухаря на еще одну мимолетную улыбку.

Оставшийся путь прошел в молчании: вдохновенных тем у таксиста не осталось, и речевой канал не преминул закрыться. Сама Нелли вопросов не задавала, боясь ненароком сболтнуть чего лишнего.

Спустя недолгое время таксист припарковался на стоянке небольшого двухэтажного здания: из красного кирпича, с покатою крышей. Теплых чувств оно не вызывало, но для Нелли то было не важно. Тепло ей вряд ли где теперь будет. Потому расплатившись с таксистом, – душила жаба, но пришлось, – Нелли направилась к главному входу.

Гостиница оправдала ожидания Нелли и в некотором смысле даже превзошла: никаких излишеств, но без бардака: на окнах белые шторы, на стульях белая обивка. Все чистое, все аккуратное. Все стерильное. Чего еще желать? Это не вокзал, где Нелли пару раз ночевала.

За деревянной стойкой, лицом к входу, стояла женщина лет сорока. Взгляд приветливый, на губах улыбка. Хотя в глаза в первую очередь бросалась не улыбка, явно не вымученная, какой представлялась ей улыбка таксиста, а яркие рыжие волосы, собранные в высокий конский хвост.

Нелли сняла у нее комнату, по просьбе – самую дешевую из имеющихся, и поднялась на второй этаж.

Комната оказалась такой же стерильной, как и все то, что встречалось по пути. Но Нелли это нравилось. После тех ночлежек, в которых оказывалась, после той грязи, которую в себя впитала, Нелли словно попала в королевские апартаменты. Да что тут говорить: она готова была ютиться в подвале, главное, чтоб на чистой, опрятной кровати. А здесь не просто душ и кровать, здесь и телевизор, и холодильник.

Нелли была безмерно счастлива. Она провела бы здесь с удовольствием годы, только бы чувствовать себя в безопасности. А ведь были у Нелли знакомые, которые внешней роскоши придавали большее значение, нежели скромному, но основательному содержанию. Была ли и она когда-то столь же «слепой»?

Наконец, помывшись с особым усердием и съев последнее яблоко, завалившееся на дне рюкзака, Нелли села на мягкую постель.

Значит, Радлес... «от слова “лес”»: далекий, незнакомый, загадочный... Что же привело Нелли сюда... И что ждет теперь, какая жизнь. Нелли хотелось только одного – спокойствия. Пожалуйста, кто бы ее не слушал, подарите ей чуточку спокойствия. Ей необходимо хотя бы отдышаться.

Нелли привстала и выключила лампу. На улице еще брезжил сумеречный свет.

Наверное, так и должно было случиться.

Но пока ей хотелось отдышаться.

Глава 2

Яркие краски ночного Радлеса слепили глаза. Белые огни, неоновые вывески, разноцветные плакаты, развешанные по всей округе, напрягали зрение и вносили беспокойство в его и без того взволнованную душу. Хотелось поскорее уйти от окружавшей суеты и оказаться в относительной тиши и безлюдности. Поэтому сейчас он был даже рад тому, что направлялся именно в *это* место, чего не мог сказать совсем недавно. Хотя иной альтернативы не было. Однако прежде, чем оказаться у заветной цели, предстояло пересечь значительную часть пространства, полную возбужденных, взбудораженных жителей – развлекающихся, выпивающих жителей, – начинавших действовать ему на нервы показным, казалось бы, весельем.

Город не спал. Город праздновал. Особенно громко праздновал центр Радлеса.

Люди отмечали один из своих бесполезных праздников, которые, нужно заметить, никогда не производили на него должного впечатления, а всеобщие сборища, организуемые с целью «разделить и дополнить радость», не имели никакого смысла. Да и для них не должны были иметь. Он был уверен, что половина присутствующих даже не знала, что отмечала, а те, кто знал, нагло лицемерили, восхваляя событие, на которое им в действительности было наплевать.

Поэтому он шел, пробираясь сквозь шумную одичавшую толпу, двигаясь в нужном ему направлении, по возможности стараясь обращать на происходящее как можно меньше внимания. И как бы сильно его не раздражало окружавшее бесполезное действие, он все же не мог винить в настроениях своих этих глупых, наивных людей. Он сам выбрал этот путь, когда мог оказаться в назначенном месте более простым и быстрым способом, а главное, лишенным шумового сопровождения. Но не захотел. А почему?

Так как желал хотя бы на время избавить разум от тревожных мыслей, чему способствовали, как ни странно, крики и гомон голосов. Они помогали ему отвлечься и сосредоточить копившуюся злобу на нарушителях многолетнего спокойствия: на нарушителях куда более значимых, чем эти бедные никчемные люди.

– Расслабься, Кас, они не кусаются. – Спокойный, ровный голос заставил Кассиэля внутренне вздрогнуть и не позволил обычному раздражению перерасти в нечто большее.

Кассиэль взглянул на знакомого мужчину, который шел теперь рядом с ним. И как он его не заметил? Вот так и лишаются жизни, от невнимательности.

– Неудачно, Ролан, – ответил Кассиэль хрипловатым низким голосом. – Шутишь все так же неудачно.

– Ты мог облегчить себе задачу.

– Мог, – ответил Кассиэль, обогнув компанию спорящих подростков, – но не захотел. Я мазохист. И ты же знаешь, у меня забава такая – коллекционировать человеческие курьезы, чтобы позже рассказывать в качестве анекдотов. Так что силой пользуйся ты.

Он протолкнулся мимо мужчин, расформированной кучкой столпившихся у местной забегаловки, и взглянул в темную даль – совсем скоро, они уже близко.

– Зачем я здесь, что случилось?

Кассиэль неприязненно усмехнулся. Вполне понятный, ожидаемый вопрос, учитывая, при каких обстоятельствах они виделись в последний раз. Даже странно, что Ролан пришел. Но вопросец все равно задел за живое.

Кассиэль посмотрел на Ролана: точеные скулы, пронзительный взгляд – сколько они не виделись?

– Кое-что нехорошее, – ответил Кассиэль.

– А если точнее?

– Очень нехорошее.

Его наградили долгим взглядом, в случае Ролана, ничего не выразившим. Но, тем не менее, Кассиэль знал, что Ролан понимал: продолжение вряд ли последует. Такие как они не менялись, а значит, Ролану придется подождать, прежде чем Кассиэль все расскажет. Еще не время, но время уже близко. Невзирая на то, что Кассиэль Ролана в просторах вселенной отыскал неким чудом, он заставит его подождать.

– Я рад, что ты не «заблокировал» себя.

– Да, – согласился Ролан. – Надеюсь, я не пожалею.

Кассиэль тоже на это надеялся.

Наконец-то шумный эпицентр праздника остался позади – они ступили на тусклую улицу, редкими точками освещенную фонарями. Через некоторое время не стало и их. Все погрузилось в предрассветную тьму, слабо прорезаемую лунным светом. Здесь не витало ощущение праздника, не было ни людей, ни собак, ни крыс. Не было ничего, лишь только дома и пустынные улицы, уходящие в трех небезопасных направлениях: прямо и в противоположные стороны.

Им следовало продолжать движение вперед: то была их цель, их пункт назначения.

– Мертвая зона, – констатировал Ролан, нарушив образовавшуюся между ними тишину. – Почему здесь?

– Спокойно.

Они одновременно двинулись дальше, ступая в заброшенные владения Радлеса – неприветливые, таинственные владения.

Некогда успешная, динамично развивающаяся, весьма оживленная половина города сейчас превратилась в глухую местность. Нужда и слезы пропитали воздух. Тусклые, обветшалые здания, грязные улицы и местные отщепенцы, временами мелькавшие на кривых обочинах, писали скудную картину Радлеса.

Район Мертвой зоны являлся изнанкой, теневой половиной города. Жителям неизвестно всех подробностей, что и почему здесь когда-то произошло, но это что-то кардинально изменило облик и жизнь «омертвевшего» района, включавшего некогда два жилых. И, конечно, отразилось на жителях. Часть из них съехала из своих домов еще многие годы назад, а те, кто не смогли, остались прозябать здесь за неимением иных перспектив. Но самое любопытное (а в действительности страшное) заключалось в том, что жители Радлеса – жители южной его половины, даже не догадывались о соседях: Мертвой зоны для них не существовало. Формально она была, и в документах значилась, и в разговорах упоминалась, вот только в мыслях их не фигурировала. Как такое возможно?

Кассиэль усмехнулся.

– Где именно? – поинтересовался Ролан, очевидно о месте запланированной встречи. Он продолжал оглядывать местность своим внимательным, пронзительным взором.

– Выбирай, – ответил Кассиэль. – Любой из понравившихся закоулков.

Его удостоили коротким взглядом: Ролан шутки не оценил. И в этом был весь Ролан.

«Ну, прости, – подумал Кассиэль. – С тем количеством вздора и абсурда, и нелогичных людских поступков, за которыми наблюдал в последние годы, он не мог не нахвататься ереси. Что повлияло на качество шуток».

Ролан тем временем остановился. Прислушался, затем оглянулся. Кассиэль и сам ощутил неладное.

– Кажется...

– ...у нас пополнение, – завершил фразу Ролан, когда за спинами, словно акробат, нарушив тихую гнетущую гармонию, приземлился гость. Да какой...

– У меня аллергия на Мертвую зону. – Холодный, едкий тон, в котором проскальзывали нотки раздражения. – Здесь даже дышать сложно, вы что, не замечаете?

С корточек поднимался брюнет, расправляя сильные, широкие плечи, облаченные в черную кожаную куртку.

Дей. Даже не верится. Его Кассиэль ожидал увидеть если не в последнюю, то в предпоследнюю очередь. И это несмотря на то, что до него он вроде как добрался. Через Ролана.

– Я так понимаю, лучшего места не нашлось? – Дей отвел от лица пряди, которые выбивались из короткого хвоста. – Что происходит? Зачем меня позвали? – Бросив быстрый взгляд на Ролана, сообщавший тому, что он был замечен, Дей неприветливо воззрился на Кассиэля.

Вот тебе и воссоединение.

– Что могло такого произойти, что ты решился на это собрание?

– Кое-что серьезное, – ответил Кассиэль. Тому ответил, у которого, что не вечер происходила своя Мертвая зона. В притонах.

– «Серьезное»? – усмехнулись желчно. – С деньгами туго или лень одолела? С некоторых пор иных серьезностей у нас происходить не может. Не боишься расплаты?

– Он знает.

Жесткий взгляд, до того бросавший вызов, дал слабину: Дей удивился, но достаточно быстро взял себя в руки и даже стал острее прежнего.

– Надо же, даже так. Тот, кто грозился силовой импотенцией в случае невыполнения его наказа, сам же нарушил правила.

Можно сказать и так. Приказ для *ferus* (*фэрус* (*дикий*)) не пересекаться и не общаться между собой действительно существовал. Однако он не помешал тому же Дею продолжать общаться с Роланом – со своим ближайшим другом. Благодаря чему Кассиэль Дея и нашел. Дей в отличие от Ролана возможность контакта со своими сородичами, как видно, не рассматривал, поскольку пожелал себя «заблокировать», сделав «невидимым» для всех остальных.

– И когда ты на него так ополчился?

– Когда он дал нам всем пинка под зад. Тридцать лет назад. Так в чем дело? – был неуступчив Дей.

Кассиэль немного помолчал: так сразу и необразишь, даже растерялся от такого напора. А затем сместил фокус зрения и, пройдя мимо Дея, направился дальше.

– Я и забыл, какая ты редкая сволочь, – донеслось Кассиэлю в спину.

Вероятно, он и сволочь, и, возможно даже, сволочь редкая, а вот Дей – сволочь дерзкая, которая любила всем попортить нервы.

Он остановился у ближайшего переулочка: тихое уединенное место, не лишенное убогого очарования. Хотя, если задуматься, вся Мертвая зона – это одно большое уединение, а значит, располагаться можно было где угодно, хоть по центру безлюдной дороги.

Чуть погода к нему присоединился Ролан, а затем и Дей удостоил вниманием.

Вот она – долгожданная встреча. Неожиданная и совершенно непонятная. Мог ли он подумать, что эта встреча когда-нибудь состоится, что их «компания» снова соберется вместе?

Честно? Мог и даже думал: особо унылыми, беспутными вечерами представлял себе данное событие. Но не думал, что возможная встреча состоится настолько скоро. Да и скоро ли? Тридцать лет. Для многих людей это половина жизни...

– Чего мы ждем? – поинтересовался Дей, складывая руки на крепкой груди.

– Догадайся, – ответил Кассиэль, облакачиваясь о бетонную стену.

– Да ну брось, – усмехнулся Дей. – Только не говори мне, что наш славный лидер почитит нас своим высокоскотским присутствием.

– Хорошо, не буду, – согласился Кассиэль.

Внутреннего удовлетворения Дей не получил. Видимо, поэтому спустя недолгое время снова атаковал вопросами.

– И ты уверен, что он придет? – Казалось, Дею сложно в это поверить.

– А ты сомневаешься? – спросил Дея Кассиэль.

А между тем время шло. На небе сгущались тучи, предупреждая о скором начале дождя, а, значит, о скором прекращении народных гуляний. Эта мысль заставила Кассиэля улыбнуться. На душе сразу же потеплело: единственная положительная новость, учитывая, что главного, «решающего» гостя на горизонте все не наблюдалось.

Кассиэль взглянул на Ролана, который стоял немного в отдалении: высокий, сильный, статный, в плотно-стянутой футболке и камуфляжных штанах, серой и серых соответственно, он не участвовал в происходящей беседе.

– Как ты с ним связался? Я думал, все связи утеряны. – Ролан спокойно посмотрел на Кассиэля, определенно почуяв к себе интерес. – Если бы он не захотел, ты бы его не нашел.

– А, может быть, он захотел?

Вообще-то не захотел. Встреча – инициатива Кассиэля. Однако он не сказал бы, что лидер *ferus* не был в курсе происходящего. Был, и, вероятно даже, строил собственные планы решения проблем. Но тут появился «Кас», который знал, как до него добраться.

Единственным способом встретиться, если члены расы того не хотели, был пересечься случайно, чего, как известно, не происходило. «Закрытого», «заблокированного» *ferus* отыскать было сложно даже лидеру – предводителю всей расы *ferus*, тогда как лидера искать смысла не было: власти над ним не имел никто.

Никто, кроме Кассиэля.

Кассиэль был единственным для лидера лицом, которому тот доверял в полной мере. Потому ментальный, связной канал Кассиэля он оставил открытым – для случаев возникновения непредвиденных дел. И время этих дел наступило.

– Это его желание? Он сам тебя отыскал? – продолжал расспрашивать Ролан.

– Слушай, нельзя ли выдавать более развернутые ответы? – «наехал» на Кассиэля Дей. – Ты разыскиваешь нас, что естественно рождает вопросы, назначаешь встречу в этом гиблом месте, где даже крысы бегать побаиваются, и после этого продолжаешь играть в молчанку. – На него устремили требовательный взгляд. – Так вот, вопрос номер два: почему ты молчишь? И сразу же подумай над третьим: почему нет остальных? Можешь начать с первого – что происходит?

Ухмыльнувшись, Кассиэль достал из кармана сигареты. Вынул из пачки штуку, закурил.

Постепенно начинало светать: на темном небе появлялись первые полосы просвета, разбавляя черный и темно-синий грязным, утренним серым.

– Ты все еще куришь? – спросил его Ролан, отходя от подobia некогда балкона.

– Как видишь, – ответил Кассиэль и сделал очередную порывистую затяжку. – Особая причина – встреча старых друзей по причине еще более особой.

– Какой?

– Не скажу.

– Мы ждем уже достаточно долго, – с прохладцей заметил Дей. – Еще пара минут и я ухожу. Кажется, кому-то это не нужно.

– Не так уж долго мы ждем. – Кассиэль взглянул вдаль, куда вводила широкая дорога, постепенно сбрасывая ночную вуаль.

– Тридцать лет – немалый срок.

– Он придет, – ответил Кассиэль.

– Да. Желательно в этом столетии.

Надо же, сколько гонору. А ведь когда-то они были друзьями. Друзьями странными, поддерживающими странную форму отношений, но какая к черту разница. Главное, связь, которая между ними была. Вот только печальные события прошлого наложили на каждого свой отпечаток. Был дан приказ немедленно затеряться. И вот, пожалуйста: трое некогда близких друзей ведут себя как совершенно чужие друг другу люди.

– *Он придет*, – повторил твердо Кассиэль.

– Пара минут, – не сдавался Дей.

Однако больше им ждать не пришлось.

– Вот и пришел, – заметил Ролан, заставив их с Деем взглянуть туда, куда Кассиэль вглядывался секундами ранее.

Сигарета полетела на землю и моментально потухла в грязной луже, образованной прорванной водосточной трубой.

К ним приближался темный силуэт: мощный, но пластичный силуэт, даже на значительном, далеком расстоянии излучавший невероятную электризованную силу.

К ним приближался Александр – *belua ferus*, дикий зверь, для кого-то чудовище, которого присутствующие здесь так долго ждали, и к расе которого принадлежал каждый из них – Кассиэль, Ролан и Дей.

Кассиэль ощутил облегчение, но в то же время редкое волнение, увидев того, с кем не встречался не один десяток лет. Да и кого? Лидера расы, предводителя каждого *ferus*.

Александр шел размеренным шагом, но во всем его облике, в каждом движении чувствовалось животное напряжение. Люди того не видели, но от каждого шага *belua ferus*, словно круги на воде, исходила электризованная волна. Сейчас же эта волна была отчетливей и шире по диаметру. Может, Александр тоже разволновался перед встречей?

Мысленно Кассиэль усмехнулся, тогда как внешне не спускал взгляд с того, кто точно так же смотрел на них, целенаправленно сокращая расстояние.

Как-то резко поднялся ветер, колкой влагой ударил в лицо. Зашелестели листья, они же пересекли дорогу, на миг обернувшись перекасти-полем...

Мертвая зона в эту минуту походила на один из городов Дикого Запада: пустынная улица, по обе стороны окруженная шаткими, непримечательными домами, внутри которых ютились люди, уже привычные к черте чему. Только вместо солнца и лютой жары – прохлада и утренний сумрак.

Александр остановился от них в двух шагах. Его глубокий зеленый взгляд еще на подходе пробежался по Дею, удостоил вниманием Ролана, и под конец пути задержался на нем.

– Кас, – произнес Александр – ни то вопрос, ни то утверждение, но, определенно, то было приветствие.

– Александр, – поздоровался Кассиэль, на пример Александра одним только именем.

На пару секунд повисла тишина, отдавая душком внезапной неловкости. Они и раньше пересекались редко, а тут, спустя тридцать лет...

Неловкость нарушил Александр:

– Очень грамотный выбор места. Знатное, а главное, памятное. – Не то чтобы Кассиэль не знал, что сказать, однако Александр оказался первым.

– Я знаю твою нелюбовь к Мертвой зоне ввиду случившихся здесь событий, а также нелюбовь к местному бомонду, однако ты предпочел бы разговаривать под звуки петард?

И словно в подтверждение слов Кассиэля, раздались громогласные взрывы салютов: «южане» продолжали нескончаемый праздник, невзирая на заметно испортившуюся погоду. Очевидно, встречали тусклый рассвет.

Александр отвернулся от ярких вспышек: красных, синих, зеленых, и, не прокомментировав их ни словом, обратил внимание на остальных: на Ролана и посерьезневшего Дея.

Александр смотрел на них, смотрел, однако ничего не говорил. Между тем он и сам подвигался осмотру. Осмотру пронизательным Кассиэлем.

Казалось бы, внешне Александр не изменился: коротко стриженные черные волосы, слегка раскосые, запоминающиеся глаза. Одежду он также предпочитал все ту же: короткий темный плащ, поверх излюбленной темной майки – время мало властвовала над ними. Однако цепкий животный взгляд не мог не заметить проявившихся новшеств.

Одной из особенностей расы *ferus* являлось то, что они не старели. Видоизменялись – да и весьма заметно: приобретали физическую зрелость, но многократно медленнее, чем те же люди.

Наблюдая за стоявшим перед ним Александром, обычно «свежим» и всегда энергичным, Кассиэль не мог не заметить того, что находился тот сейчас не в лучшей форме. Если бы Александр был человеком, Кассиэль сказал бы, что он поддал и накинул сверху несколько годков: на лице отразились следы усталости, местами залегли морщины. Разве что взгляд остался тем же, полным кипучей, давящей силы.

Зная Александра, он был уверен, что лидер *ferus* мало спал. И он догадывался, с чем это связано: Александр не прекращал искать. Искать «своих», представителей *ferus*, искать потерянный немалочисленный народ. Видимо, не прекращал с тех самых пор, как решил за всех, что и тому нечастому общению между ними больше не быть. И в то время, как другие маялись бездельем, браня Александра за его императив, Александр нес свой тяжкий крест: бремя большой, незавидной ответственности.

Тем временем взгляд Александра расфокусировался: он смотрел в направлении мужчин, но не на них, а куда-то между. Взгляд рассеян – Александр размышлял. Наверняка, вспоминал, как они расстались – Кассиэлю хотелось, чтобы было так. Только присутствовали при этом все: вся обособленная компания *ferus*, а не горстка стоящих здесь мужчин. То был один из редких моментов, когда они все собрались.

– Я никогда не верил в предопределенность, но мне хочется верить, что без нее не обошлось. – Глубокий взгляд вернул себе резкость. – Поскольку это даст мне мнимую надежду на то, что собрались мы здесь не просто так.

А затем последовали действия.

Александр решительно засучил рукав и протянул свою руку ладонью вверх, чтобы показать запястье с выведенным знаком. И этот поступок все объяснял. Хорошо, возможно, не все, но, определенно, давал ответ на вопрос, который волновал сейчас каждого из присутствующих: потеряются ли *ferus*, исчезнут ли друг для друга снова?

И ответ был получен заблаговременно – «Нет».

Александр оглядел собравшихся, как бы спрашивая: «Вы-то готовы?». Очевидно, что сам он был готов: был готов пойти на сближение.

Первым откликнулся Кассиэль, как и Александр, протянув запястье с небольшим филигранным узором. Кассиэль снова его поддержал, как и тридцать лет назад, когда другие его осудили: *ferus* возмущались, спорили, негодовали, не одобряя принятого им решения. Что же, выкроит время и требует награду позже.

Взгляд Александра скользнул по рисунку, выведенному на его руке – загадочном знаке *belua ferus*, который сам выбирал своего обладателя. Древний символ таинственным образом появлялся на запястьях *ferus* в переходном, трансформационном возрасте и после уже не исчезал.

Рисунок был выразителен, и представлял собой переплетения линий, напоминавших завитки волнообразных растений, которые образовывали хаотичный узор. Из центра хаотичного узора, темного и будто бы туманного, выглядывал красный агрессивный глаз, с хищным удлиненным зрачком. Взгляд выражал напряжение.

Этот символ был изображен на запястье каждого присутствующего здесь *ferus*. В том числе и Ролана, что спустя минуту повторил действия мужчин: вытянул правую руку, при этом, не спуская с Александра глаз, будто бы спрашивая: «Надеюсь, я не пожалею».

Да, Кассиэль тоже на это надеялся.

Все посмотрели на Дея.

Дей стоял немного в отдалении и отрешенно наблюдал за происходящим, что со стороны, наверно, выглядело странно: трое мощных, рослых мужчин стоят с протянутыми к центру руками, словно сектанты, просящие милостыню.

Дей перевел взгляд на Александра: взгляд прямолинейный и своенравный, полный невысказанных, но готовых сорваться слов. Помнится, Дей возмущался громче многих: выражал несогласие, рычал, матерился... Кассиэль только надеялся, что былая обида не проснется в мужчине вновь.

Не проснулась, а вполне возможно Дей поумнел и, наконец, научился реагировать на происходящее куда менее бурно, чем прежде.

– У меня есть выбор? – произнес Дей желчно и подошел к остальным. А затем, засучив свой кожаный рукав, раскрыл красно-черное запястье.

Выбор, возможно, и был – физический. Он мог развернуться и уйти, и Александр в сложившейся ситуации, вероятно, меры принимать бы не стал. А вот психологического – выбора не было. Как жить в согласии с собой, зная, что не помог в нужный час «своим»?

Тем временем Александр посмотрел на каждого, удостоверившись в готовности каждого к тому, что произойдет здесь в следующие мгновения. Александр закрыл глаза.

Он простоял так, погруженный в нирвану, порядка тридцати секунд, прежде чем изображение глаза на запястьях *ferus* стало разгораться слепящим светом. Желтый, белый, алый – постепенно зарождающийся свет становился ярче и менял свой цвет: с алого на красный, с красного на бордовый. Тогда как *ferus*, переплетаясь нитью – нитью тонкой энергетической связи – вбирали возрастающую мощь друг друга.

Они становились единым целым.

Точно такую же связующую инициализацию проходили родоначальники расы *ferus*, при встрече с первым лидером расы: они обменивались своей энергией, тем самым многократно ее увеличивая, и с этих пор становились обладателями уникальной сверхъестественной силы – силы темной, сложно управляемой, но во много раз превосходящей ту, которой обладали до этого дня. Если раньше *ferus* пользовались способностями, но, скорее, умеренно и не в полную мощь, то проведя обряд, их возможности возросли. В том числе они приобрели способность подкрепляться энергетикой друг друга.

С этих пор они обладали совершенно другим силовым потенциалом.

Вот и Александр проводил обряд, выступая связующим звеном, разве что преследовал другие цели. Он намеревался послать сигнал не присутствующим на встрече *ferus*. Сигнал с приказом явиться сюда, домой к Александру: в покинутый им когда-то Радлес.

Кассиэль связался не со всеми, а только с теми, с которыми смог. А смог он только с Роланом, поскольку тот решил себя не блокировать, и уже через него вышел на Дея.

Сейчас они должны были выйти на остальных. Александр мог сделать это и сам, однако, чем больше участвующих *ferus*, тем мощнее задействована сила, а значит, быстрее и точнее результат. Во-вторых, так было убедительнее: количество *ferus* определяло значимость события. И было еще одно объяснение: Александр всего-то вовлекал их в процесс, тем самым проверяя, с ним они или нет.

Другого способа связаться с *ferus* не было. Наверное, то была единственная неподвластная Александру вещь: он не мог «разблокировать» *ferus* и против их воли отыскать их убежища.

Между тем перед глазами предстала карта, которую раньше, при индивидуальных действиях, видел только Александр. То была плоская карта земли, темно-зеленого цвета, с черными дырами вместо озер и рек, которая устремленно двигалась вперед, демонстрируя все новые территории и земли. На темной карте тонкими линиями, подобно ветвистым кровяным сосудам, тянулись желтые и рыжие полосы. Полосы были динамичны, – Кассиэль следил за ними будто с высоты, – и на отдельных участках карты, достигая определенного, нужного

положения, они загорались яркими точками – точками жизни искомым *ferus*. Эти точки не показывали конкретных мест дислокаций *ferus*, адресов и контактов не раскрывали: от точек голубыми пунктирными линиями уходили десятки путей и маршрутов, которыми собратья пользовались в прошлом. Подобным образом остановки только подтверждали, что *ferus* живы и получили отправленный сигнал.

Именно так поддерживала дружбу их так называемая «ментальная община» – на расстоянии. Они могли проживать и, как правило, проживали в разных уголках планеты, контактируя друг с другом посредством ментально-энергетической связи, но в случае необходимости, в случае возникновения опасности собирались вместе.

А ведь были еще и другие *ferus*, те самые, которые пропали. Они называли их «неотмеченные»: неотмеченные исключительной духовной связью, которая существовала между представителями «ментальной общины». Как результат: *ferus* обладали меньшим силовым потенциалом, что сказывалось на их возможностях.

Раньше ментальная карта показывала координаты и этих *ferus*. А затем они пропали с радаров, словно выключив себя из сети.

Александр остро ощущал моменты, когда до *ferus* доходил его зов. В ответ автоматом отправлялся отклик, подтверждавший, что сигнал его был получен. И с каждым откликом, полученным от *ferus*, все большей силой наполнялись они – Кассиэль, Ролан и Дей, поскольку в их связующую энергетическую нить подключались дополнительные ментальные потоки.

А сила была волшебна, беспокойна и умопомрачительна. Она проникала в них, наполняла, окутывала сетью и, словно вулкан, готовилась к яркому, бурному извержению.

Поднялся ветер, неожиданно резко. Прорвался, заждавшийся, из-за туч серых дождь.

И извержение в итоге произошло: напряжение вылилось во взрыв, который сильной ударной волной сумел затронуть их вплоть до нервных окончаний.

Александр выдохнул и открыл глаза. Резкой вспышкой они блеснули серебром, а затем затянулись красной поволокой. Спустя секунду не стало и ее – глаза возвратили свой прежний цвет. Точно так же потухло пламя, что излучалось «глазом» на каждой руке.

Успокоился ветер, притих летний дождь: теперь он слабо да навязчиво моросил, не желая лишаться полученной свободы.

Дело сделано. И уже другой вопрос, будет ли от этого прок. Александр мог ощутить «своих» и отправить им ментальный сигнал с определенным посылом. Однако заставить их вернуться он не мог. Разве что прибегнув к кардинальным мерам.

Ferus сами должны понимать всю серьезность сложившейся ситуации. Благополучие их расы всегда стояло на первом месте, поэтому, невзирая на прошлые разногласия, они должны выполнять свой долг: помогать Александру нести ответственность за своих норовистых сородичей. Однако *ferus* были своенравны, *ferus* были сумасбродны, таковой была их натура. Что они станут делать завтра – в том и заключался главный вопрос.

Александр сжимал и разжимал кулаки, пытаясь сохранить остатки энергии.

– И что будем делать? – спросил Александр, сосредотачивая все свое внимание на присутствующих.

– Что значит, «что будем делать»? Может, вы объясните нам, что происходит? – Дей смотрел совсем недружелюбно, охватывая взглядом то Александра, то Кассиэля.

– Ты им не сказал? – спросил Александр.

– Решил дождаться тебя. Значит, ты в курсе?

– Да, я в курсе. И мне совсем не нравится происходящее.

– Так в чем же дело? – спросил теперь Ролан. Информационный вакуум, в котором находились *ferus*, определенно, начинал их напрягать.

– Дело в том, – с ленцой начал Кассиэль, – что в Радлес пожаловали наши старые друзья. Вот только стали они приветливее прежнего. – Он запахнул полы серой куртки и отошел под каменный навес, дабы не стоять под морозящим дождем.

– И? – поторапливал Дей. – Дело ведь не могло ограничиться только этим. Иначе мы бы здесь не стояли. Да многие наши «друзья» давно облюбовали Радлес, потому, вероятно, и не уезжали отсюда.

– ...и на каждом углу кричат о нашем существовании, – сухо заключил Александр.

– Не понимаю...

– Чего здесь не понять? – Кассиэль обернулся к Дею. – Прогресс коснулся и догмар, поэтому они не просто кричат, они печатают наши биографии в своих желтейших газетах и журналах.

Люди Догмар, если официально, по-простому же просто догмары были многовековыми врагами *ferus*. Являясь расой «сверхталантливых» людей, догмары на протяжении веков конфликтовали с *ferus*, преследуя свои честолюбивые цели, подспудно не забывая жениться на догмарках и дурно воспитывать своих очаровательных детей. Последнее серьезное столкновение между ними случилось тридцать лет назад, итогом которого и стал потерянный народ, а также оборванные дружеские связи. Александр не в почете с тех самых пор: некоторые *ferus* держали злобу, другие таили обиду. А значит, пора прекращать задаваться вопросом, почему их здесь только четверо.

– Чего? Печатают в журналах? – Эта новость поразила даже Ролана. – Что за нелепица? О чем ты говоришь? Зачем им это нужно?

– Затем, что они гадкие сволочи.

Ответ Ролана не впечатлил.

– Это глупо, – заметил *ferus*. – Своими необоснованными действиями они выдают и себя самих.

– Для них они вполне обоснованы.

– Они привлекают наше внимание, – вмешался в диалог Александр, казалось, не замечавший падающих капель. – Желают выманить нас из укрытий.

Кассиэль тоже об этом размышлял, однако уверенности в своих суждениях не испытывал. Но раз эти мысли посетили не его одного, в них, определенно, имелся смысл.

– Что неплохо у них получается. – Кассиэль облокотился о стену.

– Неплохо, – согласился Александр. – Потому как у нас нет другого выхода. Мы не можем оставлять все как есть. Если они решились на такой серьезный шаг, то могут решиться на что-то и похуже. Конечно, преподносится все это как некий миф, идея-фикс безумного исследователя. Но само упоминание нас в периодических изданиях, выпуски которых хранит история, беспокоит меня... Да это же догмары, которым на протяжении веков не жилось в покое! – вдруг взорвался Александр. – Им всегда чего-то не доставало, всего было мало, хотелось большего, и в дело шли любые методы!

– Но не такие, – заметил Ролан.

– Теперь, очевидно, такие. Так что не удивляйтесь, если в ближайшее время о нас напишут ведущие издания.

– Весело, – прокомментировал Кассиэль, потряхивая облаченной в ботинок ногой, желая избавиться от прилипшего полиэтилена. И откуда он прилетел?

– Тебя это веселит? – спросил его Дей.

– Меня веселит этот пакет. Может, кто избавит меня от него? – Он потряхнул раздраженно ногой, что, наконец, полиэтилен, прилично обсосавшийся, отвалил, продолжив путешествие по безлюдным улицам Мертвой зоны. – И чего, скажи мне, переживать? Нужно действовать, и как можно скорее. Время причитаний давно прошло.

В качестве награды за недавние потуги он снова достал сигарету. Закурил. Именно так он сбрасывал напряжение, именно так приходил к успокоению. Как бы не вел себя и что бы не говорил, Кассиэль переживал, возможно, даже больше остальных.

Все же какой оборот приняла их жизнь. Догмары пошли во-банк, обнародовали тайну существования fevus, но тем самым сделали, казалось бы, невозможное – привели к началу сплочения расы fevus. Видимо, неудачи в их обнаружении все-таки вывели бедняг из себя и заставили пойти на крайние меры, ведь скрытый fevus – «мертвый» fevus.

– До сих пор не могу поверить. Они топят себя самих. – Если уж Ролана удалось удивить, эту такую неприступную глыбу... Однако Ролан молвил истину: догмары с fevus плыли в общей лодке, и обнаружась брешь в строении, потонут все, и белые, и черные. – Кто тот безумец, что все это придумал.

– Они все там немного того.

– Так что будем делать? – поинтересовался Дей, как ни странно, обратившись напрямую к Александру, с тем же вопросом, которым ранее начинал разговор оппонент.

– Действовать, – ответил Александр. – Мы будем действовать, послушаемся Каса.

Вот и конец их спокойной жизни, продлившейся всего ничего – каких-то жалких тридцать лет. Отпуск прошел незаметно. Хотя...

Неужели fevus действительно думали, что проживут остаток жизни без догмар?

Тогда безумными были они.

Глава 3

Третий день кряду Нелли исследовала город, в котором ей предстояло строить новую жизнь, по крайней мере, ближайшие несколько месяцев.

Уже на следующее утро после прибытия в Радлес она отправилась на «рабочую экскурсию» – так она назвала мероприятие по оценке городской обстановки. Что представлял из себя этот Радлес? И чем жили местные жители?

Как оказалось, гостиница, в которую привез ее таксист, обосновалась недалеко от центра, что слегка удивило Нелли: учитывая точку расположения, цены в ней действительно были низкими. Правда, Нелли не стала долго размышлять по этому поводу: для ее исхудалого кошелька так было только выгоднее. А потому она сосредоточилась на решении куда более насущных проблем.

Проходя по оживленным улицам с утра до вечера в первые два дня, – поговорив с прохожими, почитав газет, – Нелли сумела составить свое представление о Радлесе.

Приятный, привлекательный город. Он имел свой центр с прекрасной площадью, торговые комплексы, кинотеатры. А также бары, магазины, рестораны... Да еще много чего такого, что имелось и в селах, и в мегаполисах – город не хуже и не лучше остальных. Однако исследования, проведенные Нелли, ее не удовлетворили, поскольку ей не удалось осуществить того приоритетного, за чем и вышла на улицы Радлеса.

Ей не удалось найти работу. Никакую, даже самую непривлекательную. А именно с мыслями о необходимости заработков она и прогуливалась по городским просторам.

Куда бы ни заходила и не спрашивала о вакансиях, – либо никого не требовалось, либо требовались, но с должным образованием. Последнее означало то, что следовало представить необходимые документы, которых у Нелли, конечно же, не было.

А в одном из сомнительных заведений, куда по неосторожности посмела заглянуть, ей и вовсе недвусмысленно намекнули, что с моралью у них не дружат.

– Вы стройны и почти нам подходите. Правда, подкормить бы вас, нарастить мяса, – ее осмотрели критическим взглядом, – и будете вполне ничего. Лицом вашим мы, конечно же, займемся, подкрасим там... Танцевать умеете?

Нелли оторопела. Она и так находилась в некоем ступоре, а после вопроса менеджера, весьма неожиданного, и вовсе языка лишилась.

– Видимо, не умеете, но ничего, научим. И улыбнитесь. Соблазнительно. Чего вы такая кислая? Вы должны привлекать клиентов, а не отпугивать, тогда будете вполне себе востребованы.

– Востребована?

– Да, востребованы. Правда, вот грудь маловата...

А? Ее грудь? Она вполне себе ничего!

Господи, о чем она думает и куда попала? Что это за место? О чем толкует этот человек?

– Востребована для чего? – все же вымолвила Нелли, заранее страшась ответа.

– Не для чего, милая, а для кого. Для любителей женского стриптиза. Вы что все с закрытыми глазами сюда заходите?

Нелли вылетела оттуда в ту же минуту. И уже оказавшись на улице, прочитала: клуб «Зажигалка» – настенная табличка, мелким шрифтом. Тогда как на фасаде висело объявление о новом наборе персонала, написанное куда более заметными буквами. На него-то она и повелась.

«Зажигалка». Какая пошлость. Теперь понятно, кто кого зажигал.

Нелли ушла искать счастья дальше. Зашла в кафе, в котором ее обнадежили, заверив, что да, помощница нужна. А затем попросили ненавистные документы. На вопрос «Обязательна

ли такая формальность?», менеджер, на этот раз женщина, косо взглянула на нее и строго заявила: «С улицы мы никого не берем». Поэтому Нелли пришлось уйти. Она-то с улицы, а ведь когда-то у нее была совсем другая жизнь...

Расстроено-озабоченной и совершенно разбитой Нелли вернулась в гостиничный номер. Она понимала, что будет непросто, однако не думала, что непросто настолько. Она же искала черновую работу, а, казалось, напрашивалась на должность финдиректора.

На следующий день ситуация повторилась. Нелли продолжила начатые поиски: купила «рабочую» газету, позвонила по нескольким номерам из еле сысканного уличного автомата, однако результата это не дало: где вакансия оказалась занята, где не дозвонилась, где попросили прийти, но захватив документы и рекомендации.

Какие рекомендации? Какие документы? Она даже паспортом не могла своим пользоваться в страхе навести преследователей на след. О чем они все говорят? О чем ее просят?

Поэтому оставив улицы центра, где удача ей улыбаться не желала, Нелли решила посетить район соседний, куда более тихий и спокойный.

Посещала вот уже второй день, и прямо сейчас выходила из почтового отделения, где, в случае удачи, планировала пристроиться: оператором на телефоне либо просто за стойкой посидеть. Вот только им понадобилась ее трудовая.

Время – около семи. Нелли снова проходила весь день, ломясь в закрытые, недружелюбные двери. И продолжала ломиться до сих пор, по дороге в гостиницу высматривая объявления.

«Хоть что-нибудь, пожалуйста, ну, хоть что-нибудь...».

Впереди замелькало что-то: ярко-алая светящаяся вывеска, на которой большими золотыми буквами было выведено некое слово.

– «Красная метка», – прочитала Нелли, когда оказалась значительно ближе. – Бар «Красная метка».

В отличие от других невысоких сооружений, образовывавших что-то вроде ленты вдоль компактной дороги, бар стоял особняком в некотором отдалении от остальных строений.

Она осмотрела приятный фасад, сотканный из разноцветного облицовочного кирпича: красного, коричневого, серого. Заглянула в витринные окна – уходящие вглубь столы, деревянные стулья и яркий свет, словно мотыльков собиравший людей.

Нелли резко захотелось войти, не ради работы, а просто так.

Она осмотрелась в поисках объявлений: мало ли, одно другому не мешает. Объявления редко вывешивали на зданиях, но Нелли знала по собственному опыту, что у некоторых организаций такое являлось достаточно распространенной практикой. Как видно, не у этой: Нелли ничего не обнаружила.

Она в любом случае зайдет, хотя бы из простого любопытства. Заодно поговорит с администрацией. А вдруг ей повезет? Ну а вдруг? В любом случае на сегодня то была последняя попытка.

«Пожалуйста, Господи, пожалуйста, пускай бар этот окажется приличным заведением, которому требуется рабочая сила. И пускай уж тогда ее возьмут. Да, без всяких там документов».

Нелли приблизилась к двустворчатым дверям из крепкого темного дерева и, схватившись за деревянную ручку, потянула дверцу на себя.

Стоило оказаться внутри, как Нелли поняла: она нашла свое место.

Глава 4

– Так откуда, говоришь, она?

Оторвавшись от лицемерия молодой симпатичной шатенки, с особой тщательностью протиравшей столики, Зойл обратил внимание на своего наблюдательного, недоверчивого бармена.

– Откуда-то с севера. С провинциального городка. Луза, кажется. Что-то не припомню такого.

– И ты не проверил?

– Проверил. Город Луза: к востоку от столицы, к северу от нас, население чуть более десяти тысяч.

Дмитрий досадливо поджал губы.

– Тебе не кажется, что она... подозрительна? – Он схватил со стойки стакан и стал протирать его сухим полотенцем.

– Правда? – улыбнулся Зойл.

– Брось, ты не хуже меня это понимаешь, возможно, даже лучше. Но все равно ее нанял. Зачем?

Зойл снова взглянул на девушку, работающую в именных одеждах бара: красной юбке и белой футболке с логотипом его заведения.

Нелли. Так ее звали, хотя не исключено, что имя вымышленное.

На пороге бара она появилась недавно, каких-то две недели назад. Взмолвленная, какая-то нервная: постоянно оглядывалась по сторонам; изможденная, что бросилось в глаза моментально, и, как ни странно, в поисках работы. «Красной метке» и впрямь не хватало лишних рук, и Зойл не прочь был ее нанять. Но вот не задача – документов при ней не оказалось. Ай-яй-яй, насколько же все банально – потеряла сумку, деньги, документы. Как оказалось, путешествовала она автостопом, и вот теперь, чтобы вернуться домой, ей просто жизненно-необходимы деньги. Вот и стояла перед ним неприкаянная, готовая на любую «приличную» работу.

– Затем что у меня, Дмитрий, доброе сердце. – Отставив в сторону недопитый кофе, Зойл энергично поднялся с табурета.

Дмитрий звучно рассмеялся.

– Ах ты, старый хитрец! – Он постучал по стойке ножом, который чистил. – Быть может, у тебя и доброе сердце, но коварный ум. Признавайся, тебе любопытно. Тебя интригует та недосказанность, которая окружает эту девушку.

– А тебя нет? – поинтересовался Зойл.

– Проблемы в баре тебе не нужны.

– Вот поэтому я за ней и приглядываю. Нелли, во сколько заканчивается твоя смена? – Зойл обернулся и окликнул девушку, что убиралась за несколькими столиками от них.

Нелли резко вскинула голову.

– В шесть. А что? – спросила с недоверием.

Да, ей бы успокоиться. И не двигаться, словно заведенная, боясь остановиться хотя бы на мгновение.

– Ничего. Удостоверяюсь, чтобы быть в курсе. – Потеряв к ней внешний интерес, Зойл отправился в свой кабинет.

В шесть придет вторая смена и проработает до глубокой ночи. Нелли же придет уже завтра, к девяти часам утра.

Он не хуже нее знал ее расписание.

Нелли перевела дыхание и оторвала глаза от спины, только что скрывшейся за серой дверью, расположенной в дальнем конце зала.

Владелец. Вроде нормальный. Да что там, конечно, нормальный, ведь он устроил ее без каких-либо формальностей. И относился к ней хорошо. Не то, что неприветливый блондин за стойкой, что вечно искоса на нее поглядывал. Вот прямо как сейчас.

Нелли отвела от Дмитрия взгляд и сосредоточилась на протираемом столе. Все то время, что находилась в Радлесе, ее не на мгновение не отпускало напряжение. Она ни есть не могла, ни спать, поскольку каждый божий день ожидала появления перед глазами преследователей. Так, по-видимому, и бывает, когда оказываешься не там, где следует... Не о таком спокойствии она мечтала.

Она заставила себя глубоко вздохнуть. Вероятно, настало время рассмотреть варианты, в которых группа ненормальных головорезов не калечат ее и не убивают? Ведь кто знает, может быть, на этот раз ее не найдут?

Однако расслабиться было трудно, учитывая, что она задумала.

Напоследок вновь пройдясь по столешнице тряпкой, – по столешнице, которую протирали, наверное, больше часа, – она отправилась принимать заказы: в бар как раз вошли посетители. А спустя полтора изнурительных часа, после гор посуды, перенесенной туда-обратно, она отправилась в комнату персонала: если не решится на задуманное сегодня, то уже никогда не решится. А раз так...

По дороге в комнату-раздевалку Нелли снова рассматривала интерьер заведения – уж больно ей приглянулся. Много дерева, «янтаря» и света, и очень теплая, дружественная атмосфера – именно на это обратила внимание, когда впервые ступила на территорию бара. В тот судьбоносный вечер здесь все блестело.

Справа от входа тянулась барная стойка, сделанная из массива красного дерева, по периметру стойки стояли табуреты. Всю просторную левую половину помещения занимали столы и стулья той же древесной породы. Да Нелли бы здесь ночевала, а не в той лачуге, в которой с некоторых пор жила.

Однако обо всем об этом следовало на время забыть, поскольку ожидался тяжелый вечер: предстояло отправиться на поиски человека, который поможет ей подделать документы. И Нелли было очень страшно. Ей предстояло искать подельника, которым наверняка окажется закоренелый преступник, и, как успела Нелли понять, искать в совершенно загадочной части города...

Нелли долго да окольными путями пыталась выведать у коллег и соседей, где у них здесь в Радлесе зланные места, в которые она могла бы пойти (этого, разумеется, им не говорила). Однако мест подобных либо не было, либо по причинам, ей неизведанным, люди не желали этого сообщать, что, по мнению Нелли, было маловероятно. Ну, зачем им это скрывать? От кого бы то ни было, в том числе от Нелли?

Поэтому Нелли подсуежилась лично, порылась в картографии и местных архивах и определила, что город Радлес состоит из пяти районов, два из которых на сегодняшний день не функционируют. Почему? На этот вопрос ответов не нашла. Но вовсе не это было самым странным: не информация о планировке Радлеса. Наиболее странное развитие событий последовало позже, когда Нелли стала расспрашивать о Мертвой зоне напрямую – а именно так именовались районы, по каким-то причинам непригодные для жизни.

Ей стали выдавать невнятные ответы, и вели себя при этом... нестандартно: забывались, отмахивались от вопроса, как-то резко переключались с темы и снова забывались, отмахивались. В общем, было от чего задуматься. И побеспокоиться.

Несмотря на то, что район Мертвой зоны было принято считать опустевшим, в нем по-прежнему обитали люди: об этом обмолвилась Ева, одна из официанток «Красной метки», из которой с трудом, словно клещами, Нелли вытаскивала крохи информации – местные сплетни

дело не редкое. Жители «зоны» были либо бедняками, либо преступниками разных мастей. И те и другие являлись изгоями, некогда потерявшими законное место в ставшем чужеродным нормальном мире. Вот и вели убогое существование.

И вот в это место, рассадник порока, Нелли намеревалась сегодня пойти.

«Ты же журналист, – твердил ей внутренний голос. – Ни этого ли ты так хотела? Ни к этому ли так стремилась? К приключениям. Вот тебе и приключения. Раскрывай свой нераскрытый потенциал».

Нелли отогнала непрошенные мысли и проследила за временем: без пятнадцати шесть. Ничего не случится, если Нелли уйдет сегодня чуточку раньше. С Ликерией она договорилась, напарница выдержит с четверть часа без нее.

Нелли собралась, попрощалась с Дмитрием – вежливость превыше гордости, – и вышла на улицу.

Придя в свою новую, скромную квартиру, а в реальности – в крошечную комнатку, которую снимала последнюю неделю, она переоделась в старые джинсы, сменила футболку на облезлую кофту, и поверх приобретенного в комиссионке добра надела куртку цвета «мокрый асфальт» – теперь она выглядела не лучше попрошайки. Соответствующий образ для соответствующего места. Если уж отправляться в местный притон, то не плохо бы вписаться в тамошний антураж. В то же время сборище непризнанных маргиналов – не фонд взаимопомощи, а значит, обезопасить себя не помешает. Поэтому положив в карман перочинный ножик, с которым не расставалась четвертый месяц кряду, Нелли выбежала на темнеющую улицу. Задерживаться никак не стоило, бродить в темноте да по таким владениям... Но и заявляться туда днем не имело смысла. Все плохие парни, словно тараканы, вылезали только по ночам.

В девятнадцать ноль пять она была на месте: стояла на улице Двойной перекресток перед клубом под названием «Пепел». Да, звучало не обнадеживающе, но именно здесь ей следовало быть, поскольку центром притяжения всех нечистот по слухам являлся именно этот клуб.

Вероятно, поэтому пойманное такси до Мертвой зоны вести отказалось: дальше Пограничной они ездят – на это сослался таксист, стоило назвать ему вычитанный адрес. Пограничная, стоило понимать, это пограничная улица между Мертвой и... немертвой зонами. Надо же, как все просто.

В общем, дальше пришлось идти пешком.

Местные пейзажи, наблюдаемые Нелли на долгом подходе к выискиваемому клубу, оставляли двойное впечатление. Неразличимые друг от друга здания, обветшалые, лишённые жизни, удручали и вызвали отторжение, но в то же время, как ни странно, пробуждали непонятный интерес: в них проглядывалась своя красота – страшная, грубая, старческая, но в том и заключалась их уникальность – в не всеми понятом и замеченном очаровании.

Правда, очарование замечала недолго. Ей постоянно слышались звуки, какой-то скрежет, шуршание, шепот, поэтому Нелли непрерывно оглядывалась: в немногих окнах горел слабый свет – единственный признак жизни, но на улицах – пустота, ни единого человека, даже собаки бездомной. Может, показываться на глаза здесь не принято? Боятся нападения и потери имущества? Какое-никакое наверняка имелось...

Нелли старалась себя не накручивать: «Не думать. Не думать о плохом...». А потому сосредоточилась на строении клуба: ветхое двухэтажное здание, грязного песочного цвета. Еще бы храбрости набраться, чтоб войти туда... Разводы, осыпающаяся штукатурка, немытые стекла за раскрытыми ставнями... Может, не поздно еще уйти?

Взгляд остановился на стальных дверях, которые так же оптимизма не внушали. Словно тюрьма какая-то. Почему железо?

Тем временем, проверяя наличие денег, Нелли поводила правой ступней: лучшего места, чем ботинок, для сохранности придумать не смогла.

Чтобы достать необходимые наличные, ей пришлось заложить единственную ценность, которая у нее еще сохранилась: кольцо с изумрудом покойной матери. Нелли до последнего откладывала момент, когда пришлось бы расстаться с украшением, уповала на удачу, рассчитывала на лучшее, но откладывать и дальше возможности не было. Деньги нужны были сейчас, а получаемых еженедельных выплат никак не хватило бы на оплату столь непростой и грязной работы. Но Нелли верила, что все обойдется: она накопит необходимую сумму и сумеет выкупить мамино кольцо. Она определенно это сделает. Для нее кольцо – не просто драгоценность. Для нее оно – реликвия, для нее оно – память, которую необходимо было сохранить.

А сейчас необходимо действовать. Пора принять свою судьбу, какой бы она ни была. Возможно, Нелли и самоубийца, но иного выхода не было.

Она подошла к пугающим дверям и потянула ручку на себя – дверь оказалась тяжелой.

На входе никто не стоял. Странно. Хотя чего здесь странного? Вряд ли в подобных местах двери открывает швейцар. Даже охрана – несусветная роскошь.

Нелли оказалась в небольшом фойе, которое ни чистотой, ни красотой не отличалось. Вдоль желтых стен тянулись кислотно-зеленые диванчики, поверх диванчиков висели зеркала: увесистые, в узорчатых рамах, как и окна, покрытые застарелыми пятнами. На этом все: ни портье, ни даже гардеробной.

На одном из диванчиков сидел мужчина, на коленях которого, раздвинув ноги, устроилась привлекательная блондинка. Нетрудно было догадаться, чем они занимались, стоило взглянуть на блуждающую по женским бедрам руку. А потому пополнения в своей интимной компании они не заметили. И слава богу.

Что же будет дальше?

Ответ на вопрос волновал ее особо рьяно еще и потому, что из соседнего зала доносились звуки томной, навязчивой музыки. Нелли пошла на звуки.

Возле широкого прямоугольного прохода стояли трое нелицеприятных мужчин, о чем-то разговаривая на повышенных тонах – паника в Нелли возросла. Возросла вдвойне, когда они грубо засмеялись, и втройне, когда снова заспорили.

И как проскочить незамеченной?

Однако вопрос отпал сам собой, когда внезапно один из низкорослых повернулся и взглянул на нее – Нелли тут же потянуло бежать, и только сила воли удержала на месте.

Вид у мужчины был отталкивающий: грязный, помятый, взъерошенный. Он смотрел на нее маленькими глазками, заинтересованным, изучающим взглядом, и как-то мерзко пощелкивал языком.

Нелли боялась пошевелиться, хотя понимала, что пошевелиться стоит. Хотя бы для того, чтоб не сочли за жертву и не налетели как свора шакалов. Наверное, следует что-то сказать. Но только что? Или просто протиснуться мимо, словно находиться здесь – дело привычное?

Пальцы сами потянулись к ножу. Нашупали. Стало спокойнее. И решение пришло мгновенно.

Для чего она сюда пришла? Правильно, чтобы наработать связей. Вот и следовало их наработать. Нелли следовало показаться «своей» и как можно скорее задать вопрос, который не прекращал ее терзать: как выйти на нужного человека?

Однако шансом, неожиданно представившимся, воспользоваться было не суждено. В направлении выхода из темного зала шел мужчина. *Ей навстречу* шел мужчина. Знакомый мужчина, ужасный, лица которого не забудет никогда. Так же как лиц его дружков.

Моментально нахлынули воспоминания: невыносимые, тяжелые картины, что заставили повторно окунуться в пережитый страх...

Вот она следует за подозрительным типом в красной «кричащей» кожанке. Выходит из бара, выжидает мгновения, давая возможность ему оторваться, а после снова идет за ним. Под

ногами похрустывает мокрый снег. Она в волнении, но душа трепещет – вот он, выпрашиваемый шанс. Вот она, возможность проявиться, показать, на что способна.

Она идет по ночному тротуару, наготове держит любимый агрегат – фотоаппарат, купленный когда-то, который всегда носила с собой. Свернув в переулок, подбегает к кирпичному зданию, в дверях которого скрылся объект. В это мгновение из дверей вылетают несколько молодых людей и скрываются в тени улицы. Она выдыхает и заходит в здание, подходит к ближайшей открытой двери, осторожно заглядывает. И застывает. То, что видит в дальнейшем, противоречит всем существующим законам.

Белая пребелая комната, издали доносится музыка...

Начало развернувшегося действия Нелли пропустила, позволив преследуемой личности уйти вперед.

Мужчина сидел на полу, и сперва она не заметила черного пистолета, который находился у него в руке. Но оружие было, и было приставлено к объекту ее наблюдения. Вторая рука сжимала рану, что кровоточила на правом плече.

Нелли сначала растерялась, не зная как на такое реагировать. Она ожидала что-то увидеть, что-то незаконное, и возможно даже страшное, но что именно – объяснить не смогла бы. На что она рассчитывала? Глупая, глупая, глупая! И не понятно, кто прав, кто виноват.

Рядом с «красной курткой» находились еще двое, такие же мрачные, преступные и опасные. Они сидели на крутящихся стульях, со всех сторон окружив мужчину.

Оружие выстрелило, выстрелило трижды. И все три раза – в «красную куртку».

Нелли хотелось закричать. Ей хотелось кинуться на помощь пострадавшему. Вот только мужчина в красной кожанке не упал. Нет-нет. Он слегка покачнулся, да и только.

Крик так и не вырвался, да и Нелли стояла на месте. А в следующую минуту наблюдала за тем, как человеку сжимают горло, аж приподняв его с пола. С пола, одной рукой!

Движение кисти, и человек упал. Упал, как оказалось, замертво.

Нелли попятилась назад. Это происходило не с ней. Она этого не видела. Любой человек – *нормальный* человек – от трех пуль должен погибнуть. Хотя бы упасть из-за серьезности ранений. Он просто не мог оставаться на ногах и не ощущать возникшего дискомфорта. Но «красная куртка», судя по бодрости, дискомфорта не ощущал. Он был... ненормален? Ужасно ненормален!

Должно быть, Нелли выдала свое присутствие (как? – разве это важно?), так как один из троих, сидевший к ней ближе, обернулся и посмотрел на нее. Прямо в глаза, холодным взглядом.

Нелли бросилась бежать. Не оборачиваясь, ни о чем не думая. Она бежала, бежала и бежала. Она бежала до этих самых пор. И, кажется, будет бежать всю жизнь...

Мужчина ее не замечал, все буравя взглядом истертый пол. Темные волосы, большие глаза, тонкие губы, сложенные в линию. Мужчина не был «красной курткой». Он был тем самым, первым ее заметившим.

Стараясь сохранить остатки самоконтроля, Нелли подумала, что нужно скрыться и на этот раз как можно незаметнее, когда мужчина поднял глаза. И увидел ее. Конечно же, увидел.

Как там обычно говорят: «Земля ушла у нее из-под ног»? Так вот, у нее ушла. Поскольку он узнал ее, Нелли сразу это поняла: по удивлению и оживлению в глазах.

И Нелли снова бросилась бежать. Бежать как несколькими месяцами ранее.

Распахнув тяжелые двери, Нелли полетела вниз по улице. По безлюдной, темной улице, где ей некому было помочь, где ей не к кому было обратиться. И даже если кто-то внезапно и появится, помогать ей вряд ли станет: ни те законы, ни та мораль. Нелли так и погибнет в зловонном месте, одна, вдалеке от дома. И опознать ее будет некому, да и трупа никогда не найдут...

Преследователь бежал за ней. Он нагонял и очень быстро. А Нелли выдыхалась. Если бы не заядлое увлечение аэробикой, то выдохлась бы еще на выходе из клуба.

Перед глазами простиралась дорога, такая длинная и такая бесконечная. Ну почему же ты бесконечная, ведущая прямо, прямо, прямо...

Ей необходимо сменить маневр: повернуть направо, прыгнуть в люк. Она мечтала спрыгнуть в люк, уйти под землю, провалиться в щель, ведь ему оставалось лишь протянуть к ней руку...

А затем улыбнулась улица, что была запрятана за серыми домами. Нелли резко свернула налево. И так же резко врезалась в стену. В стену человеческого тела.

***

Александр остался стоять, тогда как человек удержаться не смог и приземлился на пятую точку.

Женщина. Местная пария. И все туда же, в незаконный мир.

Александр не выносил это грязное место именно по причине деятельности тех, кто это грязное место населял. Поскольку именно эти низкопробные твари, что не гнушались любой омерзительной работы, превращали зону, и без того отвратную, в то, чем она была – в контейнер человеческих отходов.

Потому и женщину эту не жалел, несмотря на то что, как он понял, она не поделила что-то с врагом. С его врагом, Александра. Вроде бы враг моего врага – мой друг?

Враг моего врага – идиотка, которая вместо того, чтобы греть дома задницу или заниматься другими, полезными, вещами, занималась непонятно чем. Порядочные люди здесь не бегали, а те, что бегали, порядочными не являлись, а значит, заслуживали тех испытаний, которым подвергала их Мертвая зона.

Потому, обойдя вниманием человечку, которую готов был хватить удар, Александр сосредоточился на другом объекте, куда более интересном и ценном. Он сосредоточился на собственной цели.

– Ну, сколько можно ждать? – заговорил Александр. – По-твоему, мне нечем себя больше занять? – Александр смотрел на молодого мужчину, который, как и женщина приостановил свой бег, с той лишь разницей, что женщина сделала это принудительно.

Догмар. Именно он интересовал Александра. Именно его Александр искал на протяжении нескольких дней. Но все догмары словно вымерли, что было совсем уму непостижимо. Раньше, в прошлой реальности, догмары вели активную общественную жизнь, ничем не различимую с жизнью людей: работали, ходили на учебу, растили детей, кутили в кабаках. Fergus временами с ними пересекались: в переходах, в очереди за пивом, в «закрытых» барах, в аэропортах и метро. Пересекались, невзирая на то, что догмары, как и fergus, селились в разных городах и странах. Разве что в Радлесе их раньше не было, в том числе поэтому Александр здесь когда-то и осел. Однако про fergus писали в большинстве своем газеты Радлеса, догмары определенно хотели, чтобы они прибыли сюда. Потому Александр ожидал иного приема – активного, даже наступательного. Тогда как на деле... догмары прятались?

А тот, что стоял перед ним, был удивлен. Поскольку моментально определил, перед кем оказался. Одна из особенностей догмар – сенситивность: они улавливали потусторонние импульсы, тонкие энергетические вибрации fergus, а также вибрации людей, наделенных экстра-сенсорными способностями, благодаря своей природной чувствительности к подобного рода вещам.

Вот и этот уловил. Да так смотрел... Что ж он с fergus никогда не встречался?

Вероятно, и не встречался. Встречаться с fergus догмары отправляли совершенно других представителей расы, обладающих иного рода способностями. А этот экземпляр был заурядным прожигателем жизни, каких хватало, как среди людей, так и среди догмар.

– Александр... – прошептал догмар.

– Мы уже встречались? – был вежлив Александр.

Все оказалось куда как прозаичней: его превратили в местную легенду.

Догмар приосанился – взял себя в руки.

– Лично нет, но я слышал. Заставили же вы нас напрячься. – Он достал из кармана ветровки прибор, чем-то похожий на машинный брелок.

– Правда? – ответил Александр, понимая, что именно противник держал в руках. Догмар, очевидно, был не глуп, и понимал, что перспективы его на этот вечер не столь радужны и привлекательны. Главное, успеть стрясти с него информацию.

– Столько сил было затрачено, столько времени. И, очевидно, не зря. Ох, не зря. – Догмар поглаживал пальцем предмет со ставшей обозримой посередине кнопкой.

– Где все? – был краток Александр.

Догмар приосанился больше, и Александра совсем не разозлило выражение торжества, отразившееся на пропитом лице. Нет, совсем не разозлило.

– А ты отыщи, – дерзнул догмар.

В груди шевельнулся гнев. Александру не нравился этот разговор.

Догмар «из народа» *ferus* не трогали, поскольку «народники» не трогали их. Сейчас перед ним стоял «народник», но какой-то пустоголовый. Ему бы бежать, а этот... Что он собирался противопоставить Александру? В то же время пустоголовый подготовлен к встрече. Вот Александр и думал: что с ним делать? Напрягаться лень, однако оставлять все как есть, нельзя, да и раздражал он его, что уж скрывать. Очень сильно раздражал...

– Не следует со мной играть. Лучше просто отвечать на вопросы. Где все и что вы задумали? – Александр шагнул вперед и заметил, как обитавшая у ног его женщина, потихоньку отползает в сторону. Умное решение, мудрое, судя по тому, к чему все движется.

– А шашкой вас не снабдить, чтобы все и сразу – и адрес, и тела на вынос?

– Учитывая, какую свинью вы нам подложили, одной шашки будет маловато. Благодаря вам мы становимся местными знаменитостями.

– Ах, ты об этом...

– Да, я об этом.

Внутри просыпалась сила: древняя, темная, повелительная, и пока что Александр ее контролировал, однако она не любила принимать компромиссы...

Догмар прекратил ухмыляться и ткнул в него сигнальным прибором.

– Жаль разочаровывать тебя, Александр, но права голоса ты больше не имеешь. Теперь не ты задаешь тон событиям, так что будешь принимать ситуацию постфактум. Времена твоей экспансии прошли.

И это ему не понравилось. Почему все давили на больные мозоли? Взывали к давно похороненным чувствам? Либо он обманывал себя, считая, что они похоронены?

– Значит, ответов я не дождусь? – Александр продолжал умирять просыпающуюся ярость. Трансформация в его паны не входила. Не здесь и не перед людьми. Однако от одного только взгляда на этих мерзких тварей, от воспоминаний трагедии, виновниками которой они явились, от сцен насилия, крови и вражды, его буквально сводило с ума. Он не мог, да и не хотел противиться инстинктам, которые кричали взять реванш. И начать требовали сейчас.

– Единственное, чего ты дождешься, так это долгой и мучительной смерти. Но перед этим наблюдаешь за тем, как будет уничтожена вся твоя раса и каждый твой друг.

И догмар нажал на кнопку – то было оповещение. Сигнал, сообщавший своим некую важную и срочную новость. По всей видимости, новость о возвращении *ferus*.

– Спасибо, – сказал Александр. – Этого я и ждал. – И в следующий миг, оказавшись перед противником, со всей силы приложился к его челюсти.

Догмар оказался на земле.

Перед глазами стало темнеть, мир терял цветные краски и превращался в черно-белое марево с прозрачными, алыми полосами. Александр пытался сохранять рассудок. Он пытался держать себя в руках и не переходить границу разума, но, сколько же злобы накопилось за это время, сколько боли и ядовитых чувств. Он потерял уважение ferus, он навеки лишился части своих подопечных, тогда как другая часть пропала без вести, и все из-за них, из-за этих ублюдков, которые все никак не могли успокоиться...

Александр вывернул руку догмара и с яростью раненного зверя впечатал его в ближайшую стену. Лицевые суставы твари расщепились, превратились в месиво, брызнула кровь, при виде которой глаза Александра застила темно-красная пелена. Он чувствовал, что становится выше, плечи расширяются, суставы зудят. По телу пробежала электрическая волна, голова, казалось, набухла и от перенапряжения готова взорваться... Он пытался себя остановить, он пытался... Но не мог... Он не мог...

Глава 5

– Там была женщина.

Фраза эхом отлетела от стен и потухла в наступившей тишине.

Сосредоточенно, не прекращая размышлений, через толстые ржавые решетки, Александр наблюдал за восходом солнца, что окрашивал горизонт в ярко-рыжий цвет.

– Женщина, – повторил утвердительно Дей, в ожидании не последовавшего продолжения. – И... что... женщина?

– Женщина все видела, – ответил Александр, поворачиваясь к собравшимся друзьям. – Я так думаю.

– Что значит «всё»? – спросил Ролан.

– И что значит «ты так думаешь»? – спросил Кас.

– «Всё» значит *всё*. А думаю я так, поскольку доподлинно в этом не уверен. Был... немного занят, чтобы обратить внимание.

Когда он «очнулся», рядом с ним, за исключением трупа, никого не было. В груди свербело, что-то его беспокоило, но, чтобы понять, что именно, потребовалось время.

Кулак стремительно врезался в стену – подобным образом он отпраздновал осознание, – однако боли Александр не почувствовал. Убогих в Мертвой зоне он еще не разыскивал. Только этого ему не хватало – искать вторсырье на городской помойке. Однако теперь придется. Женщина, которая слышала каждое слово, женщина, которая, видела его в лицо. Женщина, что вполне возможно, наблюдала за его трансформацией. Она исчезла. И поблизости ее не было, она ушла, а он не заметил.

Кас прочистил горло: ответ ему не понравился. Однако комментировать никак не стал: он сложил на груди руки и навалился на скопление досок, по соседству с деревянными ящиками, на одном из которых обосновался Ролан.

Они снова находились в Мертвой зоне, в одном из заброшенных пыльных складов, расположенных поблизости с пограничными землями. Каждый из *feigus* продолжал существовать в своем личном, индивидуальном мирке, вести закрытую, обособленную жизнь и не желал впускать в нее никого другого. Александр не мог не замечать того, что за эти годы, заметно отделившись, они не стремились к былому сближению. Не доверяли его решению? Боялись раньше времени налаживать контакт, опасаясь очередного прощания на десятилетия? Вот и приходилось делиться новостями на нейтральной, ничейной территории. И найденный Касом склад для этих целей подходил лучше всего.

– Когда я закончил с догмаром, ее уже не было. Надеюсь, она не видела заключительной части.

– А мы-то как надеемся, – вставил Дей, разминающий мышцы у торцевой стены.

Помещение было небольшим, двадцать на двадцать метров, что способствовало легкому вычислению гостей в случае их внезапного появления, а также концентрации внимания присутствующих в одной выбранной территориальной точке. А потому язвительность Дея незамеченной не осталась.

– Я пошел за ней, но... здесь много неясностей.

– Ты о чем? – заинтересовался Кас. Александр пояснил:

– Не думал, что отщепенцы покидают Мертвую зону, а эта, кажется, покинула. Ее след вывел меня за пределы отверженных территорий.

– Вероятно, за то время, что тебя здесь не было, многое изменилось? – предположил Кас.

– Ты в это веришь? – усмехнулся Александр.

Нет, Кас в это не верил, и тому были вполне конкретные мистические причины. Однако технически это было возможно, поэтому Александр решил оставить обсуждение данного вопроса на потом. Вот отыщет нежелательного свидетеля...

– В любом случае сегодня я найду ее и приму необходимые меры. Меня больше беспокоят враги. После трюка с посланным сигналом, я ожидал компанию взбешенных бессмертных, явившихся по мою голову, однако мои ожидания не оправдались.

– Они определенно что-то задумали. – Кас заметно оживился. – Неспроста они все исчезли. За все то время, что мы находимся в Радлесе, мы не увидели ни одного догмара. Когда такое было?

– Вообще-то раньше так и было, – ответил Ролан. – Когда-то Александр был счастлив жить здесь без них.

– «Раньше», это когда по полям бегали единороги. С тех пор прошли миллионы лет, догмарки потихоньку поняли, где рай на земле, через них поняли их мужья, и спокойная жизнь Александра закончилась. А теперь и подавно все иначе. Одного мы уже засекли. И этот «сигнализатор»... Силы предков, надо же чего придумали...

– Ты рассуждаешь как старый человек, – поддел Каса Дей.

– Правда, странно, учитывая мой богатый жизненный опыт? – улыбнулся Кас, если то, что отразилось на его лице, можно было назвать улыбкой.

– Я согласен, что что-то затевается. – Александр переключил внимание на себя. – И почивший ныне догмар мне тоже на это намекал – что в ближайшее время нас ожидают сюрпризы.

– А меня продолжает волновать женщина, – взял слово Дей. Было бы удивительно, если бы его не волновали женщины. – Вам не кажется странным, что она убегала от догмара?

– Да мало ли чего не поделили. Может, кошелек у него украла. Есть-то хочется, – добавил Кас.

– Соглашусь. Вот только, где она могла его украсть?

А вот это стоящая мысль.

– Стоит проверить ближайшие к месту столкновения объекты, – предложил Ролан, также оценив мысль Дея. – Вероятно, в одном из них появляются догмары.

– Хорошая мысль, вот и займитесь этим, – велел Александр. – Сейчас нам в первую очередь нужно сосредоточиться на них. Они оказались не столь глупы, чтобы, не задумываясь мчаться нам навстречу. Но меня не покидает мысль, что в скором времени они обязательно нас навестят...

Входная дверь внезапно распахнулась и громогласно ударилась о стену.

Александр молниеносно посмотрел в ту сторону, готовый отражать возможное нападение. Другие так же встрепенулись и приняли боевую стойку.

– Оо! Да не может быть! Мои глаза, кого я вижу? Неужели это мои старые добрые друзья? Несколько вальяжно, широко улыбаясь, им навстречу шел привлекательный блондин.

– Не верю своим глазам. Не уж-то сам Александр?

Это Александр не верил: не уж-то Океан?

Океан приблизился и остановился перед ними.

– Ну, чего все вылупились? Кто там первый обниматься?

Своим внезапным да эффектным появлением Океан привел всех в полное смятение. Fergus смотрели на него, как на призрака, вероятно, видя в нем не его самого, а догмара, который предположительно должен был заявиться. Кто еще к ним мог пожаловать?

Однако это был Океан, непосредственный, игривый fergus, который зарядом своим и позитивом оживлял любое общество. Учитывая напряженную, дисгармоничную обстановку, в которой все они пока что находились, Океан явился глотком свежего воздуха, который был им жизненно необходим.

Мужчины переглянулись. А спустя секунду уже смеялись. Вот чего им так не хватало. Точнее, кого – Океана! Друга, который являясь душой компании, мог разрядить любую обстановку.

Океан был явно доволен собой: столь широкой и искренней улыбки Александр не наблюдал давно. Александр не сомневался, Океан понимал, что только что сделал: сблизил их. По крайней мере, сделал для этого столь необходимый первый шаг.

Для *ferus* он был необычен. Именно по причине своего легкого нрава Океан отличался от всех остальных. Если другие в своем большинстве были сложны, капризны и неуживчивы, подвергаясь частой смене настроений, Океан, на первый взгляд, таковым не был. И только немногим, способным копнуть глубже, удавалось узнать его настоящего.

Океан осмотрел помещение. Блестящие, цвета смольного янтаря глаза внимательно проšli по деталям интерьера, начиная с коробок, дощатых ящиков, облокоченных к стенам профлистов, и заканчивая пятнистым потолком.

– Так и знал, что обитаете в очередной дыре. Как только сошел с самолета, сразу же почувствовал ваш отвратительный запах и вышел вот на это, – он развел руками. – Готов поспорить, что здесь мы стараниями Каса. У него же совсем нет вкуса. – Океан прошел к ящикам, сложенным в некое подобие башни, на одном из которых ранее сидел Ролан. Собрался сесть, но остановился. Внимательно взгляделся в ближайший из них и, поморщившись, провел пальцем по поверхности. Палец стал черным. Океан осмотрелся, заметил черную куртку, лежащую на соседних коробках – куртку Дея, – и, взяв ее, бросил на ящик. И только затем опустился на «кресло».

Учитывая, что одет он был в бежевые брюки и футболку-поло цвета «море» действия его были оправданы. Океан вообще выглядел так, словно только что вернулся с курорта: свежий, ясный, загорелый. Густые, некогда темно-русые волосы, подстриженные по последней моде, выгорели и приобрели оттенок белого золота, что так гармонировало с цветом глаз; одежда подчеркивала естественный загар. Не оставалось никаких сомнений, где он прибывал последние годы.

Обалдевший Дей открыл было рот, очевидно, чтоб поставить наглеца на место, но Кас его опередил.

– Зато я не педик. То, что тебе необходимо сменить имидж понятно даже мне с моим отсутствием вкуса. Ты позоришь расу *ferus*.

Океан улыбнулся.

– Представь себе, я тоже. Не педик. И об этом с удовольствием расскажут прекрасные девушки Майорки. Майорка! – спохватился Океан. – Знали бы вы насколько там восхитительно. Не понимаю, зачем я покинул это божественное место...

– Действительно, – поддакнул Кас. – Следовало остаться там.

– Думаю, с тебя достаточно. Взгляни на свою кожу, – посоветовал Дей, сумевший пережить невосполнимую потерю.

– Кожа... – задумался Океан. – Кожа, кожа. Ах да! Отгадайте, кого я встретил? Рагнара! Мы с ним мило побеседовали. Ну, вы понимаете: мило в той степени, в которой вообще возможна с ним беседа.

– Как он? – спросил Александр.

– Послал тебя к черту, – ответил Океан. – Нет, вы только подумайте: Рагнар да на Майорке. Что он там, спрашивается, забыл?

– Ты не подумал спросить об этом Рагнара? – полюбопытствовал Кас. Океан на вопрос не ответил. Он продолжал:

– Боюсь, его мертвецкой коже и кирпичному лицу ничего уже не поможет. Даже солнечные ванны. А седые волосы не осилит и лучшая краска. – Он помолчал. – Я естественно ему об этом не сказал. Вы же понимаете.

Александр улыбнулся. В этом был весь Океан: легкомыслие и ум – два в одном. Однако врагам их забывать не следовало, что в первую очередь Океан был *ferus*, а значит, умел оборачиваться ко всем совсем другой своей стороной.

– Он вовсе не седой, – возразил ему Дей.

– Я не знаю, как называется столь чудесный оттенок волос, но они явно лишены признаков жизни.

Даже Дей не стал с ним спорить, поскольку понимал – бесполезно.

Александр приблизился к гостю.

– Я рад, что ты приехал. Ты ведь понимаешь, что это... надолго? – Ему хотелось сказать «навсегда», что их дружба не подвергнется более испытаниям, но не получилось. Пока не получилось.

Океан внимательно на него взглянул. Умные, выразительные глаза блеснули пониманием.

– Оо, не расстраивай меня, дружище, – протянул Океан. – Я знаю, что застрял в этом мраке надолго, но не обязательно мне об этом напоминать.

Его болтовня не произвел на Александра ровным счетом никакого впечатления. Океан был неглуп и все отлично понимал.

– Ты хотя бы представляешь, Сани, как долго я сюда добирался? – Александр стиснул челюсти. Он ненавидел, когда его называли Сани, и Океан был прекрасно об этом осведомлен. Конечно, ведь раньше он называл так Александра с завидным постоянством. Однако прозвище, закрепившееся за ним еще многие столетия назад, продолжало портить Александру жизнь даже сейчас.

– Учитывая, когда я с тобой связался, – процедил Александр, – порядка двух недель назад, то добирался ты *очень* долго.

Видимо, о былых его комплексах и страданиях вспомнили все, так как на лицах присутствующих появились улыбки.

– Так, на чем мы остановились, – сказал Александр, желая прекратить веселье.

– На том, что вам следовало оплатить мой перелет. Возможно, тогда я добрался бы быстрее. – Океан деловито закинул ногу на ногу.

– Двух недель тебе, по-видимому, недостаточно, чтобы решить свои финансовые проблемы? Несуществующие финансовые проблемы? – Во взгляде Дея читался скептицизм. – Ты где находился? В Зимбабве?

– Я же сказал: на Майорке. Это один из Балеарских островов, расположенных в Средиземном море. Короче, для тебя Испания.

– Я знаю, где находится Майорка, – ответил Дей не столь дружелюбно, как мог бы. – Лишь хотел уточнить, на какой *недалекой* части света ты побывал, чтобы так долго добираться.

– Европа.

– Прекратили. Географией займетесь позже. – Александр посмотрел на каждого. – Или лучше изучите географию Радлеса и подыщите себе пристанища, если до сих пор этого не сделали. – Совет адресовался в первую очередь Океану, поскольку остальные, как полагал Александр, этим вопросом уже озаботились. – И не стоитшний раз светиться перед догмарами, за нами могут присматривать.

– Что?! – воскликнул Океан и вскочил с насиженного места. – Я что еще должен искать ночлежку? Я покидаю свою солнечную постель и меняю ее... на что?

– На наше общество, – улыбнулся Кас.

– Кто хочет приютить давнего друга? – Проблемы нужно решать незамедлительно.

Повисла тишина.

– Прости, Океан, – сказал Александр. – Придется поднапрячься тебе самому, если не хочешь остаться на ночь на улице.

А ему следовало уходить. Настало время заняться делами.

Александр, было, направился к выходу.

– А где живешь ты? – спросил Океан, тем самым его останавливая.

Хороший вопрос: где он живет?

И такой же «хороший» ответ: так же скитается по ночлежкам, не решаясь вернуться в родную обитель. Но это временно. Теперь уже точно. Пора очищать застарелые ячейки памяти.

– Скоро вернусь домой. – Александр посмотрел на Океана, затем на остальных парней, внимательно за ним наблюдавших. А после прошел к проржавевшей двери и все же скрылся на улицах Радлеса.

Глава 6

Нелли была спокойна – убийственно спокойна. Нелли ходила от столика к столику, обслуживала дневных посетителей, и нисколько не волновалась о том, что напоролась на те же грабли: Нелли снова подглядела лишнего.

Гром не бьет в одно место дважды.

Бьет. Карма ее не щадила. А значит, в скором времени наступит последствия. Но думать об этом она не будет. Нелли приняла очень важное для себя решение, о котором еще вчера не могла бы даже подумать. Нелли решила найти в себе силы и перестать бояться. Да, перестать бояться. Перестать убегать от сложностей, перестать убегать от проблем. И поняла это Нелли нынешней ночью, вернувшись домой после сумасшедшего приключения.

Как иронично это звучало – «домой». Но именно облик дома, чахлого и неустроенного, стал последней каплей в чаше терпения.

Влетев в такси, что поймала на «границе», ни о чем другом Нелли думать не могла, кроме как о том, что осталась жива. Ей снова удалось убежать, ей снова посчастливилось выбраться живой и невредимой из очередной передрыги. Кто бы ее не берег, спасибо ему за это большое.

Всю ночь она не сомкнула глаз: Нелли думала, переосмысляла, понимала. И поняла. Понимать начала давно, однако теперь из глубин подсознания мысли выбрались, нет, вырвались наружу и вступили с ней в рациональный диалог. И для того, чтоб диалог произошел, нужен был такой вот ощутимый толчок, контрольный выстрел, который произошел.

И мораль сей басни была такова, что нельзя было больше бояться.

На протяжении четырех напряженных месяцев страх являлся постоянным ее спутником и диктовал ей свои условия – с этим необходимо было бороться. Если не сделает этого сейчас, это липкое, вязкое создание подчинит волю Нелли полностью, что отразится на дальнейшей жизни, а Нелли этого не хотела. Пора возвращать себе контроль над судьбой и выходить из роли жертвы. Да, то, что с ней произошло, было страшно, ужасно и несправедливо, но до каких пор она будет прятаться? Нелли представила, как убегает так год... второй, третий, пятый...

Нелли всю передернуло.

Нет, она так не могла. Все лучше, чем подобное существование. А потому Нелли очень хотела, чтоб ее преследователь был... неужели убит?

Нет-нет, она не была плохим человеком и понимала, что уповать на такое грешно, но ведь он сам был человеком дурным, да и человеком ли, когда пули таких как он не брали? А так он не сможет сообщить своим друзьям о том, что Нелли прибывала в Радлесе. Ей не придется снова убегать! Не придется, если в городе он был один.

Господи, что за невероятные совпадения. А если не один? А если здесь и другие, заметившие ее в тот вечер?

Но наверняка он остался жив: рядовая уличная потасовка, как Нелли знала, стандартная для Мертвой зоны. Хотя настолько профессиональной драки Нелли еще не видела. Мужчины нападали один на другого, но незнакомец, внезапно явившийся ее спасителем, явно доминировал. В какой-то момент он вывернул руку соперника, а затем размазал его по стене – мгновенно хлынула кровь, и Нелли поняла, что пора ускоряться в своих жалких ползках по земле. Она не хотела стать следующей жертвой.

И теперь единственное на что она надеялась, так это на то, что не привлекла внимание незнакомца. На то, что, как и те, трое ненормальных, он не воспринял ее нежелательным свидетелем, поскольку и пугал он больше остальных. Если с преследователями все было более-менее понятно – они хотели ее убить, страшно и жестоко, причинив как можно больше боли, то с незнакомцем... он был другим. Отличался как габаритами, не по-человечески крепкими,

тренированными и развитыми, так и повадками, какими-то звериными. В нем чувствовалась воля, в нем был напор, а таких следовало бояться.

Нелли встрепенулась.

Бояться, может, и следовало, а вот думать о них не обязательно. Тем более, когда мысли мешают работе.

Нелли взяла поднос и отправилась относить заказ: пиво и горячие креветки для влюбленной парочки за столиком шесть.

Про любовь ей мечтать не приходилось. На любовь ей никогда не хватало времени: хотелось успеха, хотелось карьеры. Даже тогда, когда на горизонте появлялся заинтересованный в ней мужчина, дальше пары свиданий дело не заходило. Нелли обрывала отношения на корню.

Какой же глупой она была. Сейчас ей не помешала бы поддержка любимого человека. Вот только поезд давно ушел. Теперь уже поздно, какая любовь? Как-то не хотелось во время встреч сидеть и размышлять о страданиях партнера: «А что, если они ворвутся к ним прямо сейчас? Что я буду делать? Схвачусь за нож, с которым обращаюсь как стопроцентный дилетант? Или прикроюсь своим мужчиной и тем самым поставлю его под удар?».

Она не хотела такого будущего.

– Нелли! – Нелли вскинула голову. – Ты что, заснула? – Перед ней возвышался Дмитрий, и Дмитрий был возмущен. – Заказ для третьего столика. Отнеси. И очнись уже. Ты мне больше нравилась, когда бегала словно ошпаренная.

Надо же, а она ему нравилась.

Нелли пошла относить заказ, состоящий из стакана сока и фруктового салата. Когда вернулась, Дмитрия не увидела. Должно быть, бармен на время отошел. Основной поток посетителей прибывал только ближе к вечеру, поэтому днем была возможность элементарно съесть бутерброд.

Нелли осмотрелась и увидела Дмитрия вовсе не обедающим, а разговаривающим с Зойлом возле входа в кабинет последнего. Дмитрий знаком показал ей справляться самой, благо опыт она приобрела, так что при необходимости могла побыть и барменом.

«Как скажешь», – подумала Нелли и прошла за стойку выполнять заказ. Нелли наклонилась за пакетом фисташек, даже схватила пеструю упаковку, когда по телу прошел озноб. Что-то было не так.

Нелли выглянула осторожно из-за стойки и тут же опустила ее обратно.

Ну, почему ей так не везет? Ну, вот когда она стала магнитом, притягивающим всевозможные несчастья?

Сердце неслось галопом, и Нелли поняла: жизнь, действительно, подобна зебре, вот только зебра Нелли какая-то странная, состоящая только из черных и чернейших полос. А вот просвета в виде белых пятен не наблюдалось. Их нет, и уже не будет. Поскольку у входа стоял мужчина и сканировал зал взглядом «серийника».

В поисках Нелли.

***

Она была здесь. Александр обонял знакомый женский запах.

Отчего-то по телу прошли мурашки, но он отмахнулся: кондиционер.

Александр был удивлен. Что она делала в этом баре? Отщепенка. Из Мертвой зоны. И в культурном питейном заведении.

Александр мысленно улыбнулся: «культурное питейное заведение» звучало сильно.

Александр прошел вперед, не переставая осматриваться. Приятное место, уютное. Во вкусе работяг из офисного планктона, что после работы спешат домой, но на пару рюмок заглядывают в бар. Вот в этот самый.

Женщины видно не было, однако в зале она была.

Взгляд устремился к барной стойке, что растянулась по правую руку.

А счастье было очень близко. Для кого-то. Вот и попалась.

За стойкой никого видно не было, но женщина определенно находилась за ней: он слышал биение сердца, осязал кожей токи чужого волнения.

Александр улыбнулся. А вот и страх. Вчера она была им просто переполнена. Сегодня он также ощущал тревогу, но то была не паника, парализующее тело. В любом случае, состояние – крайне нестабильное.

Александр нацелился на бар, однако, не сделав и двух шагов, остановился. В этот момент к бару подошла миловидная блондинка с короткой косичкой и поставила поднос на стойку. Девушка огляделась – никого не нашла: пожав тонкими плечами, она обогнула деревянную поверхность и зашла за стойку сама. И «споткнулась» о некое препятствие.

– Нелли? – удивилась девушка. – Что ты... что ты здесь делаешь?

Да, *Нелли*, что ты там делаешь? И вообще, что ты делаешь в этом баре? Или, может, что ты делала в Мертвой зоне?

Официантка мало что понимала. Александр рассказал бы ей, что к чему, но не станет, пускай не понимает. Пускай продолжает вопросительно смотреть и задаваться вопросом, что же там с Нелли. Александру забавно было думать, что подруга ее, конспираторша, любящая слоняться, где не следует, а позже прячущаяся за стойками бара, усердно и с чувством машет руками и гонит блондинку прочь.

Блондинка, по-видимому, догадалась о чем-то, поскольку оторвала глаза от пола и неуверенно стала отходить. Затем внезапно вернулась, и, схватив из стоечных полок две бутылки пива, скрылась окончательно. Но напоследок вновь посмотрела туда, где, видно, с концами обосновалась подруга.

Значит, выгнала. Отлично.

Александр направился к Нелли. Пора было с ней познакомиться.

Он остановился у стойки и собрался окликнуть женщину. Что же ему сказать?

«Нелли, выходи, я не причиню тебе зла?»

«Нелли, выходи, я лишь полазаю в твоей голове?»

«Вылезай, мы только поговорим?»

Это все версии из садистских фильмов. Александр не хотел ее напугать. По крайней мере, больше, чем она была напугана.

Однако совершенно для него неожиданно Нелли сама, без стороннего влияния, выбралась из своего укрытия и предстала перед его ясным взором. Предстала и, совсем не смущаясь, устремила на него испытующий взгляд.

Вот это было смело. Девчонка бросала Александру вызов. И Александру хотелось его принять. Женские глаза смотрели воинственно, и это взволновало Александра больше, чем ему хотелось признать. От страха не осталось и следа, по крайней мере, внешнего.

– Что будете заказывать? – спросила женщина, словами не выражая никаких эмоций.

Что он будет заказывать... Она понимает, почему он здесь, или же не понимает? Игра на публику, подкос под дурочку? Александр пытался ее прочитать.

– Виски, – ответил Александр, тем самым решив девчонке подыграть. Он не откажет себе в таком удовольствии.

– Кончился, – сказала женщина. Голубые глаза смотрели пристально. В них читался ум, читалась пронизательность. Она, определенно, все понимала, иначе, отчего так себя вела?

А вот бутылка виски на витрине стояла.

– Тогда пива.

– Какого?

– Любого.

– Любого нет, есть только конкретное. Какое дать?

Он прочистил горло.

– Значит, «конкретного». И чем конкретнее оно будет, тем лучше.

Что за фарс. Какой-то цирк. Он действительно в этом участвует?

По-видимому, да. Тогда как женщина стояла, как и прежде серьезная, с непроницаемым выражением лица.

– Я поищу.

Поискала. Поставила бутылку за три копейки, содержимое которой он и собаке своей не налил бы. Если бы собака у него была.

– Всего доброго, – сказала женщина и хотела от него отвернуться, но Александр удержал ее за запястье.

– Мне хотелось бы с вами поговорить. – По телу снова прошли мурашки, едва не заставившие выпустить запястье. На что он лишь крепче стиснул руку.

Женщина глядела на него как на полоумного. Она сама выглядела как полоумная: глаза-орбиты, учащенное дыхание. Вернулся страх, сковала паника.

– Наедине, – добавил Александр, не обрывая повелительного взгляда. Ему не хотелось ее пугать, ему не выгодно было ее пугать, но, что он мог поделать, если так воздействовал на слабых, ранимых людей? Очевидно, действительно видевших то, чего не должны были видеть. Ее поведение это подтверждало.

Первоначальный шок постепенно прошел, и женщина попыталась вырвать руку. Александр выпустил. Далось не просто, но давить было противопоказано.

– Простите, – сказала женщина уже без былой уверенности в голосе, – нам запрещено общаться с клиентами.

– Ненадолго. На пару слов. Можем поговорить у меня в машине.

Ох, зря он это сказал.

«Я похожа на дуру?» – спрашивали глаза, постепенно возвращая дьявольское свечение.

Нет, на дуру она не похожа, да и машины у Александра здесь не было. Ему только требовалось вывести ее наружу.

– Простите, мне нужно работать.

– Какие-то проблемы? – услышал Александр мужской напряженный голос.

Неподалеку стоял мужчина, одетый в джинсы и белую рубашку. На вид – чуть больше пятидесяти, в темных волосах блестела седина. Но, невзирая на возраст близкий к критическому, он излучал столь редкую человеческую силу.

Несмотря на то, что Александр клиент, – а, как известно, клиент всегда прав, – обращался он вовсе не к нему – проблемы Александра его не волновали. Мужчина обращался к Нелли, поскольку, несомненно, ей симпатизировал.

Отец?

Александр не чувствовал кровной связи. А значит, друг или хороший знакомый.

Женщина долго ему не отвечала и не сводила с Александра глаз. Но потом сказала:

– Нет, мужчина уже уходит. К сожалению, ему не понравился наш ассортимент.

Ассортимент ему как раз-таки понравился.

– Не совсем так, – возразил Александр, начиная снова разглядывать женщину. – Кое-что по вкусу мне пришлось. Но, к сожалению, не сегодня. В следующий раз. – Александр встал с барного стула. Многозначительно посмотрел на Нелли, бросил взгляд на заинтересовавшего его мужчину, и неторопливо направился к выходу.

Ну что же, в следующий раз, так в следующий раз. Который наступит совсем уже скоро.

***

Нелли наблюдала за высоким незнакомцем, пока за ним не закрылась дверь. Только тогда она смогла расслабиться: Нелли выдохнула из себя напряжение и настороженно посмотрела на Зойла.

Нелли ожидала потока вопросов, которые он захотел бы ей задать, и на которые она не знала, как отвечать, однако Зойл на нее не смотрел. Он провожал глазами незнакомца, но в отличие от Нелли, от незнакомца оторвавшейся, как только он исчез с пределов ее видимости, Зойл продолжал смотреть на двери, словно видел мужчину сквозь них. А затем проговорил:

– Держись от него подальше.

Мягко говоря, Нелли удивилась.

– Ты меня поняла? – спросил Зойл резко и обернулся к ней лицом.

Нелли смогла только кивнуть, но, Слава Богу, этого хватило: развивать беседу Зойл не стал. Он скрылся в просторах зала.

Закончив работу в три часа ночи, поскольку трудилась сегодня в две полных смены, Нелли с облегчением ушла переодеваться – пора возвращаться домой. Пора снять жуткий минифартук (который совершенно ей не нравился) и развалиться на жесткой кровати.

И Нелли снова подумала о том, что с большим удовольствием переночевала бы в баре. И вовсе не кровать смущала Нелли. Она готова была спать на стуле, что стоял у них в раздевалке, но только бы не выходить в пугающую ночь. В ночь, где обитали призраки.

Однако выбора у Нелли не было, просить у Зойла, оставить ее в баре, было не серьезно, да и подозрительно. К тому же Нелли уже решила, что страх и трусость – это не выход. Это дорога в психиатрическое будущее. Да и проблема вдруг разрешилась сама.

В обычные дни двери «Красной метки» закрывал хозяин бара Зойл, но в случае возникновения неотложных дел, эта обязанность перекладывалась на Дмитрия, как на сотрудника, которому Зойл доверял как себе. Поэтому, как только стрелки часов оказались на трех и за двенадцатью соответственно, Нелли с Ликерией покинули бар, оставив Дмитрия разбираться со всем остальным – на улице их дожидался Зойл.

Неизвестно зачем, но Зойл предложил проводить их домой. Предложение удивило – ничего подобного он раньше не делал, – однако отказываться они не стали.

Дом Ликерии располагался рядом с домом Нелли, поэтому с работы они уходили вдвоем. Вообще-то это Ликерия ей и посоветовала обратить внимание на ее новое жилье, как на наиболее бюджетное, и спасибо ей за это большое. Иначе Нелли спала бы на улице, поскольку давно бы разорилась на гостинице, какой бы дешевой она не была. К тому же до бара – подать рукой: пятнадцать минут пешком, и Нелли оказывалась в «Красной метке» без утомительной тряски в общественном транспорте. Но если днем пешая прогулка виделась как что-то правильное и оздоровительно-полезное, то по ночам предполагала опасности. Поэтому предложение Зойла явилось кстати.

Первую половину пути никто не проронил ни слова: Зойл их словно не замечал, а Ликерия, как всегда, молчала. Глядя на безмятежное выражение лица напарницы, оставалось только догадываться, о чем она размышляла.

Сама Нелли постоянно оглядывалась, поскольку ждала очередного подвоха. Незнакомец все-таки явился, и явился, очевидно, не кофе выпить. Поэтому вряд ли так просто отступит. А еще есть те, «хронические» преследователи, которые шли за ней из самого Салехарда. Как здесь можно расслабиться? Вот и казалось, что за каждым столбом стоит кто-то злой, большой и мускулистый...

Стоило признать, что незнакомец произвел на нее впечатление. Она не могла сказать, что хорошее, но и отторжения, как те другие не вызывал.

Сегодня она его рассмотрела и рассмотрела вплоть до единой мимической морщины. Если прошлым вечером, под покровом темени, она разглядела только габариты – очень высок,

широкоплеч и мускулист – то сегодня уловила детали: высокие скулы, впалые щеки, оливкового цвета кожа. Но самыми запоминающимися были глаза: такие зеленые, такие насыщенные, они поневоле побуждали отступить: отвести взгляд в сторону, сомкнуть крепче веки. Нелли не раз за собой замечала, что ей хотелось опустить глаза, и лишь невероятными усилиями заставляла себя продолжать на него смотреть. Так же, как смотрели на нее – сильно.

Нелли повела плечами. От этого взгляда ее до сих пор бросало в дрожь.

– Нелли, так от кого ты пряталась за стойкой?

Нелли непонимающе посмотрела на Лику.

– По твоим жестикуляциям я ничего не поняла. Сегодня. Ты сидела на полу.

Нелли едва не споткнулась, вопрос застал ее врасплох. И что ей, спрашивается, отвечать?

– Я отдыхала... Да. И не хотела, чтобы Дмитрий меня заметил. Ты же знаешь, он не любит лентяев. Прости, Зойл, такого больше не повторится.

Зойл отвечать не торопился. Только смотрел на нее как-то неправильно.

– То есть от Дмитрия, нашего бармена, ты пряталась за барной стойкой? – Лика смотрела на нее... ну как на странную.

Нелли поняла, что сморозила глупость. Однако назад дороги не было.

– Ну да. – А что еще сказать?

– Это как-то связано с тем сомнительным типом, который приходил сегодня днем? – Вот и Зойл о себе напомнил.

– С каким типом? Их было много сегодня...

– Прекрати, Нелли, ты знаешь, о ком я говорю.

Нелли вздохнула.

– Может быть, – ответила уклончиво.

– Что это должно значить?

– Ничего.

– Нелли...

– Прости, Зойл, и пойми меня правильно: я не хочу тебя обижать, но мои личные дела никого не касаются. – Грубить Нелли не хотела, тем более Зойл ей очень нравился. Однако развивать эту тему было опасно. К тому же, несмотря на благодарность Зойлу за то, что он предоставил ей работу, они оставались друг другу совершенно чужими людьми.

Зойл долго на нее смотрел, однако ответа так и не последовало. Зойл отвернулся.

Дальше снова шли в тишине, вот только в мыслях Нелли тишина отсутствовала. Может, все же стоит поделиться своей тайной? С тем же Зойлом. Он прекрасно к ней относился, дал работу, можно сказать, приютил. По всей видимости, он хороший человек, и с ним можно облегчить душу. Вот только как объяснить, что видела? Зойл сочтет ее сумасшедшей. Нелли даже в полицию с этим не обращалась. Вернее, сразу после случившегося она побежала именно туда и даже в здание вошла, а затем...

А затем внезапно остановилась, поскольку осознала чудовищность ситуации. Она собиралась рассказать им о бессмертном? О «неубиваемом», бессмертном человеке? И что бы ей на это ответили? «Что и когда вы принимали?» У Нины, внештатного редактора, заявление брать отказывались, хотя муж отсутствовал третьи сутки, и на связь никак не выходил. А тут сверхсоздание какое-то! Но ведь ей не привиделось, не привиделось, нет! Нелли знала: она не сумасшедшая.

На этом история с полицией закончилась. Нелли развернулась и ушла. И до сих пор не понимала, правильно ли тогда поступила, не сказав полицейским ни слова...

Первой до дома дошла Ликерия. Серая невзрачная пятиэтажка. Примерно в такой же проживала Нелли, разве что фасад разукрашивали цветные полосы.

Ликерия попрощалась с Зойлом, махнула Нелли и ушла в свое одиночество – как знала Нелли, жила она одна. И вообще была сиротой, по крайней мере, об этом шушукались офици-

антки. Нелли в плане семьи повезло, у нее были любящие, заботливые родители. Вот только покинули ее преждевременно. Ей было восемь, когда не стало папы – убило током, когда чинили проводку, и девятнадцать, когда заболела мама. Поэтому напарницу Нелли понимала, пускай их жизни существенно различались. Возможно, по причине нелегкого детства, Ликерия и была несколько отстраненной: держалась обособленно, ни с кем не общалась и частенько уходила в себя.

Пронаблюдав за тем, как Ликерия скрылась за сколоченной из дощечек дверью, Нелли с Зойлом направились дальше.

Когда дошли до нужной пятиэтажки, Зойл остановился, осмотрел ее дом...

– Нелли, – обратился к ней Зойл, – запомни, пожалуйста: если ты захочешь со мной поговорить, чем-то поделиться или просто высказаться, ты должна знать – я тебе не откажу. Я тебя выслушаю и помогу чем смогу. Понимаешь? – спросил под конец, стараясь не терять с ней визуального контакта.

Нелли только кивнула. Это все, что она могла. Однако как же хотелось высказаться! Поделиться бедами, своими переживаниями. Но если Нелли сейчас заговорит, была уверена, уже не остановится и выложит все, что только могла. Она не сдержится и перескажет свою жизнь: последние месяцы, до мельчайших подробностей. А откровенность была чревата, и в первую очередь для Зойла.

– Поговорить обо всем, – добавил Зойл. – Даже о том, чего, по твоему мнению, я могу не понять.

Нелли едва не закричала. Может, стоит попробовать? Возможно, Зойл поймет?

Зойл проследил за ее внутренней борьбой еще некоторое время, но, видно, решив, что на сегодня хватит, попрощался и пошел обратно в направлении покинутого бара.

Нелли смотрела мужчине вслед. Ей так хотелось, чтоб ее выслушали, так хотелось, чтобы поняли. И, наконец, посоветовали, что нужно делать: как ей следовало жить теперь?

Нелли собралась окликнуть Зойла.

– Я бы не советовал этого делать.

Нелли тяжело сглотнула. Какой знакомый бесстрастный голос.

Она зажмурилась, горько усмехнулась. Может, ей предназначено погибнуть от рук убийцы? Быть может, бежит она от неизбежного?

По щеке покатила слеза. Ей не дано даже такой малости, как откровенный, душевный разговор.

Она ощутила мужчину за спиной, он стоял практически вплотную.

Нелли устала. Как же она устала. У нее не осталось сил на сопротивление. Следовало покончить с этим поскорее.

Нелли медленно обернулась. И увидела два серебристых огонька, в переливах зеленой ртути.

Глава 7

Ночь была тихой, вокруг ни единой души. Город спал, очистив улицы от дневной шумихи. Перед глазами тянулась дорога, освещенная рядом пронзительных фонарей. Слева – уютный ресторанчик, супермаркет и книжный магазин. Справа – здание банка и местное отделение почты. А уже за ними, где-то в пространстве расползлись невидимые жилые дома.

Местное социальное великолепие, которое Зойла интересовало мало. То, что его интересовало, так это дальняя вывеска, сияющая красным, зовущая к себе...

Он шел на нее как на маяк. Все это время нескончаемым потоком в голове перекликались мысли. Достаточно странные мысли, следует заметить, способные удивить безумным направлением. И главным образом они касались Нелли.

Ситуация была запутанной. Зойл не понимал, почему о ней беспокоится, учитывая, что знакомы они всего ничего – чуть больше пары недель. Однако за это время он успел к ней привязаться, и даже больше, чем того хотел. Что же в ней было особенного? Трудолюбива, ответственна, исполнительна. В ней чувствовался возвращенный профессионализм. Однако таких было миллион. Может, дело в том, что была неглупой собеседницей? Интересной, не лишеной смекалки? В тот единственный раз, когда они разговорились, он не мог не отметить ее острый ум, начитанность, внимательность, образованность. И это не могло не породить в нем сомнений. Почему неглупая девушка, по всей видимости, из хорошей, благополучной семьи, протирала у него столы?

В том, что Нелли попала в неприятности, Зойл не сомневался. У нее определенно имелись секреты, и Дмитрий был прав – ему хотелось их разгадать. Но как это сделать, он пока не знал.

Однако правдой было и то, что Нелли ему нравилась: нравилась, как человек. Несмотря на подозрительно-непрезентабельный вид, в коем она предстала перед ним в первую встречу, Зойл увидел в ней и другое: усталый взгляд, выражавший мольбу, надежду и некую растерянность. На преступницу она похожа не была, и ей, несомненно, требовалась помощь. И Зойл эту помощь оказал, хотя благоразумнее было отказать.

А нынешним утром, увидев Нелли рядом с этим «темным», подозрительным типом, картина начала вырисовываться. Если раньше в качестве теорий Зойл выдвигал «бытовые» версии проблем, что привели Нелли в Радлес – убежала от мужа-тирана, насолела бывшему парню, – то теперь отверг их все. Поскольку сейчас он свято полагал, что дело было в проблемах не обыденно-реалистичных, а, скажем так, сверхъестественных...

Зойл был уверен, что уже видел этого мужчину. Ни в соседнем магазине, ни в антикварной лавке, ни в гостях у друзей и знакомых, где зачастую мелькало множество лиц. Да и видел далеко не вчера – это было очень и очень давно, во времена его бурной молодости. Молодости, которая проходила в северной части Радлеса.

Отец его был дальнобойщиком и месяцами не появлялся дома, а позже и вовсе исчез в небытие. Жили они вместе с матерью, и вели очень скромное существование. Поэтому днем он захаживал в школу, а вечерами подрабатывал в магазине, где выполнял практически всю работу: разносил товары, следил за витриной, даже за кассой стоял – без проблем.

Время близилось к полуночи, когда после очередного рабочего дня он возвращался домой. До его двора оставалось не больше сотни метров, когда он увидел три огромные фигуры, движущиеся ему навстречу. Байкеры? Наркоторговцы? Местная мафия? Подростком он был впечатлительным, потому немудрено, что разыгралось воображение.

Лишних неприятностей ему не требовалось – тех, что имелись в школе, хватало с лихвой, поэтому он свернул за ближайший угол и стал наблюдать.

Неизвестные шли прямо на него – он приготовился прятаться за баки, что стояли за его спиной, или вовсе бежать по узкой улице, тем самым удлинняя путь домой. Однако внезапно все переменялось.

Неизвестно откуда появились другие люди – Зойл того не понял, всего было не разглядеть. Пускай и мог наблюдать за происходящим, но находился все же далековато, потому детали столкновения остались неясны. Но что он заметил, так это то, что новоприбывшие были какие-то... яркие, незаурядные, они отличались от «местной мафии».

Ну, а потом развернулась бойня. Настоящая кровавая бойня, которая началась с эмоциональной перепалки, но переросла в непонятно что.

Нападавших было четверо, хотя кто нападал, а кто защищался он не разобрал. Там и нападали, и защищались одновременно.

В какое-то мгновение один из троицы с абсолютно белыми длинными волосами закричал: «Александр, сзади!». Другой из троицы развернулся и, молниеносно присев на корточки, атаковал нападавшего в живот. Что он сделал? Ударил? Пырнул ножом? Отверткой? Если отвертка и была, то появилась она из ниоткуда, словно выросла из самой руки. Затем неизвестный поднялся и, стоя к Зойлу спиной, распорол сопернику горло. Никакой отвертки у него не было.

Взгляд упал на Александра и застыл. Красные горящие точки, на том месте, где должны располагаться глаза, не заметить было невозможно. Да и вообще он словно светился: по мощному телу вместо вен проходили разряды молнии. Зойл охватил мужчину всего, с его неестественно огромными плечами, вдруг увеличившимся ростом... Да он же выглядел как монстр из книжек!

Зойл проморгался и взглянул на картину целиком – ему стало дурно.

На земле лежали трупы (два; остальные члены банды скрылись), ободранные, обглоданные, распаренные, и над ними возвышалась троица дьявольски нормальных, ужасающе человеческих мужчин.

Зойл вгляделся в Александра. Не может быть! Что за чертовщина? Он же видел монстра, настоящего монстра, он не мог ошибиться, как же так! А теперь никаких зверских лиц, красных глаз и абстрактных фигур. Только полуголые крепкие тела, с ключьями свисающей местами одежды...

Именно тогда он запечатлел лицо. Выразительные, мужественные черты, которые запомнил настолько хорошо, что помнил до сих пор.

Зойл прижался спиной к стене, к прохладному камню здания, и в таком положении стал отходить. Ну, а затем бросился бежать. Так быстро, как только мог.

О случившемся он никому не рассказывал, даже матери. Иначе получил бы втык за ночные «вороватые» похождения – так она говорила. Да и не был он уверен в том, что видел: разве могло такое произойти в действительности?

В течение следующих нескольких недель Зойл постоянно об этом думал. Все происходило очень быстро, Зойл не успевал уследить за конфликтующими. Это тогда ему казалось, что причина – не в лучшей видимости, однако позже начал сознавать, что дело было в скорости: нормальный человек, без странностей, просто не мог так быстро передвигаться.

Под сопровождение каждодневных долгих размышлений наступило время выпускных экзаменов, и под гнетом навалившихся будничных проблем яркость увиденного в памяти потускнела. А чуть позже они вместе с матерью переселились в южную половину Радлеса.

Зойл не сразу узнал Александра, когда увидел рядом с Нелли. Ведь сколько времени прошло – почти сорок лет. Но Александр совсем не изменился...

Чего он хотел от Нелли? А она сама – была ли с ним знакома? Судя по взгляду, на него направленному, будто пытавшемуся сжечь без спичек, знакома была и весьма хорошо. Вообще-

то после слов Лики о том, что Нелли пряталась от кого-то за стойкой, сомнений в знакомстве не осталось. Значит, это он был источником ее проблем?

Зойл не переставал задаваться вопросами.

И как он мог ей помочь?

Зойл посмотрел на часы – четыре пятнадцать утра. Рано. Или поздно. Кому как. Но ждать Зойл не мог. Артур его поймет.

Он набрал номер старого друга. Придется разбудить. Ничего, проспится. Будучи служителем правоохранительных органов, да к тому же полковником, друг к такому привык.

Артур поднял трубку на четвертом гудке.

– Алаев слушает, – прохрипели в трубку. Знакомый, только сонный голос.

– Здорово, дружище. Прости что так рано, но дело крайней важности.

– Что случилось? – услышал Зойл. Артур моментально собрался, что хрипоты как не бывало.

– У меня к тебе просьба. Весьма необычная. Есть ли возможность пробить человека, зная только лишь имя? Хотя я понимаю, что это невозможно, но, если мы составим фоторобот, ты ведь отыщешь мне его по базе?

– Он ранее задерживался? – поинтересовался Артур.

– Не знаю. Думаю, нет.

– Ты ведь понимаешь, что это будет непросто?

– Понимаю, но очень на тебя рассчитываю. Это очень важно. Поверь.

На другом конце тяжело вздохнули.

– Хорошо, я постараюсь помочь, но ничего не гарантирую, – сказал Артур, и следом послышался шорох – кажется, он поднял друга в прямом смысле. – Когда ты заедешь?

– Завтра. Уже сегодня, – поправился Зойл. – Чем раньше сделаем, тем лучше.

– Хорошо, буду ждать.

– Спасибо, Артур. В любом случае.

– Конечно. До встречи.

С этими словами Артур отключился. А Зойл подумал: что он будет делать, даже если узнает, кто такой Александр? Или *чем* он таким является?

***

Возможно, ей только показалось. Возможно, это очередная игра воображения, больного и злого, бурного и предательского, но его глаза кипели серебряной лавой.

Но вот перед ней мужчина с хищно-прищуренным светящимся взглядом, который в следующее мимолетное мгновение буквально гаснет.

Нелли моргнула. Точно – глаза зеленые. Она определенно сходила с ума.

Мужчина по-прежнему находился рядом и следил за ней внимательным взором, который невозможно было разгадать. Что он намерен делать?

Она постаралась полностью расслабиться и отдаться воле случая. Резервов никаких не осталось. Пускай будет то, что и должно, поскольку изменить она что-либо бессильна.

Горячие слезы потекли интенсивнее. Глаза мужчины сузились, в них появилось что-то непонятное.

Удивление?

Ей не верилось, должно быть, показалось. У убийц не бывает человеческих эмоций, с толку их тоже ничего не сбивает. Да и что его должно удивлять? То, что Нелли плачет? Но вроде как умирать в неполных двадцать восемь как-то грустно.

Тем временем незнакомец поднял руку и протянул к ее лицу. Первоначальной реакцией было отшатнуться, но вместо этого она закрыла глаза. Сейчас. Это произойдет сейчас. С ней

покончат прямо здесь, на этом тихом, безлюдном месте. Свернет ей шею или задушит? Нелли приготовилась к худшему, а худшим было все.

Однако ничего подобного не произошло. Вместо этого Нелли почувствовала грубую ладонь на своем лице. А большой шершавый палец медленно прошелся по мокрой щеке, касаясь подсыхающих слез.

Нелли перестала дышать. Она не понимала, что происходит, и это заставило ее распахнуть глаза.

То, что она увидела, ее оглушило. Во взгляде, обращенном на Нелли, читалась... Нет, это безумие. Но в его глазах читалась нежность. Самая настоящая. Настоящее не бывает.

Это было неожиданно. Это было до дрожи в коленях. Это сбивало с посмертной волны, заставляя распускаться слепую надежду. А это уже жестоко. Должно быть, так и поступают особо опасные, бесчувственные, бездушные убийцы.

Но Нелли все равно закрыла глаза и позволила себе отдаться необъяснимым ощущениям, к которым продолжал взывать незнакомец. Перед смертью можно дерзнуть и позволить себе даже такое.

Он действительно ее ласкал: гладил лицо, прошелся по шее. Затем очень мягко привлек к себе, едва заметно выдохнул – Нелли услышала. Она уже не стремилась ничего понимать, единственное, чего ей хотелось, чтобы приятные, волнующие прикосновения не прекращались.

Незнакомец взял ее лицо в ладони. Даже с закрытыми глазами она ощутила на себе его пристальный, убедительный взгляд. И глаза распахнулись сами: она не желала, но они открылись.

Он и вправду смотрел на нее, сосредоточенно и очень серьезно.

– Я постараюсь сделать все мягче, – в полголоса проговорил незнакомец.

Значит, умирать Нелли будет мягко. И странно ли – смерть не пугала. В таком расслабленном состоянии находилась Нелли.

Незнакомец продолжал впиваться взглядом, и, захоти вдруг от него оторваться, Нелли не смогла бы этого сделать. А она не хотела. Совсем не хотела, словно разум подчинило что-то. Что-то мощное. Что-то живое. Которое подобно запрещенному дурману обволакивало мысли Нелли, с единственной разницей – Нелли создавала что происходит. Потому уловила тот самый момент, когда его глаза загорелись снова. Но не резко, а постепенно...

...алое нечто, подобно ртути, расплзлось по радужке глаз, то покрывая радужку полностью, то «отступая», на местах «кучкуясь», тем самым открывая зеленые участки.

А затем в окружающем воздухе появились буквы: невесомые, словно бы призрачные, большие, средние, маленькие, одни мерцающие, другие темные, они кружились перед Нелли, будто стремясь на нее напасть.

Но не нападая.

Перед глазами плясала латиница: древние буквы складывались в слова, слова в словосочетания, словосочетания в фразы, но Нелли не удавалось их понять. У нее не получалось постичь их смысла, хотя несколько реплик на мертвой латыни Нелли сказать могла. А значит, понимать что-то должна была. Однако фразы, убегая поездом, не позволяли ей себя поймать, да и не хотелось ей этого делать, когда в голове нарастал некий шепот. Громче, громче, громче. Вроде бы шепот, но он усиливался, возрастал, становился отчетливей, пока Нелли, наконец, не поняла, что это те же латинские слова, только теперь произносимые вслух. Произносимые голосом незнакомца.

Нелли смотрела на мужчину, но он молчал. Тогда откуда доносилась речь? Интонации, с которыми Нелли успела ознакомиться при общении с ним в баре?

В этот момент появились знаки: неясные символы, круглые, квадратные, с прямыми линиями, с засечками, с дугами, знаки смешивались с плясавшими буквами, переливаясь призрачно-блестящими красками...

Однако дикость заключалась в том, что, несмотря на странности, с ней творящиеся, Нелли не боялась. При всем при том, что с ней происходило, она оставалась пугающе спокойной. То, чему Нелли стала свидетелем, происходило не случайно; то, чему Нелли стала свидетелем, имело цель, свою причину, но вот какую?

«Ты забудешь меня и не вспомнишь, – отразилось внезапно в сознании. – Забудешь встречу в баре, забудешь встречу в Мертвой зоне. Ты забудешь меня настоящего, истинного *belua ferus*...».

В мыслях все перемешалось, Нелли устала, захотелось спать. Она по-прежнему смотрела на мужчину, но он продолжал красноречиво молчать.

Его руки надавили на лицо. Стало больно, но было все равно. Голова разболелась и словно зачесалась: где-то там, глубоко внутри. Будто пауки разбрелись по коже. И этот гул, этот страшный гул...

«Ты забудешь драку с догмаром и никогда о ней не заговоришь. Ты забудешь ее. Как и меня».

И внезапно все прекратилось. Буквы исчезли, гул пропал, Нелли вернулась в яркую реальность из глухой, мертвой и бесцветной.

Незнакомец отстранился. В следующий миг он оказался еще дальше, на расстоянии нескольких метров. А затем и вовсе потерялся из виду.

Нелли выдохнула – она напряжена. Сильно болела голова. Вероятно, издержки рабочего дня. Бегать с подносом совсем нелегко, кто бы что не говорил. К вечеру ноги ломились.

Нелли огляделась: стоит у дома, а, между прочим, начинало светать. Да и прохладно. Чего ей не спится?

Нелли зашагала к подъезду. Она ощущала себя опустошенной и какой-то разбитой, абсолютно не собранной.

– Забудешь и никогда не вспомнишь...

Вот только Нелли ничего не забыла. Не забыла драку, не забыла встречу в баре, как не забыла и его самого...

...истинного *belua ferus*.

Глава 8

Ровно в восемь утра Зойл заходил в местное отделение полиции – приземистое бледно-желтое здание, которому не помешало бы обновить штукатурку.

Оказавшись в небольшом холле, он подошел к стеклянной перегородке, за которой сидел дежурный – молодой, несмышленный офицер, скучавший за разгадыванием кроссворда. Зойл отвлек его от важного дела и попросил сообщить полковнику о своем прибытии. Дежурный поднял взгляд, суетливо вскочил, но, осознав свою излишнюю эмоциональность, сел на место.

– Вы можете пройти, полковник ждет вас.

Значит, получил приказ незамедлительно пропустить к начальнику. Отлично.

В представлении Зойл не нуждался. В отделении его знали все, поскольку он нередко сюда заглядывал. Временами, имея собственное дело, было неплохо пообщаться с полицией: узнать о положении дел в Радлесе, пробить информацию на того или иного конкурента.

Зойл направился в кабинет друга.

С Артуром Зойл познакомился еще во времена службы в армии – они попали в один мотострелковый полк Сухопутных войск. С первого дня нашли общий язык, позже поняли, что придерживаются одинаковых жизненных взглядов, что и послужило хорошим фундаментом для нерушимой многолетней дружбы. Потому, прося Артура о помощи, Зойл не сомневался, что друг не откажет.

Зойл прошел по длинным коридорам с не включенными флуоресцентными лампами и остановился напротив двери – центральная в тупиковом конце. Для приличия хотел постучать, когда услышал:

– Войдите.

Зойл усмехнулся и распахнул дверь.

– По-прежнему видишь сквозь стены?

Артур сидел за столом. Услышав голос Зойла, он поднял взгляд и, улыбнувшись, отъехал назад на кресле.

– Таланту старость не помеха. – Артур указал на стул напротив себя, мол, садись.

Прикрыв за собой дверь, Зойл подошел и неспешно сел. Огляделся. Комната как комната: добротная, скромная, светлая – он бывал в ней сотню раз. У стен все так же стояли стеллажи, заставленные многочисленными цветными папками, на окнах висели голубые гардины. На высоких полках зеленели растения, на столе пылились семейные фотографии. И будут продолжать пылиться, пока однажды не явится Мария и не пройдет по ним волшебной тряпкой. «Сама поставила – сама убирай», – пошутил бы над женой Артур. Поскольку, действительно, все те мелочи, что создавали в кабинете комфорт, были делом рук госпожи Алаевой.

– Как поживаешь? – спросил Артур, привлекая к себе внимание. – В последнее время совсем не можем свидеться. Все дела, все какие-то заботы.

Зойл, соглашаясь, кивнул. Он был рад увидеть друга – дородного, но статного вояку с посеребренными, некогда темно-русыми висками.

– Хорошо поживаю. Не жалуюсь. Вижу, ты тоже не хвораешь. Отрадно.

Артур одобрительно улыбнулся, тогда как в глазах читался интерес к причине появления здесь Зойла. Несмотря на искреннюю заботу о друге, он опустил бы все формальности и скорее приступил к обсуждению.

Он и приступил.

– Так что тебя ко мне привело? Кого ты ищешь? – спросил Артур. Все же профессионализм взял свое. Артур не любил отвлекаться на второстепенное, предпочитая все личные, малозначимые разговоры оставлять на послерабочее время.

– Если б я знал... – ответил Зойл. – Вообще-то мне добавить нечего. Нужно найти человека. Узнать, кто он, чем занимается.

– Это мужчина? – спросил Артур.

– Мужчина.

– Не хочешь поделиться, зачем он тебе сдался? – В словах Артура звучало предупреждение: «Если ты задумал глупость...».

– Нет, – ответил Зойл. – Прости, но не могу.

И не знает, сможет ли.

Артур кивнул. Возможно, и хотел на него надавить, к чему приучила его профессия, однако решения друг друга они уважали, повелось так с давних пор.

– Тогда пойдем, обрисуешь своего субъекта.

Артур схватил темно-серый пиджак, который висел на спинке кресла, и повел Зойла в комнату, расположенную недалеко от кабинета.

Когда вошли, Зойл заметил светловолосого мужчину, сидевшего за одним из многочисленных столов, что стояли один подле другого. Мужчину он видел впервые.

– Познакомься, Зойл, это Стас, наш новый сотрудник. Опиши ему своего человека, он составит фоторобот. А я пока пойду. Ты же понимаешь – дела не ждут.

На этом Артур откланялся, а Зойл, поздоровавшись со Стасом, подошел к нему, сел за стол, на котором стояла пара компьютеров – их здесь было много – и начал в подробностях описывать Александра.

Удивительно, как же хорошо он его запомнил: форму лица, черты, фигуру. Невзирая на годы, прошедшие с тех пор, как он наблюдал кровавое месиво, облик Александра не потускнел в его памяти. Ни человеческий, ни животный.

Когда работа была закончена, Зойл направился в кабинет Артура – перед уходом следовало попрощаться.

Как и ранее Артур сидел за столом, только сейчас разговаривал по телефону.

Зойл прошел и присел на стул.

Спустя минуту друг повесил трубку и сразу же обратился к Зойлу:

– Закончили?

– Да, все прошло быстро. Проблем с описанием нет: я прекрасно знаю, как он выглядит. Теперь уже его спросили прямо:

– Ты ведь ни во что не впутался, правда? Зойл, если...

– Нет, Артур, все в порядке. Ты же меня знаешь: я не ищу себе неприятностей. Мне лишь нужно знать, кто он такой. Поэтому, пожалуйста, как только будут новости, сообщи мне. В любое время.

Артур был вынужден отступить.

– Хорошо. Сделаю все, что смогу.

Они попрощались, и Зойл ушел: покинул отделение, получив приглашение прийти на ужин в ближайшие выходные. Зойл согласился и поехал в бар. Предстояло еще одно сложное дело – нужно было поговорить с Нелли.

Когда он приехал, Нелли не встретил: ее смена начиналась в шесть, а значит, в запасе было немало времени, чтобы обдумать предстоящий разговор: как себя вести и что говорить. Ему нужна была от нее откровенность, поэтому она должна была ему довериться. Но как того добиться? Было очевидно, что Нелли не спешит раскрывать душу первому встречному. А он, как бы сильно не желал обратного, являлся для нее первым встречным. К тому же он не хотел ее спугнуть. Его настойчивость вкупе с осведомленностью не должны были сыграть против Зойла и заставить Нелли от него отгородиться. Уйти в себя, вызвать опасения. Тогда он точно ничего не добьется.

Перекинувшись парой фраз с Дмитрием, Зойл отправился в свой кабинет. Оказавшись в комнате кофейных оттенков, он уселся на любимый диван и откинулся на мягкую спинку.

Нелли, Нелли, Нелли. Почему же проблемы этой девушки так сильно его волновали? Почему он добровольно втягивался в эту непростую, подозрительную ситуацию?

И Зойл признал: все дело было в личном интересе. Вот так. Разумеется, Зойл желал помочь Нелли, однако узнать, что же видел тогда, когда был практически ребенком, хотелось не меньше, а, возможно, даже больше. Что за дьявольскую троицу он тогда наблюдал? Кем был Александр и как был связан с Нелли? А их противники, убитые ночью... Что им было нужно?

Зойл понял теперь всю степень своей заинтересованности в этом деле. Может, он и не думал о животных монстрах каждый день с той самой ночи, но где-то там, в отголосках подсознания никогда не переставало звучать: «Что же это было?». А значит, он признавал, что все случившееся тогда могло быть самым что ни на есть настоящим, не придуманным богатым воображением. И, вполне возможно, существовал человек, который разделял с ним эти убеждения.

Теперь он знал, что нужно делать. И знал, что нужно говорить. Он лишь надеялся, что его официантка не откажется с ним разговаривать.

Глава 9

Просто убийственные, дьявольские глаза. Нечеловеческие, скорее демонические. Они действительно пылали огнем?

Они действительно пылали огнем. Ярким, серебристым, даже многоцветным. Но разве такое возможно? Нелли окончательно и бесповоротно спятила. Конечно, спятила, определенно, когда ей мерещились летающие буквы. Так не бывает, это немыслимо. Буквы, складывающиеся в слова и проникающие в аморфный разум. Буквы с собственным голосом...

Стоило проснуться нынешним утром, как дикие образы затопили сознание. Она уже не верила в реальность случившегося, потому что такого быть не могло. Должно быть, приснилось. Конечно же, приснилось. В реальности не стали бы гипнотизировать огнем. В реальности не стали бы приказывать забыть! Он что, действительно, лишал воспоминаний? Вот так вот взял, сказал: «Забудь!», а Нелли взяла и вроде как забыла? И она должна была в это поверить?

Если ночью, придя в квартиру, Нелли обессиленная повалилась спать, что на раздумья сил не осталось, то солнечным утром, разомкнув глаза, бодрая Нелли не думать не могла. Взбудораженная Нелли анализировала все. Беспокойная Нелли сопоставляла детали и как итог поняла: заставлять себя верить в случившееся она не должна, так как уже верила, и верила давно. В чем бы не убеждала саму себя, какие бы доводы себе не приводила, она сознавала: февральская ночь, мерзлая и стылая, лишила ее всего – дома, работы, комфорта и превратила в маргинальное существо. Но помимо того, что ночь забрала, она и шторы с глаз припустила.

Убийство человека и побег из города стали для нее определяющими, поскольку раскрыли глаза на многое, на что те раньше раскрыться не могли – повода не было и причины. Нелли признала, что нечто необычное, не поддающееся логике и разуму в мире действительно существует, и отнекиваться от этого глупо. А учитывая последние безумные месяцы своей опасной и безрадостной жизни... да, знание этого еще и каралось.

Ну, почему всевозможным неприятностям было суждено обрушиться на Нелли? Почему на нее? Почему ни на кого другого? Ведь в мире столько злых людей!

– Нелли, я хочу с тобой поговорить.

Тарелки выскользнули из рук, что Нелли ахнуть не успела. Белые, чистые, новые: она как раз вынимала их из коробки.

Посуда разбилась, осколки разлетелись, а Нелли в испуге обернулась и увидела перед собою Зойла, взгляд которого выражал беспокойство.

– Зойл, – выдохнула Нелли.

– Ты в порядке? Прости, я не хотел тебя напугать. – Зойл приблизился и участливо дотронулся до ее плеча.

– Да... да, хорошо. Но не стоит так больше подкрадываться. – Сердце готовилось выпрыгнуть. Нелли посмотрела под ноги. – Прости, Зойл, я не хотела. Тарелки... я возьму...

Нелли присела на корточки и начала собирать осколки.

– Брось, Нелли, поднимись. – Зойл заставил ее подняться. – Это не делают голыми руками. И не нужно ничего возмещать, это я тебя напугал. Лучше пойдем, мне нужно с тобой поговорить. – Твердость, прозвучавшая в голосе, заставила Нелли насторожиться.

– Что-то случилось? Я что-то сделала не так? – Помимо того, что разбила тарелки.

– Ничего не случилось. Это личное.

Личное?

Нелли свела брови домиком. О чем таком личном хотел поговорить с ней Зойл?

– Ну, хорошо. Если это срочно...

– Срочно. Пойдем. – Зойл повел ее прочь из кладовки.

По дороге он попросил одного из рабочих прибрать разбитую посуду. Нелли виновато улыбнулась парню, и продолжила идти за мужчиной.

Несложно было догадаться, что они направлялись в его кабинет. Стоило переступить стальной порог, Зойл быстро прошел к столу, как решила Нелли, по привычке, потому что внезапно передумал и, остановившись, повернулся к ней – Нелли продолжала топтаться у входа.

– Садись, – приказал Зойл и указал на молочный диван, что стоял в стороне от Нелли. – Мне нужно кое-что с тобой обсудить, и будет лучше, если ты присядешь. – Зойл подошел и закрыл за ними дверь.

Нелли не понимала, что происходит, но решила последовать совету: она подошла, присела на краешек и стала ждать начала разговора.

Который все не начинался. Зойл молчал, что-то усердно обдумывая. Нелли нервничала и даже не догадывалась, что могло понадобиться от нее Зойлу. Потому, в стремлениях себя занять, дабы не предполагать чего плохого, что так и норовило пробраться в голову, стала осматривать недурной интерьер, что был построен на сочетании темных и светлых тонов. Здесь она была впервые.

Темные рамы окон и пол из темного дерева контрастировали со светлой обивкой мебели и бежевым ковром по центру. Светло-серые оштукатуренные стены были прекрасным фоном для живописи, которой, по всей видимости, увлекался Зойл – прямо за большим рабочим столом и на вид удобным коричневым креслом висела разноцветная абстрактная картина. В кабинете было светло. Свет был спрятан за матовым стеклом встроенного в потолок обширного светильника, который давал равномерное освещение всей комнате.

Было очевидно, что для заурядного владельца бара Зойл имел хорошие познания не только в ресторанном бизнесе, но и в других областях. Да и вкус имел неплохой.

Зойл присел на краешек стола и посмотрел на нее.

– Нелли, – заговорил он, – я знаю, что ты не теряла свои документы и в Радлесе оказалась неслучайно. – Начало разговора совсем не радовало, Нелли напряглась. Внешне она старалась не выказывать волнения, однако внутри нее все перевернулось.

Что он хочет сказать? Собирается выгнать? Вот сейчас, когда только начала налаживать свою жизнь?

– Ты здесь по иным причинам... по весьма необычным причинам. – Зойл не спускал с Нелли глаз. К чему он ведет? И откуда такая информация? Не мог же он знать... разумеется, нет.

Зойл вздохнул.

– Нелли, в жизни бывают моменты, когда рано или поздно приходится кому-то довериться. Хотя бы одному человеку, иначе невозможно. Вот и ты не должна держать в себе свои переживания. Этим ты вредишь только себе. – Зойл помолчал. – Тебе нужно ими с кем-то поделиться. Понимаешь, сейчас я хочу, чтобы ты доверилась мне.

– Я не совсем понимаю, чего ты от меня хочешь, я доверяю тебе в достаточной степени, – осторожно проговорила Нелли.

Зойл немного оживился. Может, следовало продолжать молчать?

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что в действительности заставило тебя убежать из дома.

Нелли пришла в замешательство. Она не сразу осознала услышанное, а как поняла, испытала страх.

Она вскочила и уставилась на Зойла: к такому разговору она готова не была.

– О чем ты говоришь? К чему клонишь? Почему ты решил, что я убежала из дома? И вообще, зачем ты вмешиваешься в мои дела? Если хочешь уволить меня – увольняй! Только не надо говорить глупостей!

– Нелли, пожалуйста, успокойся. – Зойл поднялся с места и потянулся к ней. – Я не говорю глупостей и, что бы ты ни думала, ни в чем тебя не обвиняю. Я всего лишь желаю помочь. Если расскажешь мне, что с тобой произошло и по-прежнему продолжает происходить, – красноречивой паузой он заострил на сказанном внимание, – мы вместе придумаем выход из того положения, в котором ты оказалась.

Нелли усмехнулась.

– И откуда такое благородство? Откуда такой альтруизм? Ты же меня совсем не знаешь. Ты же меня на улице подобрал! Чего тебе нужно, Зойл? Чего ты хочешь этим добиться?

Ею овладела паника. Нелли понимала, что эта паника подчиняет ее себе – контролирует действия, произносимые слова, однако поделаться с собой ничего не могла.

– Ничего подобного. Просто есть вещи, которые я могу делать и делаю для других. Сейчас я предлагаю помощь тебе, поскольку знаю: помощь тебе нужна.

– И с чего ты решил, что сможешь мне помочь? Зойл! – воскликнула Нелли. – Ты, конечно, непрост и, возможно, даже влиятелен, но отнюдь не всесилен! Не хочу тебя разочаровывать, но, боюсь, ты ничем мне не сможешь помочь. – Нелли направилась к выходу. – Поэтому оставь, пожалуйста, все как есть либо уволь меня. Третьего не дано.

Она взялась за ручку двери.

– Я знаю, что ты скрываешься от нечеловеческих существ, и что твой недавний посетитель один из них.

Нелли замерла. Что он только что сказал?

Она повернулась к Зойлу.

– Что ты сказал? – прошептала Нелли.

– Сказал, что знаю причину твоего беспокойства и желаю помочь, чем смогу. Хотя бы участием.

Руки упали по швам, к глазам подступили слезы. Блефует? Или действительно знает? Но как?

Нелли не верила. Не верила в то, что слышала. Неужели подобное несчастье постигло не ее одну? И что ей теперь делать? Довериться? Нелли очень этого хотела. Но действительно ли Зойл желал помочь? Просто так? Нелли слабо верила в человеческую бескорыстность. Да и как он собирается помогать? *Возможно ли* ей помочь?

К горлу подступил комок. Мучили сомнения, буквально раздирали, но Зойл был прав: ей нужна поддержка, просто необходима. Она не знала, сколько еще выдержит, прежде чем окончательно расклеится, сломается, сдастся.

И Нелли заплакала. Сил терпеть не осталось. Закрыв лицо ладонями, рыдала ни то от счастья и облегчения, ни то от страха и опасения, что этот разговор нереален. Может, Нелли все еще спит?

Практически сразу Нелли почувствовала сильные руки на своих плечах: ее аккуратно привлекли к себе и прижали к груди. Какой же жалкой, должно быть, она казалась. Однако совсем не сопротивлялась, молча поощряя происходящее: ей не хватало дружеских объятий еще задолго до побега из Салехарда.

– Я и не... не думала, что... от... от кого-то еще... услышу это, – запинаясь, проговорила Нелли. – Я думала, что схожу с... с ума...

Зойл ничего не говорил. Он только стоял и поглаживал по спине, предоставляя ей возможность высказаться.

– Они не уммируют. Невероятно. – Нелли шмыгнула носом. – А я... а я была журналистом, – после чего заплакала сильнее.

Они простояли так длительное время. Нелли хаотично, запинаясь и заикаясь, рассказала все, что с ней произошло. Зойл внимательно слушал.

– А однажды они меня чуть... чуть не поймали... Если бы я не увидела их раньше, чем они вошли в мой номер... – Нелли не договорила. Все и так было понятно.

Зойл повел ее к дивану. Нелли было все равно стоять или сидеть, главное, ей позволяли выговориться, что она с успехом и делала. Весь тот стресс, которому подвергалась в последние месяцы, все то нервное напряжение, что она испытывала изо дня в день, дали о себе знать. Вот она и очищалась от всего ненужного, восстанавливалась, и ей действительно становилось легче.

– Когда он дрался с ним, он был каким-то... не таким, – продолжала Нелли, слегка успокоившись и отстранившись от Зойла. – Я даже не знаю, как объяснить. Словно ему хотелось вырваться из своей одежды, выскочить из нее, но она его сдерживала.

Она рассказала Зойлу практически все и сейчас дошла до встречи с незнакомцем.

– Значит, поэтому он приходил в бар. Александр искал тебя, как я и предполагал.

– Александр, – задумчиво повторила Нелли, а затем удивленно воскликнула: – Александр? Его зовут Александр? Откуда тебе известно?

Зойл протер глаза и, глубоко вздыхая, провел руками по лицу.

– Я знаю, как его зовут, поскольку раньше уже встречал его.

– Что? – поразила Нелли. – Когда это произошло? Как? Я не понимаю.

Зойл посмотрел на Нелли.

– В конце семидесятых. Это случилось более тридцати лет назад.

Нелли не знала, что сказать. Чтобы понять это, достаточно было ощутить на себе ее глубоко-недоумевающий взгляд. Примерно такой реакции Зойл и ожидал. А как иначе: на старика Александр не тянул, вот и напрашивались соответствующие вопросы.

Нелли поднялась и стала ходить по кабинету – период шока, на удивление, был преодолен достаточно быстро.

– Но как такое возможно? Этого просто не может быть! – Казалось бы, что могло поразить больше, нежели наблюдение за совершаемым убийством? А вот что. – Я не могу в это поверить.

– А во все остальное можешь? – поинтересовался Зойл. – В безвредные пули, в нечеловеческую силу?

– Но должен же быть предел! Мы говорим ни о какой-нибудь ерунде – мы говорим о бессмертии! – Нелли моментально смолкла и села на место.

– Мы говорим о бессмертии, – отрешенно повторила Нелли, – о бесконечной жизни... как и тогда с пулями. – Она озадачено посмотрела на Зойла. – Значит, все они неприкасаемые: и Александр, и те, что преследуют меня? – Нелли вспомнила прошлую ночь, когда незнакомец, вдруг ставший «Александром», пытался что-то сделать с ее сознанием, как-то воздействовать на него. Гипнозом? Уже не важно. Главное, у него не получилось. Важно другое: что он тогда говорил, хотя рта не раскрывал. «Ты забудешь драку с догмаром».

«Догмаром». Значит, тот, кто ее преследовал, на лексиконе Александра значился «догмаром». И что это должно означать?

– Александр называл своего противника «догмаром». – Нелли посмотрела на Зойла. – Знаешь, кто это такие?

Зойл отрицательно покачал головой.

– Впервые слышу.

Нелли встала. Ей не сиделось.

– Кем же они являются? Что из себя представляют? Ведь очевидно, что Александр и этот догмар не относятся к одному... к одной разновидности... в общем, нет между ними ничего общего, – выкрутилась Нелли. – Хотя, кто знает... Но они дрались, а значит, враги. Или у них так принято – калечить друг друга? – Она остановилась напротив Зойла, который по-прежнему сидел на диване.

– Боже, как же приятно поговорить об этом с кем-то еще, – неожиданно проговорила Нелли. – Как же прекрасно с кем-то поделиться, освободиться от этой ноши и занять сообщника.

Зойл сдержанно улыбнулся.

– Я ведь подумывала снова уехать. Встреча с «догмаром» не давала мне покоя.

А вот этого делать не следовало.

– Я не знаю, кто они, Нелли, но уверен, что они не единственные. Ты видела троих, с Александром тоже было сопровождение.

– Но как получилось, что ты не попался? И как ты там оказался? Что ты видел? Расскажи! И вообще, что нам теперь делать? – Вопросов было множество, но внимание Зойла привлекло другое: Нелли сказала «нам». Она связала их в единое целое, и Зойл был доволен. Нелли начала мыслить во множественном числе, чему он не мог в душе не порадоваться.

– Они были слишком заняты, убивая друг друга, чтобы обратить на меня внимание. Да и повезло мне, иначе никак. – Зойл поднялся с насиженного места. – Я все тебе расскажу, но позже, договорились? А насчет того, что нам делать: у меня есть друг в полиции, я попросил его найти на этого таинственного Александра все, что только можно. Хотя не уверен, что из этой затеи выйдет что-то путное: подобным асоциальным личностям не свойственно оставлять за собой следов. Тем более в компьютерной картотеке.

– А как твой друг найдет что-то на Александра? Тебе известно его полное имя? Адрес проживания или какие-то важные данные, воспользовавшись которыми, можно получить информацию?

– Нет, только имя.

Нелли медленно кивнула, переваривая полученный ответ.

– Я так понимаю, способ поиска без полных данных ты нашел, – скорее утверждала, нежели спрашивала Нелли.

– Определенно, – ответил Зойл. Нелли кивнула. – Тебе же следует оставаться тише воды, ниже травы. Не ходить по городу одной, дом-работа – на этом все. Будем надеяться, твои преследователи не выйдут на тебя снова. А вот Александр... думаю, он еще вернется.

– Не вернется, – заверила Нелли.

Зойл вопросительно посмотрел на девушку.

– Почему ты так уверена? Если он уже однажды приходил...

– Он навестил меня этой ночью.

Ему показалось, он поперхнулся воздухом. Для него Нелли заговорила на каком-то чужеродном языке. Диком и абсолютно незнакомом. Зойл никак не мог понять, а верно ли ее слышал. Александр приходил к ней ночью. Этой ночью, то есть прошлой, в которую Зойл ее провожал. И она сообщает об этом только сейчас?

Зойл заговорил. Спокойно, размеренно, без наездов.

– Приходил. Ночью. И ты столько времени ждала, чтобы сказать мне об этом?

– А когда, по-твоему, я должна была об этом сказать? Десять минут назад, когда рыдала как половая тряпка?

– Ты могла закончить свою историю со словами: «Кстати, Зойл, наш Александр приходил ко мне прошлой ночью». – Он попытался изобразить ее фальцетом. – Когда это случилось? Когда я ушел?

– Да.

– Аахх! Вот ведь а! И чего он хотел? Вроде бы тебя не обидел? Или обидел? – потребовал ответа. – Поэтому ты так ужасно выглядишь сегодня: вялая, помятая, не выспавшаяся.

– Спасибо, Зойл.

– Не за что. А теперь рассказывай.

– Нет, он меня не обидел. Он... Кажется, он пытался загипнотизировать меня или что-то в этом роде.

– Чего? – недопонял Зойл. Это уже сродни маразму.

– Он хотел лишит меня воспоминаний, убрать себя из моей памяти, – спокойно повторила Нелли. – Смотрел на меня нечеловеческими глазами и все повторял: «Забудешь меня, забудешь».

– Лишить воспоминаний... Насколько точно я могу судить, ты все прекрасно помнишь.

– Помню. В том-то и дело. Поэтому могу ошибаться. Но вчера, когда мой взгляд приковало к его глазам, я ощущала себя какой-то бесчувственной и все никак не могла пошевелиться. Или не хотела... я не знаю. Но думаю, что он думает, что я ничего не помню.

– Тогда как ты все помнишь...

– До малейших подробностей.

– Вот как. Но это хорошо. Это очень хорошо. Одной проблемой меньше.

Нелли печально улыбнулась.

– Да. Да, ты прав.

– Значит так, – начал Зойл, будучи настроен очень серьезно. Пора было составлять четкий план действий и так же четко его придерживаться. – Сейчас иди работай и ни о чем не думай, а вечером я провожу тебя домой и теперь буду провожать ежедневно. Хотя, если кто-то из них захочет нас убить, боюсь, нам мало что поможет. Однако, пускай я переоцениваю собственные силы, будем придерживаться этого плана. Одной ходить тебе нельзя. О том, чтобы не совершала глупостей, я предупредил. Так что иди. Поговорим позже.

Зойл указал на дверь. Им обоим следовало подумать, утрамбовать полученную информацию, и с некой ясностью в мыслях, двигаться дальше.

Нелли направилась к выходу, но вдруг остановилась и обратилась к нему.

– Зойл, спасибо тебе...

– Не надо, Нелли. Ты не должна меня благодарить. Я ничего еще не сделал.

– Очень даже сделал. И очень даже должна. Если бы не ты... в общем, я бы сломалась.

Рано или поздно я бы обязательно сломалась.

– Ты бы не сломалась, – заверил ее Зойл. – Ты сильная, Нелли.

– Спасибо, – повторила Нелли. Повторила с особой настойчивостью. – То, что ты делаешь – это очень много.

Зойл кивнул. Слов для ответа не было.

– Да, и еще одно, Зойл. – Он вновь сосредоточился на Нелли. – Здесь происходят страшные дела, а я даже нож держать не умею. Мне бы хотелось научиться хотя бы самообороне. Ты не знаешь того, кто смог бы мне помочь и обучить базовым приемам?

– Знаю.

– О, отлично. Думаешь, он согласится?

– Согласится.

– И кто он?

– Я. Я сам тебя всему научу.

Глава 10

Перед глазами ходили люди – человеческие мужчины и женщины. В руках они держали инструменты – кто измеритель, кто шпатель, кто дрель. Люди практически не разговаривали, только изредка произносили фразы, способные напугать своей лаконичностью: «Займись вторым этажом», «Покрась», «Подай валик». И, конечно, продолжали работать, усердно, с высокой эффективностью, придавая дому обновленный облик.

Взгляд Александра прошелся по тусклым окнам, голым стенам и ретро-мебели в составе тумбочки, кресла и книжного шкафа, – такие незначительные в границах огромного зала.

Его дом. Его пристанище. Его неприкосновенная личная территория, которую он оставил тридцать лет назад – запущенная, пыльная, покинутая. Александр что-то ощущал, что-то связанное с этим местом, что-то родное, но давно забытое, однако облачить в слова испытываемое не мог. Может, ностальгия?

Нет, «ностальгия» – слишком примитивное определение того, что он сейчас испытывал. То, что в нем зародилось, было глубже, значимее и болезненней.

Стены из кирпичной кладки, широкие окна почти до пола, балки и трубы, тянущиеся по потолку, крашенные черным, грубые, металлические...

Этот дом, который в действительности был не домом, а заброшенным промышленным строением, он приобрел не одно десятилетие назад. Огромное трехэтажное здание отвечало всем его притязательным требованиям: просторное, вместительное, замысловатое, с высокими потолками, не стесненное перегородками – степное раздолье, хоть летай. И находилось за пределами города. Изоляция и территориальный простор испокон веков ценились *ferus*, потому они и селились в отдалении от жилых местностей, благо раньше девственных участков в распоряжении было много. На окраинах сел, вблизи лесов, у горных хребтов, на равнинах и в пещерах они могли расслабиться и быть уверены, что не будут потревожены людьми, и в то же время получают раздолье, в котором так нуждались.

Его жилище являлось олицетворением этой истины.

Однако, несмотря на все свои преимущества, здание долго пустовало: Александр все не решался в него заселиться. Новый дом всегда ассоциировался с новой жизнью, а он к этой самой новой жизни готов не был – перебираться из ночлежки в другую Александру нравилось больше. До поры до времени. Пока не наступило ожидаемое время брать на себя ответственность не только за собственную жизнь, но и за жизнь целой расы. Ему пора было остепениться. Вот и трансформировал здание фабрики в лофт.

Александр снова обратил внимание на тихих, мирных людей, беспрекословно выполняющих его указания. По-другому быть не могло: Александр контролировал их слабые сознания, не позволяя отвлекаться на пустые беседы. Нельзя было их задерживать в доме, как и затягивать с обременительным ремонтом. Люди и без того слонялись здесь неделю – долгую, напряженную неделю, с восьми до восьми, без выходных. Александр не стал бы несколько возражать, трудись они здесь целые сутки, но только завершили бы работу скорее, однако не мог быть настолько беспечным. Игры с мозгом – весьма опасны, нейроны чувствительны к электрическим импульсам, он мог травмировать хрупкие разумы. Хуже этого были только проблемы, которые Александру пришлось бы решать с многочисленными недовольными родственниками, которые, несомненно, станут возмущаться зверским графиком и пропажей родных. Это для Александра не существовало Трудового кодекса, тогда как для людей...

А потому он продумал все: люди приходят, делают, что должно, а затем расходятся по своим домам и рассказывают родным и близким очаровательную историю о том, как они проводили отделочные работы в загородном доме банкира, для его прекрасной и дружной семьи.

Состояние рабочих было в норме: Александр ходил по первому этажу, наблюдал за отделкой далекого потолка и, в ожидании завершения трудового дня, приглядывался к людям. Работы проделали много, вплоть до замены устаревших смесителей, которые благодаря наложенному на дом заклинанию в замене не нуждались. Но ничего: новизна восприятия никогда не помешает.

Спустя полчаса Александр остался один: пятнадцать «нанятых» им рабочих одновременно собрались и покинули дом. Однако одиночество продлилось недолго.

Появился Ролан, сменив столь ценимые собой камуфляжные штаны на обычные джинсы. Он вошел в парадную дверь, которая выглядела далеко не парадной, неторопливо прошел вглубь дома, не выказывая явного интереса к его жилищу, и, словно почуяв, где «горячо», подошел к деревянной тумбе.

– Что это? – спросил его *ferus*, поднимая старинный металлический диск с выгравированным орнаментом.

Александр нахмурился.

– Коллекционная чакра моего отца. – Говорить большего не хотелось. Например, того, что за несколько дней до собственной гибели он отдал ее Александру как сыну.

– Чакра заржавела и потемнела, – заметил Ролан. – И на ней наши символы.

Да: филигранная ковка, Символы Предков. И ржавчина. Чакра всегда была такой.

– Убери ее, думаю, это память. – Ролан внимательно посмотрел на Александра и положил оружие обратно.

Да, возможно, и память, но вот ценна ли она. Отношения с отцом у Александра складывались сложно. Видимо, поэтом он отыскивал эту чакру там, где отыскивал: в одной из пыльных кладовок.

– А ты неплохо жил! – Александр оглянулся: ему навстречу шел Океан, разглядывая окружающие себя метры площади. – Обалдеть. Я тоже так хочу.

Океан и сам жил прекрасно, Александр был в этом убежден. Да и частную жизнь свою охранял не хуже любого *ferus*. Однако сегодня, невзирая на холодок между ними, а, напротив, в стремлении этот холодок растопить, Александр пригласил друзей к себе, в свою любовно охраняемую обитель. Конечно, временами *ferus* заходили друг к другу, и Александр принимал гостей, и не единожды. Только делалось это в порядке исключения: *ferus* были чужды сверхблизкие контакты.

Но теперь ситуация изменилась, она довлела над ними, приспособившая их независимый образ жизни под себя. С чего-то нужно было начинать сблизиться. И пускай он чувствовал себя сейчас незащищенным, словно в доме топталась толпа китайских туристов, Александр начал с себя.

– Сложно поверить, что все это добро сохранилось. Даже если мебель еще не сгнила, то должна бы заметно подпортиться. – Океан дотронулся до заляпанного краской стула. – Да и мародерство никто не отменял.

– Перед тем как покинуть дом окончательно, я обновил все наложенные на него заклинания и вычертил защиту на долготлетие...

Он едва успел договорить, как оглушительный грохот двери о стену возвестил о прибытии еще одного *ferus*. *Ferus*, который прорычал:

– Сколько еще эти паршивцы будут действовать нам на нервы? Чего они добиваются? – Дей пнул стальное ведро, которому не посчастливилось попасться под ноги. – Зачем было заманивать нас в Радлес, если они ничего не предпринимают? Давайте уже признаем: нас имеют! И очень жестко! Догмамы намеренно выводят нас из себя! Знаете, мне начинает казаться, что то была наша инициатива посетить Радлес, что это нам захотелось свидеться с догмарами, будто мы напросились к паршивцам в гости. И теперь, словно попрошайки, ожидаем внимания занятого хозяина. Мы скачем подле их персон, словно жалкие, озабоченные кабели! Тогда как

эти наглые, подлые трусы отсиживают где-то свои догмарские задницы! – Дей юлой развернулся на пятках и повалился на мягкое кресло, с некоторых пор накрытое прозрачным полиэтиленом.

Рано или поздно это должно было случиться – Дей должен был потерять терпение. Вопрос: двадцать восемь дней – это рано? или это поздно?

Именно столько времени прошло с тех пор, как fequs собрались в Радлесе – двадцать восемь дней. Но догмары так и не появились. Fegus уже в открытую себя демонстрировали: прогуливались по городу, ели, пили – светились всевозможными способами, только врагам было все равно.

Куда они могли подеваться? Куда могли запрятаться? Fegus побывали во всех уголках Радлеса, но не в южной половине города, не в северной догмар не обнаружили.

Дей уставился на Александра, будто это он координировал догмар и давал им дельные советы относительно того, как нужно поступать.

– Догмары мне не подчиняются, – решил внести ясность Александр.

– Тогда кому же, чертовы черти!

– Вряд ли они захотят, чтобы мы снова исчезли, – заметил Океан, проходя на кухню, что была неотделима от зала-гостиной. – Значит, скоро появятся. А если мы все же исчезнем, появятся определенно. Да не может быть! – воскликнул вдруг fequs, открыв один из кухонных шкафов. – Здесь до сих пор хранятся банки кукурузы!

– Затеваешь что-то действительно масштабное, раз дело приняло такой невнятный оборот, – проговорил Ролан. – Они разрабатывают сумасшедший план для нашего выманивания, заранее исчезают из города. Очевидно, не просто так. Не для того, чтобы, как только узнают о нашем возвращении, моментально раскрыть свои карты. Догмары отлично знают, что им делать, и делают это с большим успехом.

– В отличие от нас, – буркнул Дей. – К тому же друзья наши fequs не желают нам помогать. Где носит остальных?

Александр задумчиво тронулся с места. Конечно же, догмары что-то замыслили, по-другому быть не могло. Вопрос заключался в другом: каким образом они дадут о затеянном знать?

– Я понятия не имею, где остальные, – спокойно проговорил Александр, – но я знаю, что меня смущает: кто за всем этим стоит? – Александр посмотрел на каждого. – И я не про пешек, выполняющих грязную работу. Я про идейных вдохновителей.

Кто обдумывал все ходы догмар? А значит, кто *теперь* являлся их главой?

Гостиная погрузилась в тишину. При последнем столкновении с врагами, потерю понесли не только fequs, но и догмары. Они лишились своего действующего лидера, потеряли главу и опору Деона, которого со вкусом убил Александр: вырвал почерневшее сердце, а затем и горло ему перерезал. И с большим удовлетворением наблюдал, как убийственный яд животной расы fequs медленно уничтожает ублюдка.

Вот она, основная причина ненависти к ним врагов: fequs могли уничтожить догмар. Они и никто другой.

День смерти Деона мог стать днем великой победы, если бы не утраты fequs. Но если бы не эти утраты, Александр не вышел бы за грани дозволенного, и не потерял над собой контроль: тогда он мало что понимал. И, возможно, не лишил бы догмар сокровенного – их главы.

Однако сейчас назрел вполне справедливый вопрос: кто был новым главой догмар?

И почему они не подумали об этом раньше?

Словно прочитав его мысли, Ролан проговорил:

– А ведь после бойни мы решили, что догмары еще не скоро придут в себя. Нет того, кто повел бы их вперед, давал команды, управлял их действиями. А значит, нет идей и планов для дальнейшего воплощения. Мы же, в свою очередь, понимали, что рано или поздно они

перегруппируются и мобилизуют силы. И давайте начистоту: вряд ли мы предполагали, что на это им потребуется тридцать лет. Три десятилетия на переизбрание главы – это очень много, вам не кажется? В Радлесе мы должны были оказаться куда как раньше. – Ролан посмотрел на Александра.

– И вот нашелся смельчак, возродивший боевой дух парней, – усмехнулся Дей. – Наверняка там стояла смута. Насколько мне известно, у Деона не было очевидного приемника.

– Догмарский Спартак? – улыбнулся Океан.

– Новая голова... – Александр задумался. – А новая голова, как известно, это новые мысли и планы, а также пути достижения цели, чему, как я понимаю, мы все и являемся свидетелями. Деон не был столь затейливым.

В следующее мгновение входные двери распахнулись снова, и на пороге появился Кас. С газетой?

– Вы читали сегодняшнюю газету? – Он стремительно направлялся к ним.

– Чего? – недопонял Океан.

– Газета, – ответил Кас, – это есть периодическое издание, чаще всего ежедневное, выходящее листами и содержащее информацию о текущих событиях в городе, в стране, а также в мире. Может содержать политические, критические и научно-популярные статьи.

– Смешной ты, – сказал Океан. – Я лишь хотел заметить – их еще читают? И скажи, для чего мне нужны человеческие новости: кто кого убил, любил, побил?

– Для общего развития. Оставаться в курсе того, что тебя окружает, не помешает. Если ты позабыл, совсем недавно в этих новостях мелькали мы. Ты не на Майорке, где светит солнце, и все друг друга любят. Хочешь ты того или нет, ты существуешь в человеческом мире. И потом, даже среди подобных новостей можно обнаружить что-то полезное. Вот как сейчас, к примеру.

– Что там? – вмешался Ролан.

– Прочитай, – ответил Кас и протянул Ролану газету. – Вслух.

Ролан взял газету, взглянул на открытую страницу...

– «В Радлесе появилась сектантская группировка?» – Он поднял взгляд на Каса.

– Читай дальше, – велел Кас, проходя к одному из широких окон. Взору *ferus*, как знал Александр, открылся вид на умиротворяющую лесную местность.

Александр подошел к Ролану и, заглянув ему через плечо, посмотрел на статью.

– «В полдень прошлого дня в отделение правоохранительных органов города Радлес поступил анонимный звонок с сообщением, что на окраине города, в районе Городских складов совершено убийство. Однако прибывшие на место оперативники трупа не обнаружили. Как считают эксперты, было найдено место встреч тайных оккультных группировок. Причиной для подобных выводов послужили стены указанного склада, которые оказались расписанными неизвестными символами, а также записями на латинском языке. Ожидается повторная оценка профессионалов данной области...».

Ролан прекратил чтение и посмотрел на остальных.

– И что такого? – пожал плечами Дей. – Может, в городе действительно появилась секта фанатиков?

– Ты думаешь? – спросил Александр и, забрав газету у Ролана, протянул ее Дею. – Взгляни.

Дей так и сделал.

– А вот это дерьмово, – ответил Дей, не прошло и пары секунд.

– Что там такое? – заинтересовался Океан.

– Того, что я вижу, не может быть, не правда ли? Никто не может этого знать? Никто, кроме *ferus*, – поправился Дей.

– Да что там такое? – рассердился Океан и уже собрался вырвать газету, но услышал Ролана.

- Там фотографии с места происшествия.
- И в чем соль?
- На них изображены Символы Предков.
- Стоп, стоп, стоп, – «затормозил» Океан. – Под Символами Предков ты подразумеваешь те самые Символы Предков, которые подразумеваю я?
- Те самые, которые подразумеваешь ты. Наши сакры, родные и близкие.
- Вот дерьмище, – протянул Океан и все же подошел, забрал газету. – Мы в нем потонем, – сказал, посмотрев.
- Верно.

Sacra или *сакры* появились на свет вместе с первыми «дикими» и являлись сакральным даром *fevus*, который они могли использовать по своему усмотрению. К сожалению, ими невозможно было уничтожить догмар – в этом отношении возможности сакр были ограничены. Однако именно посредством древних знаков *fevus* могли генерировать и воспроизводить собственную силу.

- Тогда люди не при чем, – сказал Океан.
- Лично я на людей не думал.
- Ты же не считаешь, что это сделал кто-то из *fevus*? Остальные неизвестно где, но точно не в городе, ведь так? – Дей перевел взгляд от Ролана к Александру.
- Так. – Александр чувствовал *fevus* острее остальных, и в данный момент мог с уверенностью утверждать, что никого из *fevus*, за исключением их самих, в Радлесе не было. – Остается одно – догмары. Только я не понимаю, как им удалось изучить наши сакры и изобразить их в таком количестве.

Особенность сакр заключалась в том, что через определенный промежуток времени они исчезали с любого носителя – бумаги, земли, песка, казалось, растворяясь в частицах пространства – подобным образом они себя защищали. И эти, изображенные на стенах, к слову, тоже в скором времени пропадут. Даже если догмарам в свое время удалось их где-то сфотографировать, то на пленках они не задержались, а если удалось их где-то подглядеть, то вряд ли они их запомнили в том большом количестве, что демонстрировала газета. Многие сакры были более чем сложны для воспроизводства – запомнить два-три знака для догмар предел. Если только у них не феноменальная фотографическая память. Но где они могли проявить эту феноменальную память? Правильно – нигде, так как сакры на дороге не валялись, то есть нигде просто так не изображались, а там, где изображались... догмарам до этих источников не добраться.

- Мне одному кажется, что это наживка? – Кас с интересом посмотрел на Александра.
- Нет, не одному. Я, как и ты, склонен полагать, что догмары начали реализовывать свой план, в чем бы он не заключался. Но наживка это или нет, мы не можем оставить все, как есть: нам необходимо побывать на месте самим и уничтожить все следы, каким-либо образом указывающие на нас. Сакры, конечно, исчезнут, но, кто знает, что там еще.
- Что будем делать, если это все же ловушка? – Ролан бросил вернувшуюся к нему газету на кресло – оно теперь пустовало.

– Будем стараться в нее не попасться, – в голосе Дея звучала воинственность. – Если догмары решили заявить о себе подобным образом, что ж, так тому и быть. Мы не можем просиживать задницы еще один месяц, а то и несколько, пока они не соизволят заявить о себе повторно.

Это был аргумент и весьма весомый, а потому, не прошло минуты, как Александр с компанией оказались на улице в окружении зеленой лесной растительности.

Дей сразу же направился к мотоциклу, что был припаркован в стороне от парадного входа: двухколесые друзья ценились им выше машин. Остальные расселись в автомобиль, пред-

ложенный Александром. И уже спустя четверть вечернего часа находились в районе Городских складов.

Мужчины стояли в начале стройного ряда уходящих вдаль контейнеров и уже заметили необходимый им. Полиция его опечатала, желая уберечь следы и улики от любопытных, нечистоплотных зевак.

Посторонних поблизости не было: Александр ментально просканировал округу, как только покинул салон автомобиля. Район складов жилым не являлся, потому неудивительно, что окружала их тишина.

Они направились к примечательному контейнеру, который располагался ближе к центру ряда. Когда дошли, Дей подсуетился – достал из кармана нож и перерезал полицейские ленты.

– Что будем делать? – спросил, не оборачиваясь, и указывал на стальную дверь, которая открывалась вводом пароля.

Времени на раздумья не было. Александр приблизился, схватился за ручку – прохладную, горизонтально-удлиненную, – и резко дернул в сторону. Послышался скрежет металла, дверные конструкции вырвались из петель, и дверь неторопливо поехала в сторону.

Александр вошел в кромешную темноту. Никакой сигнализации – как опрометчиво. Зрение у них было отменным, но, несмотря на это, они достали фонари и стали высвечивать серые стены, попутно ища выключатель.

На стенах действительно застыли сакры, которых, на взгляд, стало меньше – видимо, часть успела исчезнуть. Также он увидел знаки, но уже из человеческой, оккультной жизни, не имеющие к ним отношения. Общий вид всего наблюдаемого был небрежен и весьма хаотичен: буквы плясали и не укладывались в гармоничную строку, символы теряли форму и походили на что-то гротескное. Все накладывалось одно на другое, красно-черное, большое и маленькое...

Склад был размером в коробку, правда, в коробку совершенно пустую – внутри помещения разве что земля в качестве пола.

– Воочию картина выглядит печальнее, – Кас озадаченно смотрел на стену.

– Они хотели нам что-то сказать. – Дей подошел и встал рядом с Касом. – Вот только что?

– Откуда они узнали? – выдавил сквозь зубы Александр. – Вот что волнует меня больше всего!

– Идите сюда, – позвал Океан, все это время отиравшийся в углу. Он с любопытством смотрел на землю.

Они подошли и увидели...

Пепел. На земле лежал серый пепел.

Океан поводил по нему фонариком.

– Ну и как вам? Вы только гляньте.

Пепел лежал не гористой кучкой, он также не был рассыпан подобно соли. Это выглядело несколько сложнее, поскольку пепел очерчивал фигуру – форму тела конкретного человека.

– Здесь сожгли не мусор, – сказал Океан. – На этом месте сожгли человека.

Дей хорошенько ругнулся.

– Уж не хочешь ли ты сказать про жертвоприношение? – Кас даже сплюнул.

– Это ловушка. – Резкое заявление Ролана заставило Александра посмотреть на него.

Все то время, что вместе с остальными Александр разглядывал человеческий пепел, Ролан стоял от всех в стороне, внимательно изучая одну из стен. И, видно, лицезрение не прошло впустую.

– Они хотели нас сюда заманить. – Он указал на маленький знак в виде круга, с шестью лучами, исходящими из самого центра. – Пора убираться, – заключил беспрекословно.

Не успел Александр ответить, как помещение осветил слепящий свет. На пороге появились люди, которые в действительности людьми не являлись – это были догмары.

Их было не меньше дюжины – довольные лица, высокомерные взгляды – они предвкушали что-то нехорошее. И как подтверждение, группа расступилась, и из центра безликой кучки вышла фигура. Фигура того, кого *ferus* ждали и не ждали увидеть одновременно. Появился Лисандр.

– Какая неожиданная встреча! – Это было первое, что сказал Лисандр. – Кто бы подумал, что проказница судьба однажды снова сведет нас вместе.

Когда-то очень давно, более сотни лет назад, Лисандр был ближайшим соратником Деона, его помощником и правой рукой. Мужчины были во многом похожи: имели одинаковые цели и планы, в претворении которых придерживались схожих методов. Но что ценилось более всего в их жестоком иерархичном мире, казалось бы, доверяли друг другу. А такое являлось редкостью. Поэтому никто из числа догмар не смог бы тогда предположить, что по их чудесному дружному королевству в ближайшем будущем пробежится буря. А буря пробежалась.

Будучи главой полноценной расы, Деон по самоуверенности своей полагал, что не обязан лично, с глазу на глаз, контактировать со своими людьми – «обычными», рядовыми догмарами. Зачем ему с ними встречаться? Ведь для этих целей у него был Лисандр.

Такая позиция стала ошибочной.

Лисандр был личностью нетривиальной. Он был умен, красноречив и свеж, Лисандр умел обращаться с толпой. И по велению того же Деона, этот обаятельный, харизматичный тип стал куда больше времени проводить с догмарами – он уделял им все свое свободное время: давал распоряжения, прислушивался к просьбам, говорил очень правильные, нужные слова, которые оказывали на догмар влияние. И спустя непродолжительный отрезок времени, Деон с тревогой начал замечать, что уже не его мнение, а мнение Лисандра приобретало все больший вес в глазах подвластного ему народа. Авторитет Лисандра возрос.

Стремился ли к этому Лисандр? Пытался ли внести сумятицу в ряды Людей догмар и тем самым избавиться от конкурента? Да и видел ли Деона конкурентом?

Александр в этом сомневался. Лисандр не чужд был честолюбивых замыслов и, возможно, хотел бы стать главой, но именно из-за своих тщеславия и амбиций он не стал бы так поступать. Возвыситься над всем и всяким, подспудно угробив свой народ?

Глупцом Лисандр не был, а был он самим собой: сильной и яркой личностью, которой требовалась лишь возможность, чтобы проявить свой лидерский потенциал. И Деон ему такую возможность предоставил, даже с лихвой. А затем о том пожалел.

В слепоте Деон замечен не был, а потому не мог не обратить внимания, как изменилось отношение к Лисандру догмар: как уважительно к нему относились, как ловили каждое произносимое им слово. Со временем ему стало казаться, что еще чуть-чуть, что еще немного и догмары на месте своего главы захотят наблюдать не его, величественного Деона, а молодого, блестящего Лисандра. Что и предрешило участь последнего. В один из дней Лисандр исчез: мужчина пропал без единого объяснения.

Александр не знал, что сказали догмарам, объясняя исчезновение всеобщего любимца. Наверняка, свалили все на *ferus*, на которых сваливали каждую из собственных бед. Время от времени появлялись слухи: сперва говорили, что Лисандр мертв, затем говорили, что Лисандр жив, что он в плену, подвергается пыткам. Однако правды не знал никто, разве что Деон, изображавший скорбь.

С тех самых пор в догмарском королевстве жизнь потекла иначе, без одной из важных, ключевых фигур – жизнь кардинально изменилась. И текла она так целый век. Век, в течение которого, *ferus* считали, что Лисандр мертв.

Однако вот он, стоит перед ними и ехидно им улыбается. Высокий, со светлыми волосами, достигавшими середины стройной шеи, с пронзительным орлиным взглядом. На левой

щеке появились рубцы – как помнил Александр, их раньше не было. Именно они предупредительным выстрелом напоминали, кто перед ними стоит.

А стоял перед ними лицедей. На первый взгляд он казался холеным, утонченным и даже рафинированным; такому восприятию не в малой степени содействовала одежда – пижонские бежевые брюки и классический черный пиджак поверх такой же темной рубашки. Укоренилась в нем и манерность, которая проявлялась в каждом размеренном движении. Однако стоило к нему приглядеться и понаблюдать какое-то время, как текучесть шага и плавность движений внезапно оборачивались броском змеи.

Карие глаза смотрели отстраненно и одновременно с тем заинтересованно.

– Ты жив, – констатировал Александр.

– Ты заметил, – проговорил догмар.

– Так вот он, анонимный абонент. – Ролан оказался к Лисандру ближе всех, их разделяла пара шагов.

– Ты всегда меня восхищал, Ролан. Твоя пронизательность выше всяких похвал.

– Прекрати! – не стерпел Александр. – Неужели нужно было затевать все это, чтобы встретиться с нами? – Он кивнул на исписанные стены.

На него посмотрели, как на несмышленного ребенка, не понимающего элементарных вещей.

– Считаешь, следовало послать вам пригласительную открытку? Прости, ты забыл оставить адрес. И конечно же, стоило все это затевать: я рассчитываю больше с вами не встречаться, а попрощаться, как следует, хочется. Поэтому мы видимся здесь, а не в переулке загаженной улицы, и не в сердце многолюдной толпы – людей вы не любите, все ради вас. А склад – неплохое место: тихое, мирное, уединенное, где в случае чего удобно запрятать косточки, ты так не считаешь? – Лисандр приподнял уголки тонких губ и, странно глядя, припустил под наклоном голову.

Со стороны могло показаться, что Лисандр слегка не в себе. Он будто находился в состоянии опьянения, и стоило признать, что в этом «опьянении» заключалась немалая доля его обаяния – редкого, незаурядного обаяния, под которое с удовольствием, подобно фанатикам подпадали преданные ему догмары.

Однако Александр на такое не велся. Лисандр был странным – это факт, но Александр давно не верил тому, что пытался изобразить из себя Лисандр. О, нет, не верил ни на грамм! Его не волновало, каким таким образом догмар себя позиционировал – подобный маскарад он обходил стороной: Лисандр давно его практиковал – Александр давно догмара разоблачил.

Вот и сейчас Лисандр говорил, казалось, насмеялся над ними, подшучивал, однако в холодных темных глубинах не отразилось и намек на веселье.

– И каков же твой план? – спросил Александр.

– Знаешь, мне всегда нравилось созвучие наших имен: Лисандр – Александр. Улавливаешь, да? Нет? – Вот они, игры Лисандра. Догмар приглашал его в свою реальность. – Я всегда задавался вопросом: с чего бы такая особенность? Я был уверен, что это неспроста.

– К чему же ты пришел? – был любезен Александр.

– К тому, что мы братья? – спросил догмар и посмотрел на него столь искренним взглядом, таким вопрошающим и полным надежды... Затем откинул голову и громко рассмеялся.

Грудной, раскатистый смех заполнил тесное пространство контейнера. Мужчине вторили невидимые догмары, внезапно потерявшиеся за стенами строения. Однако один Лисандр не остался. Рядом с ним, по обе стороны, стояли двое крепких, рослых фигур, не заметить которые было невозможно. В ярких цветных футболках они напоминали живые мандалы: желто-голубой, пурпурно-розовый орнамент распускался из области желудка – ни то в виде солнца, ни то в виде круга-лабиринта – заполняя обтягивающую площадь ткани. Тогда как на лбу,

подобно точке «бинди» у индианок, плавился крошечный едва заметный знак, похожий на перевернутый полумесяц.

Это были те самые «другие» догматы, которых отправляли на встречу с fevus: они не просто чувствовали fevus, они могли глушить их энергетические вибрации и искажать их природную силу.

– Не волнуйся, Александр, это всего лишь совпадение – Лисандр резко притих. Замолкли и его приспешники.

Единственное, что волновало Александра в данный момент, это неизвестность планов догмар. Чего им ждать от этих ненормальных? И как с этим можно справиться?

– Звезды решили над нами подшутить.

– А я, было, так надеялся.

Лисандр улыбнулся.

– Теперь остается надеяться, что смерть ваша будет быстрой. Как жаль: мне нравилось проводить с вами время.

«Проводить с вами время»? Наверно, можно сказать и так, если вспомнить сколько раз fevus пересекались с Лисандром.

– Правда, жалко, что здесь не все. Хотя неважно: ощутив вашу мучительную гибель, остальные тут же примчатся в Радлес – взбудораженные, озлобленные, скорбящие, что не заметят, как их постигнет та же участь, что постигла вас.

Лисандр картинно вздохнул. Затем, заметив движение, посмотрел за спину Александра, на притихших и внимавших разговору fevus.

Кас, Дей, Океан – они стояли позади, у самой стены. Ролан находился поблизости: он успел отойти к парням, а Александр этого не заметил – был увлечен занимательной беседой.

Лисандр долго вглядывался в fevus, казалось, не понимая, как они здесь оказались. Но вдруг улыбнулся и проговорил:

– Даже не хочется с вами расставаться. Пропадает главное развлечение моей жизни. За кем же мне теперь охотиться?

– За своим эго, – ответил Кас. – Оно бежит впереди тебя.

– Кассиэль, не будь циничным...

– Как вы узнали о наших символах? – перебил догмара Кас.

Глаза Лисандра блеснули.

– А это мой следующий вам подарок. Но поберегу я его для второй партии «диких». Вы же погибнете озабоченными и не просвещенными данным вопросом. И почему вы такие предсказуемые? Я не сомневался, что стоит разыграть это чудное представление с выходом дешевых статей, вы моментально примчитесь в Радлес раскапывать всю подноготную.

– Ты научился пользоваться ноутбуком? – Океан обратил на себя внимание. – Я думал, содержали тебя в заточении, и время пробегало мимо тебя. Получается, я ошибался?

Лисандр улыбнулся, но если раньше улыбка его была открытой, то сейчас – более чем сдержанной.

– Средства массовой информации творят чудеса, вы не находите?

Александр находил, что ответ был уклончивым.

– И ты действительно пошел бы на то, что разоблачил нас? А вместе с нами и собственную расу? Только чтобы выйти на нас? Ты серьезно? – Александра не переставал интересоваться ответ на данный вопрос.

– А с чего вы вдруг решили, что мои поступки отразятся на догмарах? Мы просто люди, разве не видишь? У нас нет когтей, нет клыков. Мы не перевоплощаемся в мерзких тварей.

Александра сказанное задело, кольнуло где-то под лопаткой. Александр знал, кем являлся, спокойно относился ко всяким определениям, даруемым догмарами расе fevus, и «мерзкие твари» – было не худшим из них. Вот и теперь он понимал, что ничего нового от

Лисандра не услышал, догмар лишь стремился их оскорбить, – подумаешь, такое не впервой. Но почему-то сейчас, в данную минуту, Александра сказанное разозлило.

– Ты действительно в это веришь? – Александр заставил себя успокоиться. – Или ты настолько наивен, что не видишь возможных последствий?

Лисандр мягко рассмеялся.

– Думай, как хочешь, Александр. Я – стою перед вами, тогда как Деон разлагается в земле, куда и вы в скором времени отправитесь. Полагаю, подобная расстановка сил оправдывает все мои «наивные» действия.

– Так это правда, – сказал Александр. – Правда, что сам его величество Деон предал своего ближайшего соратника и отправил гнить... Куда?

Лисандр в лице не изменился, однако изменились его глаза. Медленно, с ленцой и тягучестью, их словно нефтью заволокло пеленой, черной, блестяще-маслянистой.

Вот теперь перед ними стоял *Лисандр* – нормальный, «настоящий» Лисандр.

– Я ведь хотел тебя поблагодарить, – обратился он к Александру. – Спасибо за твой подарок, ты сделал мне большое одолжение, уничтожив «его величество Деона».

Сложно было поверить, но, кажется, Александр начинал жалеть, что раньше времени прикончил догмара, поскольку Лисандр со своей изворотливостью представлялся куда более опасным противником.

– Пожалуйста. Теперь ты вроде как мой должник.

– Я предоставляю тебе последнее слово, чем и оплачиваю свой долг. Думаешь, почему я развожу полемику?

Вероятно, потому что ему «нравилось проводить с ними время».

– Значит, смерть Деона помогла тебе освободиться. И каким же образом? – спросил Александр. Такая информация была не лишней.

– Это не должно вас волновать. У вас есть куда более весомые причины быть заинтересованными.

– И ты, конечно же, просветишь нас какие?

– Разумеется. Я так понимаю, вы заметили на стенах свои любимые знаки? Сакры, кажется, да? А Ролан, будучи внимательным, – Лисандр демонстративно взглянул на Ролана, – уже обнаружил ту самую сакру, что должна тревожить вас больше всего.

– *Nassa*, – озвучил Ролан.

– *Nassa*, – повторил Лисандр. – Или «Аркан». Ну и названия вы им даете. В общем, люди мои не скучали и даже провели жертвоприношение, чтобы требуемый ритуал сработал.

– В нашем случае не требуются столь радикальные меры, – сквозь зубы выговорил Александр. Напоминание о том, на что посягнули догмары – на их священные, родовые сакры, вызвало сложно контролируемый гнев.

– Это в вашем случае. А в нашем очень даже требуются. Поскольку мы собираемся использовать ваше оружие против вас же, а значит, жертва нам нужна.

Александр сжал кулаки: как он узнал, как же он узнал?

Пора было что-то делать – нападать, защищаться, убивать. Но не продолжать эту светскую беседу на тему того, как их расчлняют.

– Почему бы нам не приступить к кульминационной части? – поинтересовался Лисандр. – Мне кажется, с приветствием я затынул.

И не дожидаясь ответа Александра, догмар достал из кармана нож и разрезал правую ладонь.

Fergus пришли в движение. Александр тут же кинулся на Лисандра, но был отброшен невидимой силой: кровь успела коснуться земли, и ударная волна откинула его назад.

Заклинание сакры «Аркан». Это было *заклинание сакры «Аркан»*, которое отвечая своему названию, предназначалось для того, чтобы замыкать, затягивать пространства обычно

с кем-то или чем-то внутри. И теперь этими «кем-то» оказались *ferus* – прародители сакр, тем самым получив подтверждение того, что при неправильном, извращенном использовании сакры способны вредить своим же.

– Ты – сучий ублюдок, – прохрипел Александр, рефлекторно перевоплощаясь в истинного *belua ferus*.

Сдерживаемая сущность рвалась наружу, желая высвободиться от сковывающих пут. И она освобождалась, освобождалась бурно: *ferus* рычали, металась как в клетке, кидались на невидимую воздушную стену, однако раз за разом отбрасывались назад.

– Как только выберемся – сожжем на костре, а позже заставим захлебнуться нашим ядом. – Дей на глазах менялся в размерах, раздавался в алеющих, венозных плечах. Черты лица становились уже, жесткая кожа все больше натягивалась. Он становился выше, а вместе с тем под кожей зарождалась дымчатая субстанция, темная, будто эфемерная, что живой струей пробегая по телу, заполняла каждый измененный участок.

– В том-то и дело, что не выберетесь, – голос Лисандра глух. – Парни! – обратился к догмарам, – запомните выдающихся *ferus* именно такими: чудовищными, неразумными и... беспомощными. Какой бесславный конец...

Больше он ничего не слышал. Кровь ударила в мозг, глаза накрыло пеленой – красной, глухой и тяжелой...

Александр взглянул на свои ладони: сетка тонких энергетических нитей просвечивала сквозь грубую потемневшую кожу; нити исчезали и появлялись вновь, они мелькали призрачным обманчивым слоем, чтобы под звуки колотящего сердца расползаться выше по дрожащим рукам.

И как-то резко пришло понимание, каким задумал их конец Лисандр.

Специфика их противостояния состояла в том, что в глазах вселенной, по законам мироздания, догмары и *ferus* были равны. *Ferus* могли уничтожить догмар – природа наделила их нужной особенностью, но вместе с тем Александр забывал, что при желании и должном умении догмары могли уничтожить *ferus*. Это было сложно, практически невозможно, однако осуществимо. Для этого следовало прочесть над *ferus scriptio* – заклинание, лишаящее души. Но слов из *scriptio* не знал никто, *ferus* даже в мыслях его не произносили, словно эти мысли, для них запретные, могли просочиться в бранный мир.

Однако Лисандр заклинание узнал, и собирался его использовать. Как только обратит их оболочки в пыль.

Откуда он узнал заклинание?

То была последняя мысль Александра.

На место с лязгом вернулась дверь: «щелк», – сказала железо. А затем прогремел оглушающий взрыв.

Глава 11

Нелли бежала. Снова. Стремительно, быстро, без передышек, выжимая последние внутренние резервы. Останавливаться было нельзя, несмотря на то что находилась на последнем издыхании, покалывал бок, и хотелось пить. Да еще непереносимая июльская жара желала лишить ее остатков сил.

Нелли бежала восьмой день. Нет: Нелли *бегала* восьмой день, поскольку Нелли занималась пробежкой. По четыре дня с паузой в день. Километр за километром преодолевала уставленные Зойлом расстояния. Это его затея, чья же еще. Он взялся за нее основательно.

Когда неделями ранее Зойл заявил, что будет обучать ее самозащите, она и предположить не могла во что это выльется. Да и удивилась, а как иначе? Зойл, владелец бара, будет учить Нелли драться? Выглядел Зойл неплохо, с учетом возраста и вовсе великолепно – подтянутый, с хорошей мускулатурой. Очевидно, что в молодости Зойл не ленился и спорту уделял должное внимание. Однако Нелли никогда бы не подумала, что его познания одними спортивными упражнениями не ограничиваются, а распространяются куда как далее, охватывая профессиональное владение техникой боя.

Зря, что не подумала: Зойл оказался знатоком своего дела.

Как выяснилось, после положенного срока в армии, он остался служить там по контракту. Нужно было зарабатывать на жизнь, а другого способа в то время для себя он не представлял – «не возвращаться же словно школьник за прилавком». Вот и научился всему, что умел сейчас, а значит, мог научить и Нелли. И в первую очередь он стал преподавать ей уроки самозащиты. Драться с громилами-убийцами и уж тем более справиться с ними она не могла. Однако могла постоять за себя, в случае возникновения такой необходимости, и, выиграв время, убежать.

Зойл обучал ее всему, вплоть до того, как правильно ставить подножки – этого Нелли тоже не умела. Ей показывали приемы обороны, учили обращаться с холодным оружием, временами даже демонстрировали, как правильно нападать – кто знает, может, пригодится. И параллельно с этими уроками заставляли пробегать по несколько километров каждое утро. Логика была проста: от противника нужно не только отбиться, но и убежать, желательно быстро.

К нагрузкам и подобной активности Нелли привыкала тяжело. Вроде бы раньше увлекалась аэробикой, а, значит, с физикой, казалось бы, ладила, пускай великой спортсменкой не была. Однако те пятнадцать-двадцать минут, которые предписывалось пробегать для начала, да и то, чередуя минуту бега с минутой ходьбы, Нелли преодолевала с трудом.

Нелли была размазней.

Однако сейчас, на исходе восьмого дня, Нелли чувствовала себя намного лучше: быстрее справлялась, меньше уставала, и одышка почти прекратилась. А ведь путь преодолевался солидный: спускалась улицу до замечательного парка, пробегала по узким парковым дорожкам, после чего возвращалась обратно, к своему успевшему полюбиться дому. Не такой уж размазней она была! О других испытаниях, что готовились Зойлом, Нелли думать отказывалась.

Нелли свернула плейлист и посмотрела на время: восемь утра, через час на работу, а вечером снова череда кулачных приемов. Каких? Это сюрприз. Заранее Зойл не травмировал.

Подспудно ловя на своих ягодицах небезразличные мужские взгляды, Нелли трусцой побежала домой. С некоторых пор любая форма внимания Нелли оставляла равнодушной – не волновала, не раздражала и совершенно ей не льстила. Нелли душевно очерствела?

Нелли пробежала мимо аккуратной лавки, мимо второй, мимо клумбы с цветами... Нелли посмотрела по сторонам, замедлилась, оглянулась назад...

Что-то было не так. Сегодня все было по-другому. Этот день отличался ото всех остальных, как, впрочем, и два предыдущих до этого. Что ее смущало?

Она не ощущала чужого присутствия – вот что ее смущало. За Нелли никто не следил.

На четвертый день после откровенного разговора с Зойлом, Нелли начала каждодневные пробежки, и в этот же день в ней зародилась убежденность, что за ней пристально наблюдают. Померещилось?

Сначала она не придавала тому значения: никто за ней не шел, не пускал подозрительных взглядов, да и вообще особо не заглядывался, разве что вскользь да по ягодицам. Должно быть, сказывалось волнение последних месяцев. А тут еще дополнительный стресс в виде тренировок. Однако в дальнейшем чувство незащищенности никуда не делось, а только усилилось; убежденность в чужом присутствии, тайном, от нее скрываемом, не покидала ее не на миг. Нелли останавливалась, всматривалась в прохожих, частенько стояла так длительное время, порою, сама вызывая подозрения, но не замечала и намека на слежку. И раз за разом подобную мнительность списывала на стресс и приобретенную нервозность.

Так продолжалось четыре дня.

На пятый пробежки по плану не было, Нелли должна была восстанавливать силы. Вот и решила, что, если хорошенько отдохнет и приведет мысли в порядок, необъяснимое чувство внутренней тревоги исчезнет и больше не вернется.

Не исчезло. Только возросло.

Вот тогда Нелли забеспокоилась. Теперь она не считала, что что-то надумывает, не считала, что у нее паранойя. Она была уверена – за ней наблюдают. Но только кто? Кому нужно было за ней следить? Нелли сомневалась, что ее преследователи, нынче называемые ею «догмарами», стали бы выжидать, тратя столько времени на лицезрение ее непримечательной жизни. Они схватили бы ее и убили. А если не убили, то увезли куда подальше.

Ее не переставали мучить вопросы. Только если раньше они звучали, как «Кто это был?» и «Зачем это делал?», то теперь – «Куда он делся?». Так как вот уже как третий день Нелли ничего не ощущала.

Сначала она сомневалась, она все ждала, что через час-два-три впечатление нахождения «под прицелом», к которому успела порядком привыкнуть, обязательно вернется. Но вот прошли три дня, а этого не происходило. И Нелли только больше беспокоилась. Почему она беспокоилась? Казалось бы, радоваться нужно, облегченно выдыхать, но нет: Нелли не могла. Как не могла объяснить своего состояния. Просто внутри поселилось новое, необъяснимое чувство тревоги. Нелли ждала подвоха. И Нелли чего-то не хватало.

Нелли пришла домой, сходила в душ и отправилась в бар. Зайдя через парадные двери, увидела за стойкой Дмитрия: он расставлял на витрине напитки и одновременно поглядывал на экран висевшего под потолком телевизора. По местному каналу вещали новости.

– Все еще ведется расследование? – Нелли остановилась напротив бармена. Друзьями они с Дмитрием не стали, но вроде как общаться по-человечески начали.

– Да.

– Есть что-то новое?

– Нет. Одно и то же по всем каналам.

– Считают, делом рук самих сектантов?

– Ага. Якобы не хотели осквернения своего «святилища».

– Бредятина какая-то...

– Читаешь мои мысли.

Несколько дней назад в районе Городских складов произошел невообразимый взрыв. Нелли была убеждена: толчок ощутил весь город. За «население» бара могла говорить с уверенностью, так как, располагаясь в соседнем Перелесном районе, «Красная метка» находилась относительно недалеко от места происшествия. Посетители аж вздрогнули от приглушенного грохота – стали перешептываться, удивленно переглядываться. Мимо бара проехала «скорая»,

полицейские и пожарные машины и, в общем, пошло-поехало. Все поняли, что случилось что-то серьезное.

– А ты что думаешь? Кто взорвал склады? – Ей было интересно мнение Дмитрия.

– Не знаю, – ответил Дмитрий, оставив витрину и развернувшись к Нелли. – Сложно что-то утверждать, опираясь на обрывки ничем неподкрепленных данных.

– Тогда может полиция права...

– Сомневаюсь, – не согласился Дмитрий. – Странно все это. Сначала в полицию поступает анонимный звонок с ложными данными. А когда обнаруживают непонятный склад, происходит взрыв. Кому понадобилось его взрывать? И почему звонок анонимный? У сектантов что, появились враги?

– Вполне возможно.

– Тайные?

– Может, у них там вражда сектантских группировок?

Дмитрий усмехнулся, но тут же улыбку спрятал.

– Тогда зачем враждующей группировке звонить в полицию? Не легче ли было разобратся между собой по-тихому, не привлекая к себе внимания? Решать проблемы можно по-разному.

Мысль логичная. Нелли нечего было противопоставить.

– А что, если, действительно, сами сектанты?

– Если взрыв организовали владевшие складом сектанты, то я вообще ничего не понимаю. Зачем тогда позвонили в полицию? Чтоб продемонстрировать свои увлечения? Кстати, на кого оформлен этот склад? Об этом ничего не говорится.

Нелли пожала плечами. Она и сама этого не знала.

– А что насчет жертв? Удалось что-нибудь выяснить?

– О, так здесь еще большая белиберда. – Так, Дмитрию удалось ее заинтриговать.

– Рассказывай.

– Полноценных трупов не найдено, что неудивительно, не так ли? Нежилой район, ночь, опечатанный склад. Однако обнаружены частицы ДНК.

– То есть?

– То есть там находились люди. Предположительно.

– О, Боже! – воскликнула Нелли. – Что они там делали? Это сектанты?

– Ты дослушай, – остудил ее Дмитрий. – Я же сказал: «предположительно».

– Что значит «предположительно»?

– А то, что, я уже сказал: трупов нет. Есть непонятные останки. Вернее, были – частицы исчезли. Тем же вечером.

– Исчезли? – Вот это экзотика. В новостях она о таком не слышала. – Их кто-то выкрал?

– Выкрал-не выкрал, а этот «кто-то» оставил упаковки, в которых они лежали. Пакетики для улик он, видимо, не коллекционирует.

– Что за сумасшествие? Когда же все это закончится?

– Что закончится? – не преминул заметить Дмитрий. – По-моему, это первое пикантное событие, произошедшее в Радлесе за последнее тысячелетие, хоть столько я и не живу.

А кое-кто живет.

Нелли отмахнулась от навязчивых мыслей. С Дмитрием всегда нужно держать ухо востро. Он и так считает, что ей нельзя доверять. Спасибо, теперь хотя бы разговаривает.

– Я имела в виду, когда же сумасшедшие преступники прекратят нести смерть и разрушения. В общем, ясно, что ничего не ясно. Я пошла, нужно переодеться. Десять минут, и я приступаю.

Нелли ушла готовиться к смене, тогда как Дмитрий сосредоточился на экране.

Да уж, какая-то бессмыслица. Частицы? ДНК? Исчезли? Нашли частицы тел, но не нашли тела? Почему эти частицы нашли? В каком именно виде их нашли? Зубы, кости, что? Какой кошмар, очередная загадка. Как же она устала от этих загадок!

Данная тема не давала Нелли покоя. Казалось бы, зачем ей переживать из-за каких-то сектантских группировок? У нее своих проблем навалом. Однако происходящее тревожило. Некая мысль ютилась в подсознании, но не находила выхода на ясный свет, никак не могла пройти осмысления.

На протяжении дня Нелли анализировала последние месяцы собственной жизни: не убиваемые догмары, за ней охотившиеся, о которых в интернете ничего не говорилось; волшебный Александр с летающей латиницей, о которой в интернете говорилось всякое, но только вне контекста таинственных незнакомцев и вне контекста полетов. Думала и про неясное чувство слезки, а теперь и частицы ко всему примешались.

Ближе к вечеру появился Зойл. Стоило ему пересечь порог, как Нелли поняла: поняла, что за мысль не давала ей покоя. Стоило взглянуть на своего наставника, как бессвязные пазлы сошлись в картину.

Зойл. Недавно он поведал ей о «встрече» с Александром, рассказал, как засвидетельствовал невероятную сцену, в реальность которой не верилось до сих пор, ведь он описывал чудовищных монстров!

У Нелли закружилась голова. Закружилась она и сейчас, Нелли еле дошла до посудомойки.

Рассказ получился кратким, Зойл ограничился несколькими предложениями, которые и составлял, казалось, нехотя. Но он рассказал ей тогда про глаза: красные, пылающие лавой. Точно такие поразительные глаза, которые пытались вперемешку с серебряными загипнотизировать Нелли. Странными символами и латиницей. Латиница и символы на стенах. Сектантские символы на стенах склада, который был взорван на днях...

Нелли на что-то села. Перед глазами резко потемнело. Ей не нравилась внезапная мысль, что стала результатом ее раздумий. На складе не могло оказаться Александра. Нет, просто не могло. У него хватило бы ума и сил разрешить свои проблемы, даже такие, грозящие смертельной для него опасностью.

Нелли тряхнула головой. Кем бы ни был Александр, она не желала мужчине зла. У него была прекрасная возможность навредить ей, но в отличие от догмар, что за ней охотились, он даже попытки такой не предпринял. А память... Разве память равнозначна спасенной жизни?

Нет-нет. Нелли определенно не желала мужчине смерти, тем более такой. Она желала видеть его здоровым. Она желала видеть его живым.

***

Ликерия лежала в постели и не хотела подниматься. Встречать очередной невзрачный день в череде таких же, одинаково-невзрачных, которые были, есть и, видимо, будут, не хотелось. Ликерия чувствовала, что тонет, утопает в каждодневной рутине, однако всплыть на поверхность и задыхаться полной грудью не могла – не получалось. И не знала, получится ли в будущем: с каждым прожитым днем Ликерию продолжало затягивать глубже, вот только помочь ей было некому.

Ликерия была сиротой. У нее никогда не было семьи, не было родных, даже самых дальних, и в первую очередь не было родителей. Не было отца, оплачивающего обучение и помогающего найти свое место в жизни; не было матери, доброй, душевной, утешающей в трудные минуты; не было братьев, не было сестер, потешающихся над ней и оберегающих. От Ликерии избавились ребенком, ее никто никогда не хотел. Нежеланна и одинока по жизни. Сколько она так живет – пора бы уже привыкнуть, а чувство отверженности, съедавшее душу, чувство ненужности, преследовавшее годами, покидать ее не спешили.

Ликерия взглянула на окружающие стены, и ей стало тошно. Это и есть ее светлое будущее? Нищая, архаичная квартира, в которой предначертано провести остаток жизни?

«Существуют ли комнаты меньше моей гостиной?» – думала Ликерия, снимая эту коморку, вероятно, в шутку именованную квартирой, чуть более года назад. Оказавшись в спальне, поняла, что существуют: немногим больше кладовки, шириной в двухместную кровать, которая, в общем-то, там и стояла, не оставляя пространства для лишних маневров. Да еще стул имелся у небольшого шкафа.

Ликерия закрыла глаза – только бы не смотреть на пожелтевшие обои.

Бесперспективна – вот кем она была. Девушкой, не имеющей перспектив.

Ликерия начала самостоятельную жизнь, как только покинула детский дом. Без денег на долгосрочное пользование, без опыта проживания в реальном мире. Азы независимости и дикой конкуренции Ликерия познавала сама, без чьей-либо помощи и поддержки. Ей было тяжело, непереносимо трудно, однако путем многочисленных ошибок, набивая шишки и болезненные синяки, Ликерия умудрилась кое-как выжить и не скатиться на самое дно. Одним только этим она и гордилась. Вот только следовали ли? Может быть, нужно было все же скатиться? Возможно, так ей стало бы легче?

Меняя одну работу на другую, переезжая с плохого жилья на еще более худшее, к настоящему времени она пришла к тому, что смогла позволить себе эту квартиру. Кем она только не работала до того, как не решила переехать в Радлес: курьером, продавщицей, уборщицей, администратором, упаковщицей цветов. Хотелось бы большего, но без нужных знаний на большее рассчитывать не следовало. А знания она имела скудные, хотя обогатиться ими очень желала. Потому и оказалась в неизвестном ей Радлесе, потому и копила деньги на учебу.

Бар Зойла стал находкой. По сравнению с сомнительными организациями, в которых Ликерии приходилось трудиться, здесь и платили с завидной регулярностью и условия представляли лучшие: обстановка комфортней, отношение уважительней. Поэтому Ликерия очень старалась. Была отзывчивой, чаще улыбалась, с энтузиазмом и смиренной готовностью выполняла привередливые просьбы клиентов, что приносило неплохие чаевые – очередной плюс заведения Зойла, да и в целом, кафе-ресторанов. Но за этой милой, доброжелательной маской она оставалась самой собой – замкнутой и одинокой, чего не видел даже Зойл, частенько интересовавшийся делами подчиненных.

«Как дела, Лика?», – спрашивал Зойл, «Все ли в порядке?», – любопытствовал владелец в мгновения особой своей проницательности. И платой за сложный многолетний опыт, ей удавались достоверные ответы: «Все прекрасно», – улыбалась Лика, «Не переживай, – добавляла следом, – я просто устала, нужно отдохнуть». И Зойл вроде бы отставал, видимо, верил, раз не донимал вопросами.

Она научилась скрывать переживания.

Ликерия открыла глаза и все же поднялась – следовало идти на работу. Нельзя залежаться дольше, она и так придет с опозданием. Почему? Просто так. Потому что у нее плохое настроение. Потому что вчера отпросилась на час, сославшись на несуществующие личные дела. Ей не хотелось обманывать Зойла, но ведь ничего не случится, если она слегка припоздается. Нелли справится часик и одна.

– Нелли, – пробормотала Ликерия. Этакая загадка «Красной метки», такая же закрытая, как она сама. Но только в данном конкретном случае Зойл понимает, что девушка непроста: он приглядывает за Нелли в баре, а теперь и домой каждый день провожает. Таким образом, домой они ходят втроем, и ощущения при этом у Ликерии достаточно странные.

Однако недавно Ликерия поняла, что Зойл не просто видит в ней тайну – он знает эту самую тайну. А Нелли знает, что знает Зойл. Вот такая запутанная ситуация. У Нелли с Зойлом появились общие секреты. Неспроста он учит ее драться – Нелли проговорила об этом на днях, сказав, что это так, на всякий случай, в жизни и такое может пригодиться. Несмотря на

отсутствие высшего образования, Ликерия глупой себя не считала. Конечно, в мире много аморальных личностей, и опасности подстерегают каждого, вот только кулуарные разговоры этой парочки, с каждым днем происходящие все чаще, наводили на определенные мысли. Мысли о делах, которые, в общем-то, ее не касались.

Что бы не происходило между Зойлом и Нелли, доступ к их тайнам Ликерии закрыт. Что, собственно, ее не волновало. Важно то, что Нелли ей нравилась – интересная, общительная, приятная. Не без замашек, конечно, характерных: Ликерия не раз и не два замечала, как она на равных общалась с посетителями, или как начальственно держалась с персоналом. Но это ничего, в пределах нормы. Напарницу это не портило, поэтому Ликерии совсем не хотелось подозревать ее в нечистоplotных делах. Тем более когда в делах был замешан Зойл. Владелец «Красной метки» представлялся Ликерии неким образцом идеального мужчины, разумеется, с присущими ему недостатками, но у кого недостатков нет? Потому и связывать его ни с чем предосудительным Ликерия не хотела. Вот и предпочла сосредоточиться на себе и своих пока заоблачных целях.

Цель первая: получить желанное образование. Она мечтала увидеть мир. Как же сильно ей этого хотелось! Хотелось побывать в различных странах, посетить неведомые ранее места. Ей хотелось вырваться из монотонных будней, которые окутывают удушающей пеленой. И Ликерия вырвется. Обязательно вырвется...

Цель вторая: найти соответствующую работу. Например, турагентом. Чтобы не ограничиваться только путешествиями, а находится в этом всегда – в этой среде, в присущих ей проблемах, заботах, радостях и бедах. *Ликерия желала стать перспективной.* А работа мечты, пускай далекой, могла бы ей в этом помочь.

И, наконец-то, цель номер три: создать семью, большую и светлую, которой не было у нее самой.

Но об этом думать не хотелось, не сейчас, еще не время. Не следовало себя расстраивать еще больше. Пока даже мечтать об этом не нужно. Не тогда, когда находится в таком плачевном состоянии. Она не собиралась растить детей в той нищете и вязком болоте, в которых день за днем существовала сама. Нет, она категорически против. После той школы жизни, которую прошла и продолжала проходить до сих пор, Ликерия ни за что не заведет детей.

Но ей не стоит об этом беспокоиться. У нее даже друга нет, не то что любимого человека, с которым могла бы задуматься о будущем, а она уже размечталась о семье и детях. Ей следовало позаботиться о самой себе, на других ее не хватит. Потому любые заигрывания в баре обрывала на корню. Да и кому нужна сирота?

– Хватит, – сказала Ликерия, и выключила кран с холодной водой. Посмотрела в маленькое зеркало, которое висело над узким умывальником, и застыла, поскольку осознала кое-что еще.

Да, семья подождет, дети тоже, и любимый мужчина. Однако не подождет кое-что другое.

Размышляя о своих желаниях, Ликерия сознательно о том не думала, даже мысли старалась не допускать. Но, безумная и совсем непокорная, она все равно о себе напоминала.

Самым тайным из ее желаний и, несомненно, совершенно неправильным, было отыскать своих родителей: настоящих биологических родителей. Узнать, кем являлся ее отец и, Ликерия надеялась, все еще является; разузнать как можно больше о «потерянной» матери, которой Ликерия оказалась не нужна, и задать вопрос, что на протяжении жизни не давал ей душевного покоя:

Почему они оставили ее одну: одну на растерзание жестокого мира.

Глава 12

Было паршиво. Страшно паршиво. Ужасно паршиво. Так паршиво, что не хотелось разлеплять глаза. И хуже всего было не физически – хуже было морально. Они облажались, серьезно и по-крупному. *Он* облажался. А от осознания того, что едва не погубил своих людей, легче отнюдь не становилось. Тогда как Ролан предлагал задуматься о ловушке. Хотя спроси его кто сейчас, пошел бы он к складам, знай заранее, что его там ожидает, что бы он ответил?

Александр не сомневался: да, пошел бы.

Задай остальным тот же самый вопрос, что ответили бы они?

Они ответили бы то же самое. Речь об этом уже заходила: другого решения быть не могло. Так есть ли смысл переживать? Нет. Наверное, нет: то, что случилось – в прошлом, пора прекращать себя изводить. Тогда от чего же так паршиво?

Александр крепче зажмурился.

От осознания того, что психопат-Лисандр обставил его как сопливого мальчишку и даже пальца не напряг. Даже пальца!

Александр стиснул челюсти.

Все стоял этакий чистюля, улыбался своей дрянной улыбкой. Своей дрянной, паршивой улыбкой...

Кажется, «паршиво» становилось словом дня. Дерьмо.

Рядом пошевелились. Ролан. Это что же, снова просыпаются угрызения совести?

– Перестань себя изводить, – послышался ровный голос. – Рано или поздно мы оказались бы на этих складах. Ты ничего не мог поделать. Случившееся было вопросом времени.

– Я в порядке, – был сух Александр.

– Можешь вешать лапшу на уши кому-нибудь другому.

– Хорошо. Где остальные?

– Где-то в доме.

«В доме». Нет, они не «в доме». Не в его доме, не в лофте. Они находились в квартире Дея, которую тот снял, пожаловав в Радлес, так как в состоянии, в котором оказались после взрыва, отправляться «в дом» было равнозначно самоубийству, учитывая его непригодность для житья, а значит, восстановления раненых *fevus*. Самоубийством под номером два. А квартира Дея находилась в Радлесе: пускай далековато от незабвенных складов, но хотя бы в черте горячо любимого города.

Александр открыл глаза. В поле зрения попал потолок: белый, без единых разводов. Повернул голову влево – увидел Ролана, лежащего неподалеку, уставившись в стену перед собой.

Александр, как и Ролан, лежал на полу. В таком положении, распластанными на паркете, они оказались трое суток назад, когда, добравшись кое-как до квартиры, повалились солдатами в гостиной – это единственное на что они оказались способны.

Да, в тот день они выжили: получили ранения, достаточно серьезные, но остались живы назло врагам. И за это следовало благодарить парней.

Пока Лисандр, не смолкая, разглагольствовал какой он умный, гениальный и смысленный, будучи полностью поглощенным собой, Дей смекнул и, не жалея крови, начертил незаметно сакру, спасшую их жалкие, никчемные задницы. Остальные его прикрывали.

По-прежнему оставалось загадкой, каким таким образом догмам удалось вывести их самые сокровенные тайны – узнать заклинание *scriptio* и использовать сакры против них самих. Вот только Лисандр не учел одного: что бы и кто не замышлял с участием сакр, невзирая на команду, которую получили, сакры предоставляли *fevus* шанс вытащить головы из затягиваю-

щихся петель: сакры не были ни хорошими, ни плохими, они не умели всецело подчиняться, однако понимали кто их хозяева.

Понимал это и Александр и мог лишь надеяться, что парни смогут воспроизвести знак-противоядие – *Isolatio*, сакру «Изоляция». Если сакра «Аркан» не позволяла объектам выходить за пределы занятого пространства, но позволяла объектам в него проникать, то сакра «Изоляция», в виде окружности с дополнительным защитным кругом, изолировала от сторонних воздействий. Поэтому взрыв чувств их не лишил – *ferus* накрыло оберегающей волной. Но в результате хаоса и не подготовленных действий защита просуществовала недолго, и, как итог, они оказались под обилием раздробленных конструкций, что и нанесло им физический вред.

Все то время, что в порыве счастья догмары читали на расстоянии *scriptio*, они лежали бездыханными трупами, но стоило догмарам, наконец-то, уйти, начали скидывать железно-каменную рухлядь.

Александр был удивлен той беспечности, что проявил Лисандр. «Заклинание смерти», как называли *scriptio ferus*, могло и должно было дать результат только в одном и единственном случае – если бы *ferus* лишились сил; если бы *ferus* оказались без сознания и не имели возможности сопротивляться врагам – ни физически, ни морально. Для того и предназначался этот взрыв – чтобы обездвижить, обезоружить *ferus*. И догмарам практически это удалось. Вот только Лисандр, самоуверенный фронт, не пожелал проверить результаты своих, бесспорно, великолепных трудов. Либо... либо он не знал. Не знал об условиях умерщвления *ferus*, что значились в договоре мелким шрифтом.

И вот, значит, *ferus* оказались здесь, в чисто холостяцком жилище Дея.

Александр осмотрелся. Стены выкрашены в синий, на окнах – вертикальные жалюзи. Из мебели – только диван с мягкой обивкой и кучей подушек, – этим дань комфорту считалась отданной: никаких безделушек, только техника у стен.

– Первому догмару, встретившемуся на моем пути, я вырву глотку и исполосую сердце, – прорычал, как помнится, Дей, когда, отшвырнув кофейный столик, – на то время еще живой, – повалился мертвым грузом на живот.

– Я помогу тебе в этом, – прохрипел Океан.

– Найдешь свою жертву.

– Обязательно: свою тоже найду.

Следующий день стал оздоровительным – они молча восстанавливали силы, зализывали раны, приходили в норму; последующий – «энергосбрасывающим»: день ушел на охи, вздохи и причитания. Сейчас же настало время осмысления сложившейся ситуации: пора заканчивать с пустыми сожалениями, нужно встряхнуться, собраться с мыслями и обсудить дальнейшие действия. Что им следовало делать?

Александр сел. Они не погибли, и умирать не собирались. Разве это серьезно, какой-то взрыв, в подобный которому они вовлекались не единожды. Для них это чих, а он размяк. Со стороны догмар даже как-то мелко, они лишь раззадорили их аппетиты.

– Вставай, – бросил он Ролану.

– Наконец-то, – буркнул *ferus*, неторопливо приподнимаясь с места.

Александр вылетал из гостиной. Они устроят догмарам веселую жизнь. А Лисандра, нежданно воскресшего, ожидает повторное, теперь неподдельное погребение. Пока же *ferus* сами устроят сюрприз, явившись их подлому догмарскому взору. Обезумевшие и восставшие из мертвых – наверняка такого Лисандр не ждет.

Дей и Кас нашлись на кухне, где царил молчаливая, непринужденная атмосфера: ноги на столе, мысли в пространстве. Что они делали? Обсуждали поэзию?

– Спускайте ноги и марш в гостиную!

Две пары ног одновременно оказалась на полу.

– Где Океан? – спросил Александр.

– Вроде бы спал. В комнате Дея. – Кас озадаченно указал на стену, подразумевая под жестом, что «где-то там».

Александр проследовал в комнату, что располагалась по соседству с гостиной. Стучать не стал – все свои.

Как оказалось, Океан не спал, а, развалившись на куче подушек, сваленных у изголовья кровати, разговаривал по телефону.

– Александр! – воскликнул Океан, находясь в привычном благодушном настроении: кто-то по жизни никогда не парился, на душе у кого-то всегда был праздник. – Отгадай, с кем я разговариваю! – И выжидающе уставился на Александра.

– Удиви меня.

– Рагнар! – Океан и вправду его удивил. – Знаешь, он очень за нас переживает. Оказывается, он почувствовал что-то неладное и забеспокоился.

– Оно и видно.

– Брось, Александр, не будь таким черствым. Вот Рагнар передает тебе пламенный привет. – Океан приник к беспроводной трубке Дея и выслушал комментарий. – Пардон, не передает.

Это вывело Александра из себя.

Рагнар! Этот чертов Рагнар смеет звонить и осведомляться об их делах? В то время как должен находиться здесь лично и помогать друзьям защищаться от врагов? Он же клялся, что не оставит *ferus*, будет до последнего оберегать своих. Да он не просто ослушался Александра, когда проигнорировал его призыв, он нарушил законы *belua ferus*, что вырабатывались на протяжении многих веков. Жалкий ублюдок, лицемерный и злопамятный. Они не погибли едва на досуге, тогда как он, «передающий привет», в это время где-то прохлаждался. И все из-за своего упрямства. И после этого ему хватает наглости звонить и интересоваться, как у них дела?

В два шага преодолев расстояние, что разделяло его от Океана, Александр вырвал из рук его трубку, и швырнул, озлобленный, в стену.

– В гостиную, – выдавил Александр.

Океан продолжал на него смотреть и тихо улыбаться. Александр насторожился. Над ним издевались или...

Или. Вот ведь...

Александр с трудом, но взял себя в руки.

– Доволен? – рыкнул на паршивца.

– Вполне, – ответил Океан и встал с кровати. – Теперь он знает, насколько ты опечален его отсутствием. – И спокойно покинул комнату, воскресив в Александре воспоминания.

Рагнар. Он был одним из тех, кто не поддержал Александра в его решении оборвать контакты. Рагнар был зол, Рагнар был в ярости и категорически против его самоуправства. Рагнар считал, что их сила в единстве, что *ferus* необходимо держаться вместе, пускай ментально, разделенные пространством – только так им остаться в живых. К тому же, они ведь друзья, им не стоит об этом забывать и тем самым себя ослаблять.

Рагнар говорил об этом в тот памятный день, приводил свои доводы в качестве аргументов – Александр их проигнорировал. Теперь же захотелось рассмеяться над иронией злобной судьбы. Сейчас то же самое делал Рагнар – игнорировал призыв Александра. Око за око...

Александр вышел в гостиную, успев к тому времени успокоиться. Парни оживленно переговаривались, точнее, говорил в основном Океан, тогда как остальные с интересом внимали. Нетрудно догадаться, о чем велся разговор.

Завидев Александра, они замолчали и постарались спрятать улыбки.

– Здесь нет ничего смешного. Я понимаю, что мое благополучие Рагнара интересует мало, но я не думал, что ему наплевать и на вас.

– Ты так зол на Рагнара... но как же остальные? – поинтересовался Дей.

– Остальные не звонят нам и не предлагают свое фальшивое сочувствие. Да и мало ли, что у них стряслось: их могли задержать серьезные обстоятельства.

– Как и Рагнара.

– Рагнар не собирается к нам возвращаться, неужели еще непонятно? – Он посмотрел на Дея в упор. – В противном случае у него была возможность сообщить обратное, ты так не считаешь?

Дея не ответил.

– Я понимаю, тебе близко поведение Рагнара, совсем недавно ты и сам был близок к анархии, однако это не повод его оправдывать.

– Да, я его понимаю. И могу сказать, что он просто злится. На тебя, – заметил Дея. – Но «это не повод» ставить на нем крест. Дай ему время, чтобы остыть.

– Тридцати лет мало? – улыбнулся Александр. – Давайте о насущном: о догмах.

Подхватывая новую тему, Кас отметил:

– Возможно, мы и облажались, но, несмотря на промах, мы оказались в более выгодном положении, так как для догмар мы теперь мертвы.

– Верно, – согласился Океан. – Теперь у нас уйма времени, чтобы приготовить для них что-то стоящее.

– Я предлагаю залечь на дно. – Ролан, отойдя от дивана, у которого сгруппировались было все четверо ferus, уселся на пол у стены. – Пускай почувствуют свободу действий, расслабятся, поверят в свою непобедимость. Отпразднуют, в конце да концов – не будем лишать их праздника. А нам необходимо выяснить, что они задумали по отношению к остальным ferus. Лисандр считает, что они примчатся сюда, почувствовав нашу смерть, а раз мы живы?..

– ...то нет никаких вернувшихся ferus... – подхватил мысль Кас.

– ...а значит, будет новый план по их выманиванию, – сказал Александр.

– ...о котором нам необходимо разузнать. – Ролан подытожил озвученное.

– Прекрасная идея, – одобрил Дея, – только есть небольшая проблема: необходимо разузнать о планах догмар в тайне от самих же догмар. При этом нам следует залечь на дно. Есть предложения, как осуществить задуманное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.